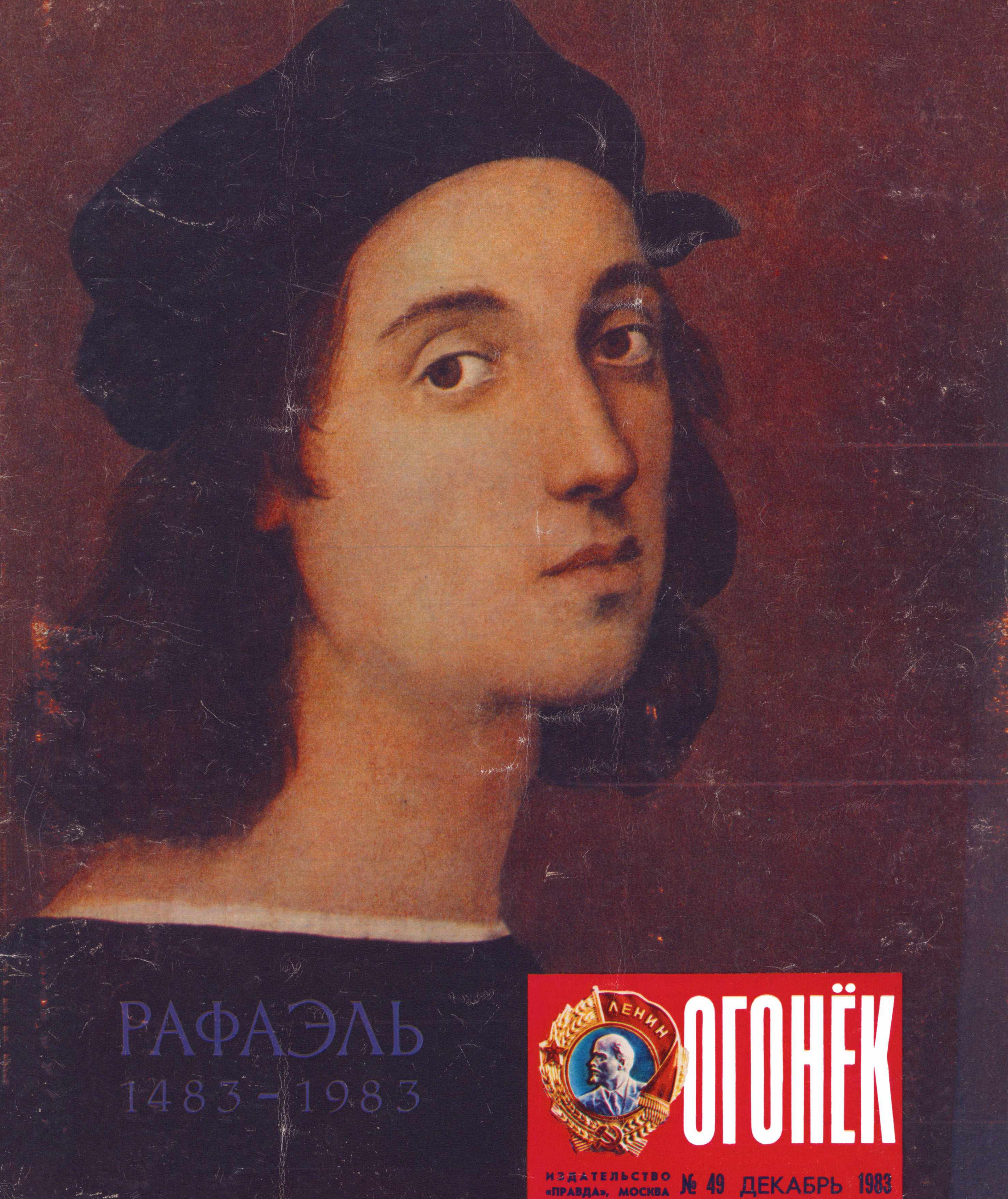

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 49 ДЕКАБРЬ 1983

З А Я В Л

Генерального секр
Председателя Прези
Совета СССР Ю.

Руководство Советского Союза уже доводило до сведения советских людей и других народов свои оценки милитаристского курса нынешней американской администрации и предостерегало правительства США и выступающих заодно с ними западных стран насчет опасных последствий такого курса.

Однако Вашингтон, Бонн, Лондон и Рим не прислушались к голосу разума — на территории ФРГ, Великобритании и Италии начинается размещение американских ракет средней дальности. Таким образом, появление на европейском континенте американских «Першингов» и крылатых ракет становится свершившимся фактом.

Почти сорок лет — больше чем когда-либо в современной истории — Европа живет в условиях мира. Это стало возможным благодаря последовательно миролюбивой политике стран социалистического содружества, усилиям миролюбивых сил континента, а также реалистической позиции здравомыслящих политиков на Западе. Сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора объективно служило делу европейской безопасности и стабильности.

Теперь США и НАТО в целом предпринимают шаг, направленный на то, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. Развертываемые вблизи границ Советского Союза и его союзников ядерные ракеты предназначены вовсе не для защиты Западной Европы — ей никто не угрожает. С размещением американских ракет на европейской земле возрастет не безопасность Европы, а реальная опасность того, что США навлекут на народы Европы катастрофу.

В двух мировых войнах территорию Соединенных Штатов Америки не затронул пожар разрушения. В Вашингтоне и теперь хотели бы думать, что, развертывая в Европе свои ракеты средней дальности и создавая тем самым дополнительно ядерную угрозу для социалистических стран, им удастся отвести от своего дома ответный удар. Что же касается безопасности западноевропейских союзников США, то она, похоже, интересует американских руководителей ровно настолько, насколько западноевропейцы смогут своими жизнями, своими городами уменьшить возмездие самим Соединенным Штатам, если бы Вашингтон поддался соблазну развязать ядерную войну в иллюзорной надежде выиграть ее.

Развертывание американских ядерных ракет в Западной Европе — это отнюдь не шаг, вызванный реакцией на какую-то якобы существующую на Западе озабоченность по поводу нынешнего соотношения сил сторон в Европе. Многократно, на конкретных цифрах было доказано — и с этим согласны многие политические деятели и специалисты на Западе,— что в настоящее время в Европе между НАТО и Варшавским Договором сохраняется примерное равенство в ядерных средствах средней дальности, а по ядерным зарядам существенный перевес на стороне НАТО. Так что если у кого и может быть озабоченность, то ее должны испытывать страны Варшавского Договора, которым угрожают военные машины государств НАТО.

Оценивая все это, Советский Союз, другие страны социалистического содружества не могут закрывать глаза и на то, что Вашингтоном объявлен «крестовый поход» против социализма как общественной системы и что те, кто отдал сейчас распоряжение о размещении новых ядерных вооружений у порога нашего дома, строят свою практическую политику на этой безрассудной посылке. Похоже, что, размещая в Европе «Першинги-2» и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюристическую посылку конкретную ракетно-ядерную базу.

Могут ли Советский Союз, другие социалистические страны не считаться с этой опасностью? Нет, не могут. Вот почему высшие партийные и государственные руководители семи социалистических стран заявили на встрече в Москве 28 июня 1983 г., что ни при каких обстоятельствах не допустят военного превосходства блока НАТО над странами Варшавского Договора.

Подтверждая согласие на размещение в своих странах американских ракет, правительства ФРГ, Англии, Италии не могли не знать того, что США с самого начала не желали достижения взаимоприемлемой договоренности по ядерным вооружениям в Европе и сделали все на переговорах в Женеве и вне их, чтобы такой договоренности не было. Не могли не знать они и того, что Советский Союз, его союзники обязательно примут необходимые меры, чтобы оградить свою безопасность, не позволят США и НАТО в целом сломать существующее примерное равновесие сил в Европе.

Нами было четко заявлено также о том, что появление в Западной Европе новых американских ракет сделает невозможным продолжение переговоров, которые велись в Женеве по ядерным вооружениям в Европе.

Решения, принятые в последние дни правительствами ФРГ, Англии и Италии, однозначно говорят о том, что вопреки воле своих собственных народов, вопреки интересам безопасности своих стран и вопреки интересам европейского и всеобщего мира эти правительства дали «зеленый

ЕНИЕ

етаря ЦК КПСС, диума Верховного В. АНДРОПОВА

свет» установке американских ракет. Тем самым они взяли на себя вместе с правительством США всю ответственность за последствия близорукой политики, о которых заранее предупреждал Советский Союз.

Тщательно взвесив все стороны создавшейся обстановки, советское руководство приняло следующие решения.

Первое. Поскольку США своими действиями сорвали возможность достижения взаимоприемлемой договоренности на переговорах по вопросам ограничения ядерных вооружений в Европе и их продолжение в этих условиях было бы лишь прикрытием для направленных на подрыв европейской и международной безопасности действий США и ряда других стран НАТО, Советский Союз считает невозможным свое дальнейшее участие в этих переговорах.

Второе. Отменяются взятые на себя Советским Союзом в одностороннем порядке обязательства, имевшие своей целью создание более благоприятных условий для достижения успеха на переговорах. Тем самым отменяется мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР.

Третье. По согласованию с правительствами ГДР и ЧССР будут ускорены начатые некоторое время назад, о чем было объявлено, подготовительные работы по размещению на территории этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности.

Четвертое. Поскольку путем размещения своих ракет в Европе США повышают ядерную угрозу для Советского Союза, соответствующие советские средства будут развертываться с учетом этого обстоятельства в океанских районах и морях. Эти наши средства по своим характеристикам будут адекватны той угрозе, которую создают для нас и наших союзников американские ракеты, размещаемые в Европе.

Будут, разумеется, приняты и другие меры, направленные на обеспечение безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

Приступая к осуществлению принятых нами решений, мы заявляем, что ответные меры с советской стороны будут выдерживаться строго в тех пределах, которые будут диктоваться действиями стран НАТО. Советский Союз — и мы снова подчеркиваем это — не стремится к военному превосходству, и нами будет делаться лишь то, что совершенно необходимо, чтобы военное равновесие не было нарушено.

Если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности, Советский Союз будет также готов сделать это. Тогда вновь обрели бы силу и внесенные нами ранее предложения по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений в Европе. В этом случае, то есть при условии восстановления прежнего положения, возобновили бы свое действие и односторонние обязательства СССР в этой области.

Советский Союз со всей определенностью и твердостью заявляет, что он остается приверженным принципиальному курсу на прекращение гонки вооружений, прежде всего ядерных, на уменьшение и в конечном итоге полное устранение угрозы ядерной войны. Он будет и дальше прилагать все свои усилия к достижению этих благородных целей.

Советский Союз по-прежнему выступает за самое радикальное решение вопроса о ядерных вооружениях в Европе. Он повторяет свое предложение сделать Европу вообще свободной от ядерного оружия — как средней дальности, так и тактического.

Советское руководство обращается с призывом к руководителям США и государств Западной Европы еще раз взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализация планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение. Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам.

Советский Союз убежден, что мир может быть упрочен и безопасность народов гарантирована не путем наращивания и изобретения все новых видов вооружений, а, наоборот, путем сокращения существующих вооружений до неизмеримо более низких уровней. У человечества слишком много задач, которые не решаются только из-за отвлечения колоссальных материальных, интеллектуальных и других ресурсов. И с этой точки зрения достижение договоренностей о радикальном сокращении ядерных и других вооружений было бы благом для всех народов.

Советское руководство заявляет, что, выполняя волю советского народа, оно и впредь будет делать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений.

Во время митинга на ленинградском объединении «Пластполимер». Телефото Ю. Белинского (ТАСС)

С глубоким волнением за будущее планеты восприняли советские люди Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. Этот документ не только серьезное предупреждение тем, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, но и настойчивый призыв к американской администрации и ее союзникам отказаться от несбыточных расчетов достичь военного превосходства.

Перед началом смены на бакинской ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрике № 1. В центре — инженер Махмуд Гасанов. Телефото Я. Халилова (ТАСС)

МОГУЧЕЕ ЕДИНСТВО

Анатолий **СОФРОНОВ**

Все больше волнуют человечество драматические события, связанные с самой жизнью нашей планеты. На землях ФРГ, Великобритании, Италии началось размещение американских ракет средней дальности.

Казалось бы, это одна из обычных информаций о событиях нашего времени. Да нет, к сожалению, далеко не обычная! Само существование человечества, жизнь народов всей Земли поставлены под реальную угрозу уничтожения.

«Почти сорок лет — больше чем когда-либо в современной истории — Европа живет в условиях мира. Это стало возможным благодаря последовательно миролюбивой политике стран социалистического содружества, усилиям миролюбивых сил континента, а также реалистической позиции здравомыслящих политиков на Западе. Сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора объективно служило делу европейской безопасности и стабильности». Эти слова из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова сжато и впечатляюще говорят о том, что было сделано и закреплено за последние годы мудрой политикой Коммунистической партии Советского Союза и правительства нашей страны.

Для каждого из нас, кто прошел тягчайшее испытание жизни — годы войны, видел смерть, горящие города, грандиозные танковые сражения под Курском, форсирование Днепра и, наконец, штурм Берлина,— все эти страницы военной летописи как были, так и останутся в памяти до последнего дыхания. Более двадцати миллионов советских людей отдали свои жизни, защищая Родину! Это не ушло и не может уйти из памяти. Эта горькая память живет и будет жить, переходя из поколения в поколение, одновременно вдохновляя и мобилизуя силу и волю советского народа.

Совсем недавно я был в могучих брянских лесах, на партизанских полянах, в тех самых партизанских землянках, в которых мне пришлось быть в ноябре 1942 года, в канун 25-летия Великого Октября, и слышать идущую от сердца клятву патриотов.

В этом году праздновалось 40-летие освобождения Брянска от фашистских захватчиков. На широкой площади города со слезами на глазах стояли те, кто прошел эти четыре послевоенные десятилетия; на их пиджаках, на платьях мы видели боевые ордена и медали за подвиги во время Великой Отечественной войны. А многие десятки, сотни, тысячи их земляков сложили головы на полях сражений, в борьбе за мир на всей Земле, во имя победы над фашизмом!

Наш народ не желает войны. Трудно себе представить, чтобы эту войну желали вообще какие-либо народы. Я не один раз бывал в Соединенных Штатах Америки. В памяти у меня остались квартиры самых обычных американцев; помню и дома писателей, ученых, актеров... Как я, например, могу забыть дом Лиона Фейхтвангера в Лос-Анджелесе, большого писателя, вынужденного покинуть Германию и поселиться там, на берегу Тихого океана? То, что им делалось, всегда было на благо мира. Как же я могу забыть великого американского певца Поля Робсона, который умел прекрасно петь не только свои родные песни, песни негритянского народа Америки, но и песни о мире и дружбе народов? Это все вписывается в историю современного человечества.

Как я могу не вспомнить подвиг наших воинов, спасших от гибели сокровища Дрезденской галереи, чуть не погубленные в шахтах фашистского рейха? Мы бережно храним в наших музеях шедевры Леонардо и Пуссена, Эль Греко и Рембрандта, в наших переполненных концертных залах тысячи людей слушают с восторгом музыку Бетховена, Гайдна и Дебюсси, у нас в стране, как нигде в мире, миллионными тиражами выходят в свет собрания сочинений Бальзака и Диккенса, Гейне и Хемингуэя, в советских театрах не сходят со сцены спектакли Шекспира, Лопе де Вега и Мольера.

Да, мы чтим мировую культуру, и мы будем бороться за ее спасение.

Почему-то, когда я что-либо читаю из высказываний Рейгана, я вспоминаю Голливуд, где мне пришлось бывать, съемки ковбойских фильмов, каких-то придурковатых героев, которые появлялись на экранах, показывая жизнь американцев. Одним из неудавшихся актеров Голливуда был Рейган. Он не прославился как герой кинематографа. Он стал президентом США.

Нас думают запугать. Думают поставить на колени. Да нет же! Это напрасная затея, ибо все то, что сказано в Заявлении Юрия Владимировича Андропова,— это думы, мысли, чувства, чаяния, воля всего советского народа, воля партии, ее Центрального Комитета, которому беззаветно верит наш советский народ. Мы так возмужали и выросли за эти мирные ч е т ы р е д е с я т и л е т и я. Каждый день из этих десятилетий — это результат осуществления политики нашей партии, нашего Советского правительства. Все это мы видим, и видим воочию, где бы мы ни находились на земном шаре.

Более пятидесяти лет тому назад, еще юнцом, я пришел слесарем на строительство завода «Ростсельмаш». Мы тогда возводили совсем новый завод, первенец первой пятилетки. Почти каждый год я бываю на своем родном заводе. Но в этом году это было какое-то особенное посещение, ибо сейчас «Ростсельмаш» испытывает свою новую марку комбайнов под названием «Дон». Да, «Дон»! Это имя вызывает волнующие ассоциации. Здесь родился такой великолепный, единственный в своем роде роман XX века, каким является «Тихий Дон» Михаила Шолохова. В тихой придонской станице Вешенской и сейчас живет Михаил Шолохов, восьмидесятилетие которого скоро будет праздновать весь советский народ. Праздновать... Да, это действительно так. Каждое явление советской культуры принадлежит всему народу. Каждая угроза миру — это прежде всего угроза не только жизни людей, но и всему тому, что было создано и создается в настоящее время человечеством.

Мы всегда бываем взволнованы, когда видим бегущих по берегу моря ребятишек, отдыхающих в пионерских лагерях, когда видим их на руках молодых матерей, когда видим их лица, склоненные над учебниками и тетрадями. Это дети. Это те, кому суждено встретить XXI век. И мы верим в то, что они встретят его.

Все народы Советского Союза в могучем единстве поддерживают мудрые слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андроповым в историческом Заявлении.

Но не только советские люди поддерживают это Заявление. Со всего мира приходят все новые и новые сообщения, в которых осуждается размещение американских ядерных ракет в Западной Европе. Так, в далекой Австралии на второй профсоюзной конференции горняков Азии и Океании участники конференции горячо поддержали идею создания безъядерной зоны в Океании. Из Мадрида сообщается, что большинство испанцев выступают против размещения американских ядерных ракет в Западной Европе. Более 70 процентов опрошенных прямо заявили о своем несогласии с решением Вашингтона и его союзников по НАТО навязать народам континента американское оружие первого удара. Английские сторонники мира возлагают всю ответственность за срыв женевских переговоров на администрацию Рейгана. В заявлении общественной организации — британской ассамблеи мира говорится, что правительство Соединенных Штатов сделало все возможное, чтобы воспрепятствовать достижению на них соглашения. У всех, кто внимательно следил за ходом женевских переговоров, нет никакого сомнения, что администрация Рейгана сознательно торпедировала все мирные предложения Советского Союза, направленные на обуздание гонки ядерных вооружений и снижение международной напряженности. Радио, телевидение, телеграф, пресса всего мира заполнены протестами и возмущением по поводу решения администрации Рейгана.

«Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире. Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение. Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам». Эти мудрые, твердые слова Юрия Владимировича Андропова передаются из сердца в сердце и стали широко известны во всем мире.

Сейчас день за днем мы чувствуем, видим и знаем, как во всем мире становится все больше людей доброй воли, которым дорого все то, что создано человечеством, и дорого само человечество.

Наша сила — в могучем единстве Коммунистической партии и народа, единстве всех национальностей Советского Союза, единстве всех поколений!

Мы были, есть и всегда будем с Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза!

НАС НЕ ЗАПУГАТЬ

С гневом и возмущением восприняли все советские люди сообщение о том, что на территории ряда европейских стран начинается размещение американских ракет средней дальности. В своем стремлении добиться военного превосходства над СССР, странами Варшавского Договора администрация США и агрессивный блок НАТО сделали еще один безумный шаг, грозящий неисчислимыми бедствиями всей планете.

В этой напряженной международной ситуации наша страна в очередной раз продемонстрировала свое стремление к миру. Принципиальная, проникнутая глубоким чувством ответственности за судьбы человечества позиция нашей страны получила ясное, полное выражение в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. В этом документе прозвучал новый призыв к руководителям США и государств Западной Европы трезво оценить происходящее и отказаться от наращивания своих ядерных потенциалов.

Ленинградцы хорошо знают, что такое война. Сейчас мы готовимся отметить 40-летие полного снятия блокады, и, вспоминая павших, отдавая дань мужеству тех, кто выстоял в эти страшные 900 дней и победил, с особой остротой понимаешь, как надо беречь мир.

Мы слишком многое пережили, чтобы бояться каких-либо угроз. И сумеем в случае необходимости постоять за себя, за своих друзей. Меры Советского правительства, предпринятые по согласованию с правительствами братских социалистических стран, призванные поддержать военное равновесие в Европе,— убедительный ответ тем, кто хотел бы нас запугать.

Ю. МЕТЕЛКИН,
бригадир бригады фрезеровщиков Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина

ОСТАНОВИТЬ ДИКОСТЬ!

Президент США Рейган и его администрация в главном вопросе нашего времени — вопросе сохранения мира на планете — заняли самую антижизненную, противочеловеческую позицию. Своими действиями они обрекают плодородную землю на смерть, на превращение ее в мертвую пустыню.

Я, хлопкороб-целинник, считаю это проявлением преступной дикости. Каждый день я и члены моей бригады занимаемся тем, что превращаем все новые и новые гектары веками пустовавшей земли в хлопковые поля, сады и виноградники. Это истинно человеческое дело. И потому всей душой поддерживаем решение нашей партии и правительства принять ответные меры безопасности, чтобы спасти жизнь на Земле да и саму Землю.

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что размещение американских ракет в Европе делает невозможным дальнейшее продолжение женевских переговоров. Мы горячо одобряем Заявление Ю. В. Андропова, каждый пункт в нем — это и точка зрения всего советского народа.

Будем трудиться с наивысшей отдачей на благо нашей Отчизны. Сделаем все возможное, чтобы дать ей побольше добротного «белого золота».

Б. БАЙМУРАДОВ,
бригадир совхоза имени XXV партсъезда Талимарджанского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР

МЫ — СОРАТНИКИ

Мы живем в очень тревожное время. Думаю, не надо объяснять, откуда исходит сегодня опасность для всех людей на Земле. Размещение американских ракет в Европе, которое становится реальностью вопреки протестам мировой общественности, повышает риск ядерной катастрофы. Советский Союз не жалел усилий, чтобы предотвратить опасное развитие событий. Известно, что СССР внес за послевоенный период более ста предложений, направленных на то, чтобы никогда больше война не угрожала людям, чтобы минувшая мировая война была последней мировой войной. Вот почему у вашей страны так много друзей на всей планете. Мы всем сердцем поддерживаем миролюбивую политику СССР. В Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова названы принятые советским руководством решения, в том числе по согласованию с правительствами ГДР и ЧССР. Будут приняты соответствующие меры, чтобы военное равновесие не было нарушено. Сказано четко: мы не допустим военного превосходства блока НАТО над странами Варшавского Договора.

Я служу в вооруженных силах ГДР — страны, которая является верным союзником и другом Советского Союза. Все эти годы я отдаю много сил работе в Обществе германо-советской дружбы. Это приносит мне, коммунисту, большое удовлетворение. Общество дружбы с Советским Союзом — это подлинная школа интернационального воспитания для граждан моей страны, особенно для молодежи. Мы уже принимали у себя гостей из Москвы, Алма-Аты, Таллина, Киева. Дружба с Советским Союзом делает нас сильными, вселяет в нас оптимизм, дает возможность идти дальше. За дело мира надо бороться. Империализм с каждым днем становится все агрессивнее, авантюристичнее. «Люди, будьте бдительны!» — эти слова Юлиуса Фучика являются и девизом и напоминанием одновременно. И сегодня я хочу сказать, что каждый борец за мир борется вместе с вами, дорогие друзья, за коммунизм и мир.

Эрих БАЙЕР,
военнослужащий, ГДР
Лейпциг.

Питер Мортимер, гость «Огонька», говорит:

«ОПАСНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ СТОИТ У ПОРОГА КАЖДОГО ДОМА НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ».

На днях редакцию журнала «Огонек» посетил английский поэт и драматург Питер Мортимер. Жизнерадостный и общительный человек. В его белокурых волосах пробивается ранняя седина. Много профессий сменил Питер Мортимер. Кем только не приходилось работать ему: и грузчиком, и разносчиком газет, и водителем автофургона для продажи товаров. Он прошел суровую жизненную школу и хорошо знает заботы простых англичан.

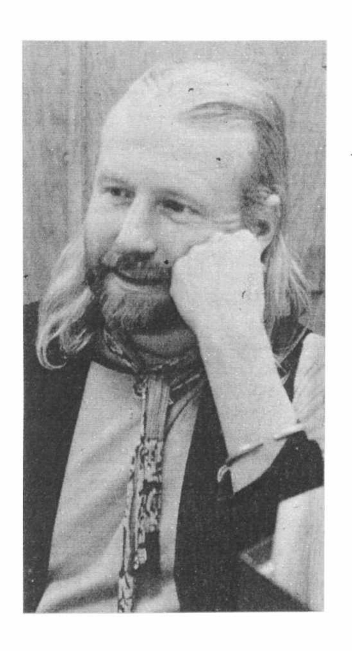
— Как бы ни было мне тяжело, как бы ни сгущались тучи над моей головой, я никогда не унывал. Юмор — мое главное лекарство от всех бед.

Питер Мортимер говорит, что англичане сейчас очень обеспокоены положением дел в мире. Опасность ядерной войны стоит у порога каждого дома на Британских островах. Вот почему тысячи демонстрантов вышли на улицы с протестом против размещения на территории Великобритании американских крылатых ракет.

— Движение за ядерное разоружение,— говорит Питер Мортимер,— ширится по всей Англии. Взять хотя бы промышленный район страны — Тайнсайд, который я представляю. Атомной угрозой обеспокоены рабочие, фермеры, интеллигенция.

Мортимер достает обращение борцов за мир из Тайнсайда, среди которых и члены общества «Поэты Тайнсайда», к Союзу писателей СССР.

— Даже это маленькое обращение покажет советским людям наше искреннее стремление к миру, страстное желание покончить с ядерным оружием раз и навсегда,— говорит Питер Мортимер.— Я думаю, что все мы вместе, народы мира, покончим с ядерной угрозой на нашей планете.

ОБРАЩЕНИЕ ГРУППЫ ЗА ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ РАЙОНА ТАЙНСАЙД (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Группа за ядерное разоружение района Тайнсайд через Союз писателей СССР шлет свои наилучшие пожелания всем советским людям.

Мы уверены, что творческие работники вашей страны разделяют нашу тревогу по поводу безудержного роста средств уничтожения, которые накапливают страны мира, и наше беспокойство, что это делается в ущерб социальным нуждам народов.

Последние опросы общественного мнения в Англии показали, что почти четверть населения страны выступает за полную ликвидацию ядерного оружия на территории Великобритании, в то время как три четверти населения встревожены размещением крылатых ракет в Гринэм-Коммон.

Поэтому мы чувствуем уверенность, что настойчивой разъяснительной работой вкупе с массовыми демонстрациями (22 октября вышли на улицы 400 тысяч человек) мы сумеем добиться замораживания развертывания ядерных вооружений, а также всемирного ядерного разоружения как конечной нашей цели.

Примите это как жест дружбы от нашей небольшой группы из 160 человек, которые тем не менее представляют огромное и всевозрастающее национальное движение за мир в Великобритании.

НАШ ОТВЕТ

Викентий МАТВЕЕВ

У любой доброй воли есть свои пределы. Когда другая сторона перед лицом такой доброй воли демонстрирует волю злую, одержимость, она должна считаться с неизбежными последствиями.

В течение двух лет наша страна участвовала в переговорах с Соединенными Штатами Америки об ограничении ядерных вооружений в Европе. Мы терпеливо, упорно добивались такой договоренности с американцами, которая, не ущемляя ничьих интересов безопасности, позволила бы избежать нового опасного раунда гонки ядерных вооружений на нашем континенте, уменьшить на равной, справедливой основе нынешние уровни таких вооружений.

Положенные на стол женевских переговоров предложения Советского Союза образуют внушительный пакет конструктивных идей, рекомендаций, исходящих из жизненных интересов всех европейских стран, народов, интересов всеобщего мира. Во имя достижения такого соглашения Советский Союз был готов идти на шаги более значительные, крупные, чем мы ожидали от США. СССР был готов пойти на существенное сокращение, уничтожение уже созданного потенциала оружия среднего радиуса действия при условии, что США не будут размещать в Западной Европе свое новое ракетно-ядерное оружие. С советской стороны снова и снова указывалось на готовность к договоренности, которая четко определила бы равные уровни ядерных вооружений в Европе между странами Варшавского Договора и странами НАТО, причем уровни значительно более низкие, чем сейчас.

Естественно, прежде чем договариваться о конкретных мерах стабилизации и сокращения вооружений, надо составить реестр всех находящихся на европейской земле вооружений, по которым были начаты переговоры, то есть ракет среднего радиуса действия, самолетов — носителей ядерного оружия. Иными словами, надо учесть все соответствующие виды оружия у всех государств, которые ими обладают. На СССР, на наших союзников в Европе нацелены не только американские ядерные заряды, а и ядерное оружие Англии и Франции.

Но рейгановская администрация все месяцы, пока шли женевские переговоры, отказывалась принять во внимание законные пожелания советской стороны, чтобы ядерный потенциал Англии и Франции учитывался при подсчете общего баланса таких средств в Европе. На несостоятельность позиции США указывали многие авторитетные специалисты как в самих Соединенных Штатах, так и в странах Западной Европы. Вашингтон не сдвигался ни на дюйм с этой своей обструкционистской позиции, продиктованной стремлением выиграть время, заблокировать женевские переговоры и начать установку в Западной Европе новых американских ракет.

Мы не играли в прятки с американцами. С советской стороны делались четкие предостережения, что, как только США приступят к размещению новых ракет, переговоры в Женеве потеряют смысл. СССР будет вынужден принять эффективные ответные меры для обеспечения своей безопасности и безопасности своих союзников. Американская же сторона занималась заведомым обманом общественности, когда утверждала, что, несмотря на эти заявления Москвы, женевские переговоры, мол, не пострадают от прибытия в Западную Европу крылатых ракет и «Першингов-2».

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова в связи с началом размещения в ФРГ, Великобритании и Италии американских ракет средней дальности доводит до сведения всех народов о принятых советским руководством решениях в свете создавшейся обстановки. Речь идет о действенных, эффективных мерах, направленных на обеспечение безопасности СССР и. других стран социалистического содружества. Подчеркнуто, что эти меры будут выдерживаться строго в тех пределах, которые будут диктоваться действиями стран НАТО. СССР не стремился и не стремится к военному превосходству. Нами будет делаться лишь то, что совершенно необходимо, чтобы военное равновесие не было нарушено в результате появления на территории указанных западноевропейских стран новых американских ракет. И если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения этих ракет, СССР будет также готов сделать это. Тогда вновь обрели бы силу и внесенные нами ранее предложения по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений в Европе.

Советское руководство обращается с призывом к руководителям США и государств Западной Европы еще раз взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализация планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Как известно, Пентагон, штабы НАТО намерены довести численность новых ракет США в Западной Европе почти до шести сотен единиц.

Таким образом, борьба против нависшей над Европой угрозы ядерной катастрофы вступает в новую ответственную стадию, требующую максимального умножения усилий всех, кто озабочен судьбами мира и видит в требовании о разоружении не просто красивый лозунг, а ориентир для действий во имя лучшего будущего человечества.

Предпринимаемые Советским Союзом ответные меры перед лицом начавшегося развертывания в Западной Европе новых американских ракет не означают, что наша страна не будет и дальше прилагать все свои усилия для прекращения гонки вооружений, для достижения разоружения. В Заявлении Ю. В. Андропова эти благородные цели подтверждены с новой силой.

Как всегда, наши слова будут соответствовать нашим делам. Мы никогда не претендовали и не претендуем на монополию в борьбе за мир. Наиболее результативной эта борьба является, когда ее ведут в самом широком масштабе — и на правительственном и на общественном уровнях, сложением усилий всех, кому дорог мир, кто стремится к реальному разоружению.

Именно тогда, когда милитаристские силы встречают решительную преграду на пути своих авантюристических замыслов, они оказываются вынужденными считаться с реальным положением вещей. Что было бы, если бы СССР своевременно не создал собственного атомного оружия в качестве противовеса американскому? Известно, что в Вашингтоне, пока имелась временная монополия США на это оружие, не только не собирались свертывать темпы гонки атомных вооружений, но и вынашивали планы так называемой превентивной войны против СССР с использованием атомного оружия. Можно смело сказать, что, ликвидировав американскую атомную монополию, СССР спас человечество от катастрофы третьей мировой войны.

Таковы непреложные уроки недавней истории. Ныне сознательность широких слоев населения в мире значительно выше, чем это было прежде. Движение за мир находится на самом высоком за всю послевоенную историю уровне. Оборонный щит СССР, всего социалистического содружества как никогда крепок, могуч. А это было и будет залогом поражения и самых опасных авантюристических замыслов агрессивных кругов США и их партнеров по НАТО. Человеческий разум может и должен уберечь человечество от грозящей ему опасности.

«Советское руководство,— указывается в Заявлении Ю. В. Андропова,— заявляет, что, выполняя волю советского народа, оно и впредь будет делать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2942)

3 ДЕКАБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

ЧЕСТВОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДИИ

25 ноября Финляндия торжественно отметила 60-летие Президента республики Мауно Койвисто.

На церемонии в президентском дворце глава советской государственной делегации кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, сердечно поздравив М. Койвисто, сказал: С большим удовлетворением мы выполняем поручение руководства Советского Союза, лично Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова — передать Вам сердечные поздравления и самые добрые пожелания по случаю Вашего славного юбилея.

Глубокое уважение к Вам, главе дружественного Финляндского государства, проявляющему посто-

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!

Пять месяцев Владимир Ляхов и Александр Александров провели на орбите. Вдвоем, в доме, где все — стекло, пластик, панели и провода, где все щелкает, мигает и плывет. Тосковали, конечно, хотелось к тверди земной, к шуму городскому, к людям. И так хотелось погулять по лесу... И нини, чтобы заглянуть в конец длинной программы полета, туда, где есть заветное число и запись — «операция по спуску»! Но вот, как долго ни длились часы, дни, недели и месяцы космической командировки, пришел он, этот день — 23 ноября.

Накануне жилось хлопотно — сборы. Специалисты ходят в Центр управления полетами обычно по расписанию, а тут никакой очереди — явились представители чуть ли не от всех направлений. Нервничали, рвались на связь, чтобы напомнить космическому экипажу — пусть его-то кассету, пленку или ампулу не забудут.

До позднего вечера экипаж проверял станцию, по нескольку раз все облетели.

— Володя вроде даже мозоли натер, пока все углы обшарил, но три кассеты затерявшиеся нашел, упаковали,— сказал Александр Александров.

А потом «Земля» приказала им спать. Спать спокойно и выспаться. Утром специально подольше не беспокоили. И приснились в эту последнюю ночь Ляхову, по его признанию, лед и лунка для рыбалки. Космонавты шутят: если когда «сонник» космический составят, этот сон войдет как верная примета — к мягкой посадке.

...На центральном экране в главном зале Центра управления на фоне карты земного шара обозначен последний посадочный виток. Впрочем, уже не виток... Траектория идет над Атлантикой, там включается тормозная двигательная установка. Потом траектория идет над Африкой, через Персидский залив и южнее Каспия — в Казахстан. И всё. У Джезказгана продолжения нет. Сюда летит корабль, точнее, его спускаемый аппарат.

В Центре управления полетом дали справку, что сделано этой экспедицией.

Астрофизика. Биология. Технические эксперименты. Цифры, цифры... Выглядит почти как сводка ЦСУ о выполнении производственного плана в космосе. Большинство экспериментов уже знакомы. Например, «Таврия». Впервые этим экспериментом занимались космонавты Л. Попов, А. Серебров и С. Савицкая. Тогда были проверены возможности в невесомости разделения биологических веществ сильными электрическими полями, электрофорезом. В. Лебедев и А. Березовой потом продолжили работу, отрабатывая методику выполнения эксперимента. Сейчас перед экипажем была поставлена конкретная цель — получить для практического применения опытную партию высокоценного, особо чистого белкового препарата из оболочек вирусов гриппа. На Земле в лаборатории за месяц очищают 2—3 миллиграмма препарата, необходимого для создания вот таких антигриппозных сывороток. В космосе было очищено в десять раз больше и всего за несколько часов. При этом потери исходного, кстати, очень дорогого, материала не велики. И, наконец, степень очистки такова, которую на Земле пока, увы, получить не удается.

От каждого полета мы ждем принципиально новых исследований. Что сделано нового последним экипажем? Задаю вопрос руководителю полета, летчику-космонавту Валерию Викторовичу Рюмину.

— Совершенно новая работа была связана с испытанием крупного космического корабля «Космос-1443». Мы его использовали как грузовик, он доставил 3 тонны груза на станцию и 350 килограммов со станции на Землю. А пока «Космос» стоял в связке с орбитальным комплексом, его эксплуатировали как буксир для выполнения самых различных динамических операций на орбите.

Вторая принципиально новая работа — монтаж дополнительных солнечных батарей. Без преувеличения можно сказать, что это самая сложная работа за всю историю космонавтики.

А в ЦУПе тем временем сменилась на экране карта. Район посадки. Где-то над степью корабль

Космонавты В. Ляхов (справа) и А. Александров. Первая прогулка на родной Земле.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

янную заботу о дальнейшем упрочении добрососедства и сотрудничества между нашими странами, выражено в приветственном послании Президиума Верховного Совета СССР, которое поручено передать Вам.

Огласив текст послания, глава советской делегации отметил, что в нем выражены чувства всех советских людей.

Нам, сказал далее В. В. Кузнецов, предстоит выполнить еще одну весьма почетную миссию — вручить Вам высшую государственную награду СССР — орден Ленина. Глава советской государственной делегации огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Президента Финляндской Республики Мауно Койвисто орденом Ленина, вручил награду юбиляру и сердечно поздравил его.

М. Койвисто выразил горячую благодарность за высокую награду, сердечное поздравление и добрые пожелания. Он подчеркнул, что отношения между Финляндией и Советским Союзом развиваются успешно и имеют большое значение в условиях нынешней международной обстановки.

На снимке: Во время вручения награды.

Телефото ЮПИ — ТАСС

огненным болидом пронзает ночное небо. И вот наконец сквозь шумы эфира слышим голос командира, он докладывает, что парашют открылся, идут к Земле.

22 часа 58 минут. Полет успешно завершен. Об эвакуации экипажа рассказывает летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов:

— За несколько минут до приземления в районе посадки вдруг образовался глубокий туман. Было принято решение, что вертолеты взлетать не будут, пойдет ПЭУ — поисково-эксплуатационная установка. Это огромный вездеход, яркораскрашенный, колеса диаметром 2 метра. Когда сработали двигатели мягкой посадки, экипаж вездехода принял сигнал, определил направление и четко вышел к месту посадки. Я хотел бы подчеркнуть,— продолжает Леонов,— что с каждым полетом все больше повышается точность приземления спускаемых аппаратов.

В уютных и теплых салонах ПЭУ врачи провели первое медицинское обследование экипажа, напоили крепким чаем. А потом — в родную гавань — Байконур.

И в первую же ночь там в профилактории Александру (он утром рассказал об этом) снилась Земля, как видится она из иллюминатора, голубая-голубая. Будто бы наблюдал береговую линию. И, проснувшись, удивился, увидев не иллюминатор, а окно, и не приборы шуршат, а ветер по стеклу и дождь.

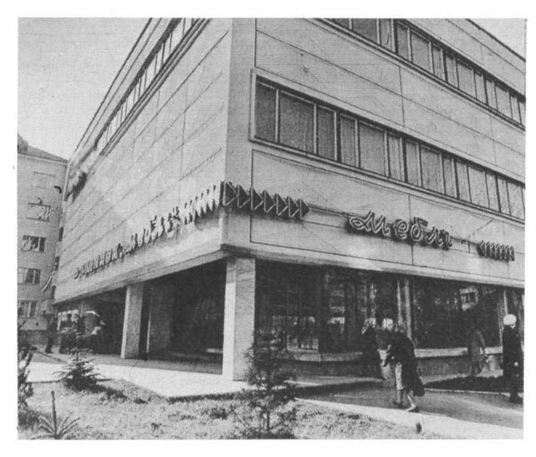
В первые дни пребывания на Земле они жили в двух измерениях. Хочется оттолкнуться от кровати, стула, полететь и... уже не можешь. Хочется сильно топнуть ногой, побежать, но еще не можешь. Хочется говорить, смеяться, рассказывать. И тревога за друга — как он там? Впервые за пять месяцев их разлучили, живут они по разным комнатам.

И счастливы оба. Безмерно. Потому что, сколь долго и интересно ни летай там, за пределами Земли, вернуться к ней — счастье. Сказать себе и другим: «Программа выполнена полностью». Это тоже счастье.

Римма КОРНАУШЕНКО

нужны товары разные и хорошие

Радость окупает затраты

Магазин «Мебель» — один из крупнейших в городе.

В. Ф. ВЕРЕС, Герой Социалистического Труда, Генеральный директор объединения «Прикарпатлес», отвечает на вопросы корреспондента «Огонька»

В Ивано-Франковске в крупнейшем специализированном магазине «Мебель» выявилась любопытная деталь: затоваривается импортная мебель. «Факт налицо,— подтвердили в дирекции магазина,— охотнее берут нашу ивано-франковскую мебель: она лучше и дешевле. Вот, например, вчера мы продали шестнадцать гарнитуров местного производства и ни одного заграничного». С обсуждения этого факта, собственно, и началась наша беседа с Василием Федоровичем Вересом, не один год возглавляющим объединение «Прикарпатлес», где и выпускают мебель, успешно конкурирующую с импортной, нашедшую признание у покупателя.

— Как мебельщики мы еще сравнительно молоды,— начал свой рассказ В. Ф. Верес,— объединению с его мебельными предприятиями едва за двадцать. Начинали с укрупнения нескольких полукустарных артелей. Но в будущем виделось производство современное, механизированное, с богатым серийным выходом продукции. Такой, чтобы она не только не уступала мировым образцам, но была лучше.

— Можно ли сказать сейчас, Василий Федорович, что вы добились того, о чем мечтали?

— Мне порой кажется, что в жизни идеального ничего нет. Так и с мечтой: в чистом виде она не может да и не должна — ради вечного обновления — воплотиться в практику... Но приблизиться к ней нам в чем-то удалось. Вы видели в магазине нашу мебель?

— Любовались. Красивая, элегантная... Смотрится действительно лучше заграничной. Особенно хороши наборы «Калина» и «Оксамит».

— Спасибо на добром слове. Но, признаюсь, такие гарнитуры мы стали выпускать только в последние три-четыре года. Что так долго раскачивались? Так не было раскачки, была работа — упорная, кропотливая, порой незаметная. Исподволь, по кирпичику складывали тот фундамент, без которого мы не обошлись бы сейчас.

— А что вы имеете в виду?

— Прежде всего производственную базу. Построены и в последние годы оснащены довольно современным оборудованием мебельная фабрика и комбинат в городе, семь лесоперерабатывающих предприятий в области. Решили вопрос с кадрами. Теперь у нас свое профтехучилище. Попасть в него труднее, чем в иной институт. Ежегодно на место столяра-краснодеревщика претендуют семь-восемь человек. Инженеров готовим только из своей среды — детей потомственных мебельщиков направляем учиться дальше. И главное, все эти годы мы давали продукцию. Пусть не ахти какую, не идущую ни в какое сравнение с нынешней, однако тоже требовавшую немалых затрат. Но радость людей окупает любые затраты. Мы не зря старались. Три-четыре года назад почувствовали: появилась сила. А тут жизнь стала предъявлять совершенно иные требования к продукции.

— Ваша мысль ясна. Рынок становится богаче, разнообразнее. Покупатель требовательнее, в запросах изысканнее, капризнее. Ищут вещи красивые, удобные, практичные и по карману. Многие производства новые требования словно застают врасплох, они продолжают гнать продукцию вчерашнего дня, а потом делают удивленные глаза, что она не расходится. На ваших предприятиях, насколько можно судить, улавливают веяния времени. Как это вам удается?

— Что мы сделали? Прежде всего не поленились изучить опыт тех, кто уже научился делать красивую и удобную мебель. Ездили на прибалтийские фабрики, в Москву, учли и полезный зарубежный навык — наши представители побывали во Франции. А потом разработали и внедрили у себя комплексную систему управления качеством продукции. Что это такое? Если коротко — гибкая финансовая политика. Поощрение мастеровитых, изобретательных, предприимчивых. И довольно жесткое наказание рублем заведомо равнодушных к своему делу, ленивых, бракоделов. Вот хоть такой пример. За свои промахи инженерно-технический работник может недосчитаться прогрессивки на пятьдесят процентов. Новые порядки не преминули сказаться на производстве: улучшились трудовая дисциплина, организация, ответственность за порученное дело. И конечный итог таков — сейчас семьдесят два процента мебели на всех предприятиях объединения идет со Знаком качества. А гарнитуры — на девяносто пять процентов с почетным пятиугольником. Конечно, об этом приятно рассказывать... Но жизнь, как говорится, не стоит на месте. И то, что сегодня красиво, модно, в ходу, завтра уже проигрывает новому и перестает нравиться покупателю. А наша продукция — это основная заповедь в объединении — должна быть всегда конкурентоспособной...

«Калина» — набор элегантный.

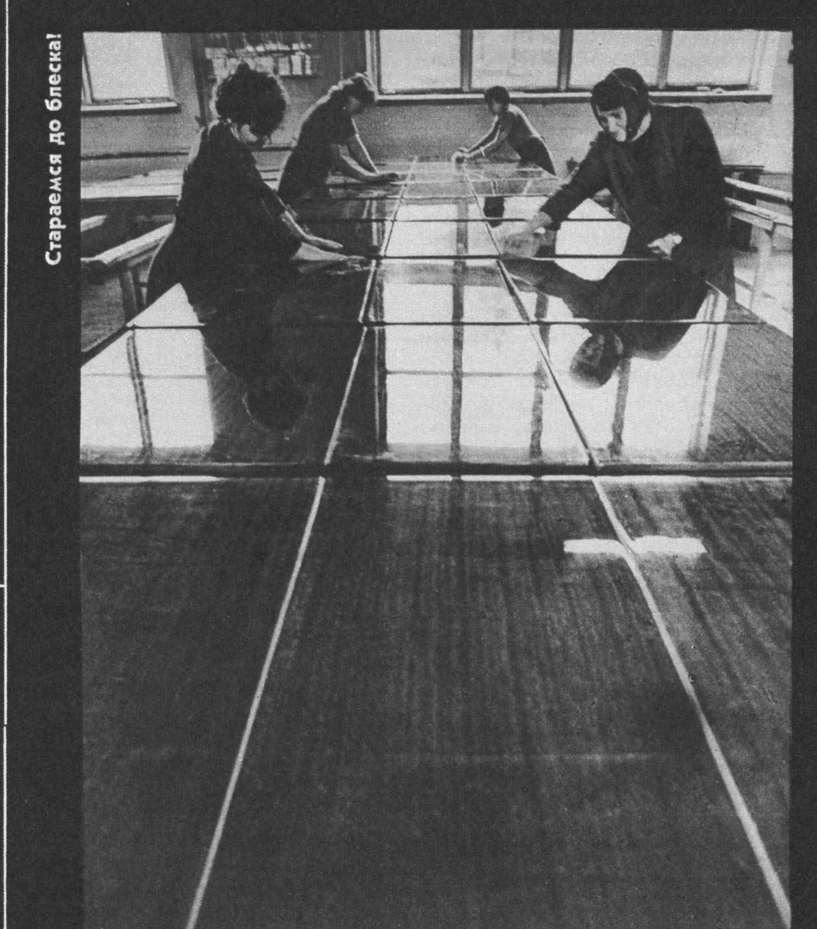
Фото А. БОЧИНИНА

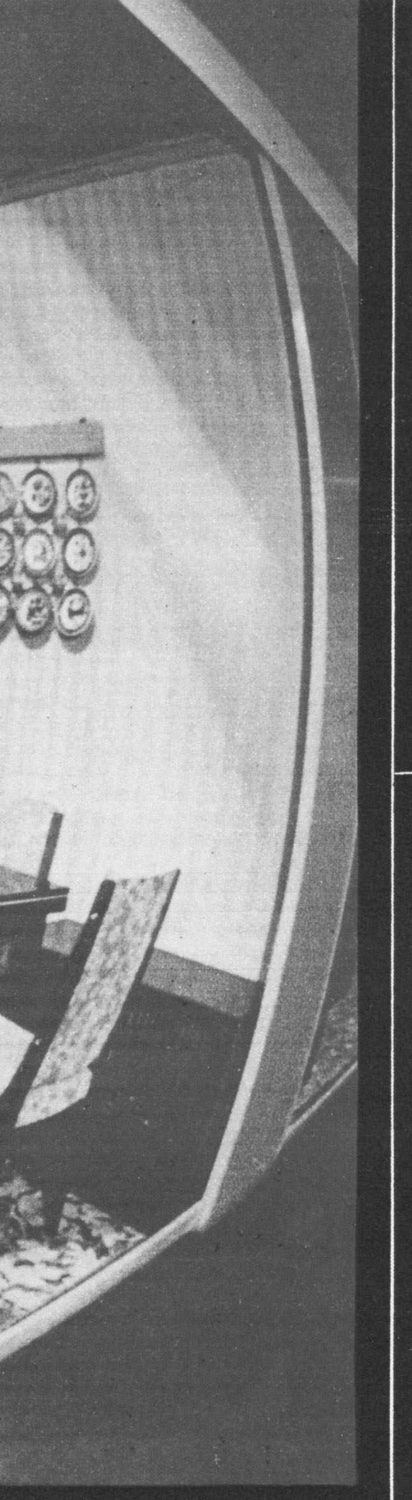
Диалог с Генеральным директором. В. Ф. Верес готов выслушать любое мнение.

Здесь рождается новое.

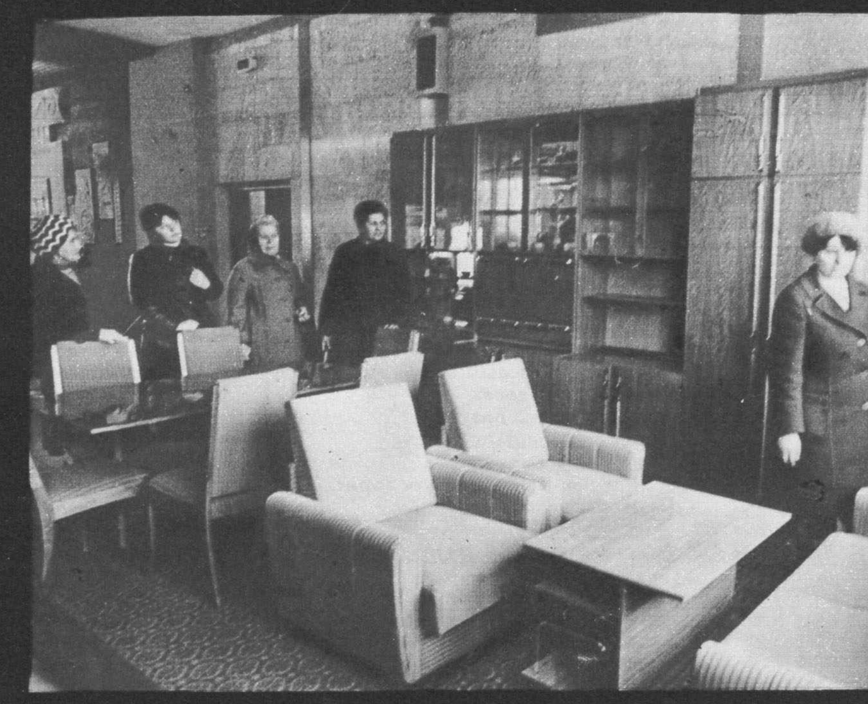

Стараемся до блеска!

Сборщик мебели М. В. Боднар — мастер — золотые руки.

Хорошо, когда есть выбор.

Мебель для самых маленьких.

— Извините, Василий Федорович, из ваших слов вытекает, что не все в выпускаемой мебели нравится самим производственникам, хотя отзывы о ней по-прежнему самые лестные?

— Верно. Что-то сегодня в нашей продукции нас уже и не устраивает. Например, уровень исполнения мягкой мебели в самых ходовых наборах «Оксамит» и «Калина». Хочется, чтобы более эстетичными, совершенными стали кухонные гарнитуры.

— Что мешает выправить положение?

— Выправляем и обязательно выправим. Тормозят определенные производственные трудности. Острая нужда у нас — порой не хватает до зарезу — в прочной, с модным рисунком отечественной обивочной ткани. Бедна расцветками пленка для покрытия кухонной мебели. Сложна и громоздка сама процедура быстрого внедрения в производство новых образцов — в ней столько инстанций. Но как бы порой трудно ни было, мы не опускаем руки. Дорабатываем то, что есть, готовимся выпускать новую мебель, более разнообразную, с учетом требований уже завтрашнего дня.

— А какая она будет, ваша мебель, в предстоящем? Скажем, уже в следующем году?

— Одно могу сказать твердо — еще более красивая и удобная. Уже приняты в производство усовершенствованные варианты выпускаемых сейчас наборов. Шире пойдет «Калина» с современным матовым покрытием, «Оксамит», рассчитанный на малогабаритную квартиру, с укладывающимися в «стенку» складными стульями, обеденным столом...

Хорошая мебель должна быть по карману покупателю со средним заработком или, например, молодоженам... Поэтому в следующем году мы начнем выпускать новый набор «Юность» стоимостью от шестисот до семисот рублей. Учитывая спрос, намного увеличим производство так называемой «штучной» мебели: книжных и платяных шкафов, диванов-кроватей, детских столиков, обстановки для дач. Впервые начнем выполнять заказы на отдельные компоненты наборов, например, только мягкой части или «стенки». Шире будем применять и ручную резьбу. Вместе с торговой фирмой «Мебель» объединение взялось наладить формирование полной обстановки для одно-, двух- и трехкомнатных квартир. Здесь с учетом современных требований будет все, начиная от вешалки в прихожей и заканчивая кухонным гарнитуром. Словом, постараемся удовлетворить вкусы и запросы самых широких слоев населения.

— И последний вопрос. Ваша мебель в основном расходится по Украине, появится ли в будущем году возможность приобрести ее в других краях и республиках нашей страны?

— Для этого москвичам, скажем, нужно будет съездить в Люберцы, жителям средней полосы России — в Белгород и Липецк, Поволжья — в Казань и Куйбышев... Будут продаваться наши наборы в Казахстане и Узбекистане. Со временем, надеемся, география распределения прикарпатской мебели еще более расширится.

Вел беседу А. ПОПОВ

МЫ ИДЕМ В ЭЛЬ-КУНЕЙТРУ...

Олег
ШЕСТИНСКИЙ

РОДИНА — ЧЕЛОВЕКУ

Я вернулся домой от Голанских высот,
от развалин, где конский щавель и осот,
от горячего, южного ветра,
низвергающего слепые пески
на росу луговую, на лоно реки,
на обугленный прах
Эль-Кунейтры.

Среди рухнувших стен,
обвалившихся крыш
я бродил в Эль-Кунейтре часами...
Эль-Кунейтра,
доныне дымишь, и горишь,
и кровавыми плачешь слезами.

И входил я в пустыни больничных палат:
искореженных коек трагичный парад,
а на месте операционной —
пруд с прокисшей и зацветшей водой,
под оплывшей и прокопченной плитой
шустрой ящерицы хвост зеленый...

А всего в сотне метров
от пути моего
некто тает в улыбке — само торжество! —
обнаглевшим плакатом:
на двух жердочках высится этот плакат
на сирийской земле, где и розы кричат,
и латинские буквы в разбойничий ряд
сведены там громилой косматым:

«Добро пожаловать в Израиль!»

Я в великой и сильной державе живу.
Сон абсурдный представлю себе наяву:
если бы на Переславльской земле,
если б на Велико-Ростовской земле,
если б в приладожском краю
среди лютиков, ландышей, льна
на моем человеческом пути
была б арка возведена:

«Добро пожаловать
в тысячелетний рейх!» —

захлестнулось бы сердце мое
от боли и от ненависти.

И я шел вдоль развалин
школы, мечети,
церкви, торговых рядов,
вспоминая, что я не впервые на свете
среди горьких гробов-городов;
вспоминая, что так же хрустела щебенка,
когда я с матерью шел,
блокадный мальчонка,
ленинградской зимой,
точно так же стекло под ногой скрежетало
и кусок рваной жести метелью мотало,
пахло тленом и влажной золой.

Здесь, пронизан арабскою драмой,
у всей Сирии на виду,
я с моей покойною мамой,
с молодой и красивою мамой
в Эль-Кунейтру сквозь годы иду.

Мы идем вдоль больницы...
Не просто больницы,—
в ней, по-моему, выпало маме трудиться.
Над истерзанной жертвой нацистов
склонясь,
изнуренная мать голову бинтовала
и крепилась, родная... Но бывало, бывало,
слезы смахивала она с глаз.
Мы идем мимо школы...
Не оттуда ль в тяжелый
год
я сумку свою волочил?
В игры мы не играли,
мы без хлеба страдали,
жизнь и смерть назубок я учил.

Мы идем мимо лавки,
разрушенной взрывом...
Уж не в этой ли лавке мне мать
леденцы покупала, чтоб мальчик счастливым
мог себя в ясный праздник считать?

Мы идем мимо дома...
Торчит одиноко
над руинами дома труба...
Не от этого ль низенького порога
и моя начиналась судьба?
Не под этим ли ныне расколотым кровом
мать вникала в мой школьный дневник
и мечтала, родная, чтоб рос я толковым,
чтобы многое в жизни постиг.

Мы идем в Эль-Кунейтру...
Не в этот ли город
из морских и болотных краев
возвращался когда-то я, честен и молод,
вновь к далекой дороге готов?
Возвращался —
родная меня обстирает,
прядь расчешет своим гребешком,
и гостей созовет, и на стол собирает,
и гордится своим пирогом...

На площади,
где торговые лавки стояли,
старуха Фатьма в неизбывной печали.
Хозяйкой была она — сделалась нищей.
Сидит, одинокая, на пепелище.
И пристально смотрит на родные высоты,
где израильтян
и радары и доты.

Две матери встретились между собою,
одна была мертвой, другая — живою.

МОНОЛОГ АРАБСКОЙ МАТЕРИ

Мой сын Фарук из-за высот
поклажу на осле везет —
кувшины с кислым молоком,
овечий сыр, салат,
укрыты ягоды платком,
до солнца сняты с гряд.
Из нашего села Рафид
сын в Эль-Кунейтру путь торит,
и песня-жаворонок с ним
над всем путем парит...
Цветет миндаль, цветет жасмин,
а из-за белых стен,
таясь, красавица глядит,
чье сердце взято в плен.
Вот в этой лавке сын Фарук
раскладывал салат и лук...
Все знали: чудеса родит
князь-краснозем в селе Рафид.
Вот здесь Фарук, мой милый сын,
снимал с седла большой кувшин
с крестьянским молоком,
вот здесь он песню напевал,
смеясь, хозяек зазывал,
всем мил и всем знаком.
Здесь, поклонившись старикам,
пройдется он по лавкам сам
и купит для родных
товаров городских.
И вновь Фарука и осла
домой в Рафид тропа вела.
Голанские высоты
лишь перевалит — там
деревни, словно соты,
желтеют по холмам.
...Шел сын мой
в шестьдесят седьмом —
во время той войны —
с поклажей и своим ослом
из нашей стороны.
Осел трусил тропой легко,
едва плескалось молоко,
и ароматный сыр,
казалось, запахом своим,
овечьим, пряным, полевым,
заполнил целый мир...
Фарука пост израильтян
остановил...
Их капитан
сказал:
— Да он из партизан!..
И под оливу отвели
Фарука моего...
И слышала я издали
те выстрелы...

Они вошли
в глубь сердца моего...
Холм свежевскопанной земли.
И больше ничего.
А те, кто видели расстрел,
рассказывали: враз осел
мой мальчик у ствола...
А тот, кто вскинул автомат,
жевал клубнику и салат,
поклажу сняв с осла...
И мы покинули Рафид.
Живу, но лишь душа болит,
нет чувств во мне иных.
И в Эль-Кунейтру, как смогу,
спешу, не одолев тоску...
Сижу на камнях горевых,
как на родном лугу.
Гляжу на отчую тропу —
немилосердную судьбу.
Тропа бежит, окружена
пахучею травой,
трава некошена, темна,
скрывает с головой,
и маками кровоточит
несчастная трава,
и маками трава кричит
о том, что не жива...
Колючей проволоки ряд...
С высот Голанских вниз глядят
посты израильтян...

МОНОЛОГ РУССКОЙ МАТЕРИ

Как рос мой сын?
Воробышком в развалинах блокады
скакал, скакал...
Безжалостная жизнь его учила,
и мальчик мой просеивал сквозь душу
свою жестокую судьбу.
Мой мальчик
на санках вез ведро воды с Невы
вдоль пустыря,
там штабелями мертвые лежали,
погибшие голодной смертью.
Старик с седою львиной шевелюрой
с вершины штабеля
смотрел вослед ему застывшими глазами,
и вымерзшие его космы
сосульками торчали.
Мой мальчик
мимо сквера на Большом проспекте
ходил за хлебом по утрам.
А в ограду сквера
вонзилась женская нога,
оторванная по колено
и занесенная взрывной волною,
нога в обычном фильдекосовом чулке.

Мой мальчик просеивал сквозь душу
свою жестокую судьбу.

И странно думаю порою
о мальчике своем:
тот, кем он мог бы стать,
не будь войны,—
тот не осуществился на земле.
А вырос человек, не знавший детства,
с натруженною психикой суровой,
мечтавший лишь о пшенной каше,
дымящейся, разваренной, подмасленной,
когда б ему по возрасту мечтать —
о девушках, о звездах, об открытьях...

Мой мальчик вырос добрым.
Но эта доброта не только от природы,
а оттого, что видел много зла.
Я счастлива,
что жив он до сих пор,
но знаю твердо я —
в ребячьем сердце
все ж не смогли расцвесть иные семена,
которые посеяла я, мать,—
они увяли
от судьбы жестокой.
О семя
наивности прозрачной.
О семя
доверчивости кроткой.
О семя
мягкосердечности застенчивой.

Я уже мертва, Фатьма,
и потому не старею,
но ведь жила я сама
с вечною болью твоею.

Отрывки из поэмы.

Сын мой не мальчик-пострел,
сын мой давно постарел,
нету меня с ним на свете,
но я за сыном слежу,
но я за сыном хожу,
словно волна или ветер.
Став матерями,
детей
мы воспитали не ложно,
так, чтоб им в сонме путей
честно идти было б можно.

Травы и рощи взошли,
тянутся к солнцу весною
не из безликой земли —
из материнского слоя.
Свет материнской души
необходим для природы
так же, как поле, стрижи,
розы, дубравы и воды.

Вечно противостоять
злу, колдовству и напасти
может лишь бедная мать
с горькой мечтою о счастье.

Страшные муки свои
преодолей не слезами —
тем, что людей назови —
честных людей — сыновьями.

МОЕ ПРОЩАНИЕ С ЭЛЬ-КУНЕЙТРОЙ

Я иду по Эль-Кунейтре,
я иду ныне по пепелищу Хатыни,
по Сонгми, сквозь ад Орадура...
Я иду, размышляя напряженно и хмуро.
Я иду сквозь детство свое,
сквозь блокаду,
где я рос и мужал
девятьсот суток кряду.

Вижу на теле эпохи,
вижу на лике Земли —
хищные чертополохи
гнуси фашистской взошли.
Мнил я, блокадный подросток,
слыша победный салют,—
больше фашистской коростой
поры Земли не забьют.

Бактериальные споры
мрази фашистской опять
нашей планеты просторы
стали насквозь разъедать.
И от сожженной Хатыни,
испепеленной Сонгми
страшна дорога доныне,
вытоптанная людьми.
Свято братство людей:
мы с арабом дружили в Дамаске;
с чехом в Карловых Варах
бродил я, как в сказке;
я с индейцем по бурной реке Амазонке
плыл меж водорослей на утлой лодчонке;
и под Сиднеем легенды аборигена
в мир волшебный вводили меня
вдохновенно;
англичанами сколько мне нежности отдано
в их семейном кругу на окраине Лондона;
с Исааком-евреем я жил, точно с братом,—
в голод, холод блокады мы были с ним
рядом;
и кудесник-индус откровенно до жути
начертал мою жизнь в баснословной
Калькутте;
с чабаном на Балканах, обнявшись,
как с другом,
под дождем укрывались одним ямурлуком*.
Свято братство людей!

Я считаю, что призывы естественны
на трибунах, на митингах, на форумах,
но сегодня на лугах своей лирики
я вскидываю звонкие трубы ораторства
и призываю всех людей:
сначала опомниться,
потом задуматься,
затем сплотиться
и, собравшись с силами,
засыпать вонючую жижу фашизма
глиной, камнем, песком, щебнем,
гранитными глыбами
навеки.

ДАМАСК — КАРЛОВЫ ВАРЫ.

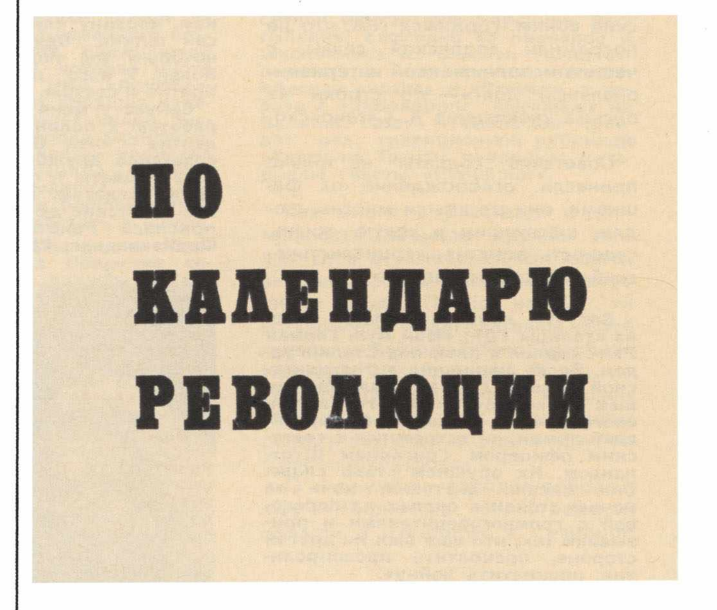
* Ямурлук — пастушья шерстяная накидка.

2 ДЕКАБРЯ 1975 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ЛАОССКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Старший прораб В. И. Фролов с одним из лучших лаосских строителей — бригадиром Бунемом на строительстве госпиталя во Вьентьяне.

Фото А. Еровченкова (ТАСС)

Кхампьен ПХУТТХАВОНГ, студент Московского полиграфического института

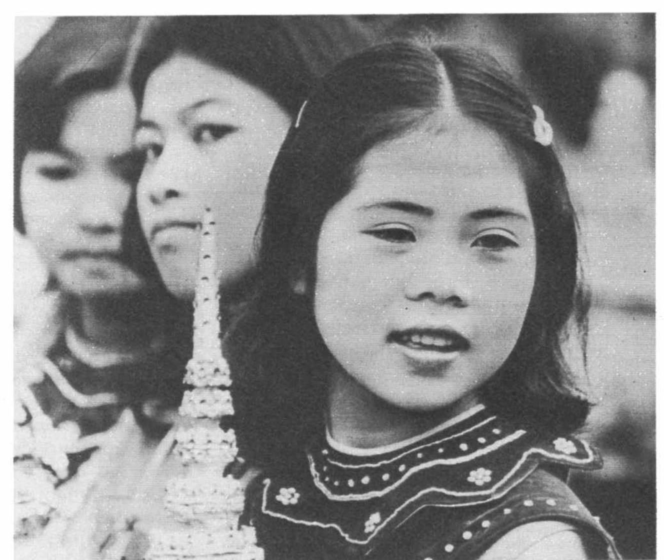
Жизнь течет, словно бурные воды Меконга. Семь лет назад вместе с товарищами улетал я учиться в Советский Союз. До посадки в самолет Вьентьян — Москва оставалось много времени, и мы решили в последний раз пройтись по улицам столицы, сказать им: «До свидания!» Знаете, что больше всего бросилось в глаза? Строительные леса. В них оделся почти весь город. Да разве только Вьентьян? Вся страна превращалась тогда в гигантскую строительную площадку, оставляя истории свое полуфеодальное, колониальное прошлое.

...Я смотрю на эту фотографию и мысленно пытаюсь представить, как будет выглядеть госпиталь, возводимый совместно лаосскими и советскими строителями. Уверен, быть ему современным, красивым, а самое главное — необходимым людям. Таких строек дружбы, как эта, в бывшем «королевстве миллиона слонов и белого зонтика» сейчас десятки. И с каждым годом растет число объектов нашего сотрудничества. Увеличиваются советские поставки, особенно станков, строительных материалов, топлива, товаров народного потребления. Летом, ко дню открытия первого съезда Народно-революционного союза молодежи, во Вьентьяне начала работать типография, также построенная с помощью советских товарищей. Специальность у меня — инженер-полиграфист, и, может, именно там я буду налаживать оборудование.

Каждый месяц приходят мне нежные письма от младшей сестры Чанпхенг, из которых я узнаю о ее успехах в школе, о домашних делах. Она мечтает работать врачом, а специальность эту надеется получить в Советском Союзе. Чанпхенг серьезно начала заниматься русским языком, так что мне по возвращении придется стать ее домашним учителем. Последнее письмо от нее, которое пришло на днях, заканчивалось двумя словами, написанными по-русски: «МИР», «ДРУЖБА».

В дни национальных торжеств во Вьентьяне сотни людей придут к древнему памятнику Тхат Луанг, который четыре столетия омывает река времени. В праздничных колоннах будут и наши друзья, те, кто в годы борьбы за освобождение стоял рядом и чью поддержку мы постоянно чувствуем на пути к будущему Лаоса — социализму.

Лаосские школьницы. Фото БТА — ТАСС

ВМЕСТЕ—ДР

«Мы — интернационалисты» — так назывался международный конкурс (Страницы из семейного альбома), который «Огонек» провел вместе с братскими журналами «Фрайе вельт» (Общество германо-советской дружбы), «Пшиязнь» (Общество польско-советской дружбы) и «Орсаг-вилаг» (Общество венгеро-советской дружбы). Условия конкурса были опубликованы в 11-м номере «Огонька» за 1983 год. Мы обратились к читателям: полистайте свой домашний альбом, выберите из него одну или несколько фотографий, запечатлевших вашу встречу с братской страной социализма, расскажите о том, чем памятен и дорог вам этот снимок.

И вот перед нами поистине уникальный коллективный альбом интернациональной дружбы. Мы благодарим всех, кто прислал нам эти бесценные страницы. А главная тема писем одна — мир. Нет ничего дороже мира на земле!

Солдаты Великой Отечественной... Вот кто особенно хорошо знает подлинную его цену. Их письма нельзя читать без волнения.

«Мы, спасшие Европу от фашистской чумы, не пожалеем сил, чтобы отстоять мир от войны,— пишет подписчик «Огонька» с 1948 года, ветеран Великой Отечественной Ф. Ивахненко из Никополя.— Пишу с трудом, сказывается контузия». Он воевал в Словакии, в Польше, а после войны преподавал в школе, в ПТУ и прислал нам стихи «Березка Родины».

В узбекском совхозе «Малик» встретились подруги — болгарка Милка Атанасова Папазова и знатный хлопкороб, депутат Верховного Совета СССР Тухтахон Киргизбаева.

В один из конвертов был вложен рентгеновский снимок. На нем мы увидели силуэт пули. Ее до сих пор носит в груди Андрей Федорович Бугославский. Командир пулеметного взвода получил эту фашистскую пулю на венгерской земле...

«Мы отдыхали после боя возле города Суботица в Югославии, когда к нам приблизился старик серб. На повозке у него была бочка с вином,— вспоминает бывший рядовой пулеметной роты Р. Чепарев из Горького.— «Дети мои, братья, возьмите это вино,— обратился к нам старик.— Я берег его на свадьбу своим детям, но не будет уже в доме моем веселья: трех сыновей, трех дочерей и жену убили фашисты. Выпейте это вино, помяните моих детей, их мать, вспомните ваших друзей и товарищей. Вы принесли нам свободу, вы гоните проклятого врага. Победы вам, сыны мои, и долгой радостной жизни...»

«По вашему совету перелистал свой домашний фотоальбом и выбрал самый дорогой для меня фронтовой снимок: командир Чехословацкого корпуса генерал Людвик Свобода вручает мне, гвардии майору Советской Армии, чехословацкие ордена — «За храбрость» и «Боевой Крест». Это было в мае 1945 года»,— написал Георгий Семенович Гич из Ташкента.

«В прошлом веке мой дед участвовал в русско-турецкой войне, сражался под Плевной и Адрианополем. В боях был ранен, получил за храбрость четыре георгиевских креста. В 1944 году побывал на болгарской земле и я, участвовал в освобождении Болгарии от гитлеровских фашистов. Мы, советские воины, гордимся тем, что не посрамили дедовской славы, с честью исполнили свой интернациональный долг»— это строки из письма киевлянина А. Сатановского.

Советские солдаты не только принесли освобождение от фашизма, они раскрыли многим людям, шагнувшим в новую жизнь, сущность понятия «социалистический интернационализм».

Вот что написала Урсула Ренч из столицы ГДР: «Мой муж Герман Ренч сдался в плен под Сталинградом. После окончания антифашистской школы Герман стал фронтовым уполномоченным 1-го Балтийского фронта. Здесь, в 6-й гвардейской армии, он встретился с советским офицером Григорием Штотландом. Их оружием стало слово. Они писали листовки, ночь за ночью стояли в окопах на передовой с громкоговорителями и призывали тех, кто еще был на другой стороне, прекратить кровопролитие, прекратить войну».

Первый день мира советский подполковник и немецкий антифашист встретили вместе. Когда в 1949 году Григорий Яковлевич вернулся на родину, уже существовала Германская Демократическая Республика, а его друг стал генералом в этом первом немецком государстве рабочих и крестьян, которое навсегда тесно связано со страной Ленина.

Дружба переживает даже смерть. Герман Ренч умер несколько лет назад. Но и сегодня идут письма из Берлина в Грозный. Григорию Штотланду пишет сын супругов Ренч, Бернд.

«Наш сын перенял эстафету отцов. Они завоевали мир в 1945 году. А сегодня дело сыновей — отстоять мир вместе с советскими братьями по классу и оружию» — так заканчивает свое письмо Урсула Ренч.

Да, память о дружбе, рожденной в годы войны, священна.

«Я ищу Тамару Казимирову, дочь профессора Казимирова из Киева, и был бы счастлив услышать, что она жива. Я познакомился с ней в концентрационном лагере, где эсэсовцы проводили страшные опыты над заключенными: вводили им бактерии чумы и холеры. Советские люди жили в бараке. Их кормили только репой, и то впроголодь. Я прятал из своего рациона, что мог, а Тамара поровну делила это среди своих товарищей. Буду счастлив, если Тамара откликнется»,— написал Карлхайнц Пэтцольд из ГДР.

А вот первые послевоенные снимки. На фотографии — группа советских солдат возле старенького трактора. Один из них — Андрей Андреевич Цветков из подмосковного города Долгопрудный. Он вспоминает: «Снимок сделан в польском селе, которое мы освобождали. Я и мои однополчане помогали полякам налаживать мирную жизнь: ремонтировали сельскохозяйственную технику, восстанавливали дороги, мосты, снабжение водой и электроэнергией. Население сердечно относилось к нам».

«Мне было девять лет, когда кончилась война. Помню, как хрустела щебенка на улицах разрушенного Потсдама и как советские солдаты принесли нам, немецким ребятишкам, корзину хлеба и большой кусок шпика. Одного из солдат, с которым мы подружились, звали Колей. У него погибли родители, братья и сестры.

Сейчас у меня шестеро детей, я работаю в поликлинике. Наш коллектив — член Общества германо-советской дружбы. 8 мая мы возлагаем цветы к памятникам советским солдатам. Мое сердце с вами, советские друзья». Это письмо прислала Рената Зорге из Бад-Фрайенвальде, ГДР.

«На память Любе от Маргрет и Вольфа»,— написано на этом снимке из альбома Л. Н. Серганиной.

Из Тюмени мы получили фотографию школы в чехословацком городе Вельтрусы. История ее необычна, она построена на деньги, которые собрали бойцы советской противотанковой бригады, освободившие город. Встретившись на 25-летии Победы, ветераны части решили: пусть подружатся школа в Сибири, откуда бригада уходила на фронт, и школа в Вельтрусах, где закончился ее боевой путь. Вот она, эстафета поколений, эстафета братской интернациональной дружбы социалистических стран!

Среди участников конкурса много учителей. И это не случайно. ведь именно они, педагоги, дают детям первые уроки интернационализма. Об этом нам написали Е. Н. Курашвили из Грузии, Н. Н. Рандоя из Эстонии, К. Б. Полиенко из Сибири.

Более двадцати лет назад учитель Шумихинской школы Курганской области Михаил Александрович Бухаров создал кружок юных следопытов. Они восстановили судьбу шести участников легендарного восстания узников-смертников блока № 20 лагеря Маутхаузен. Один из них, Владимир Игнатьевич Соседка, был участником Словацкого восстания, организатором партизанского отряда в округе Чертижня, области Медзилаборце. Следопыты установили контакт с бывшими коммунистами-подпольщиками, партизанами. На кафедру истории СССР университета в Брно ребята отправили сто страниц воспоминаний участников Словацкого восстания, которых они разыскали.

«Петродворец-83» — так назвали свою группу поиска девушки из Ленинградского СГПТУ-81, будущие строители. «Мы хотим к 40-летию Победы наладить переписку со школами и училищами в тех городах Польши и ГДР, где проходил боевой путь 5-й Орловской ордена Ленина краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии». Руководит группой поиска ветеран этой дивизии, гвардии капитан запаса Иван Степанович Гмыря, мастер производственного обучения в училище.

В том, что сегодня именно они, бывшие фронтовики, руководят клубами интернациональной дружбы, тоже великий смысл нашей Победы.

О том, как работал в Сибири интернациональный студенческий отряд, «Огоньку» рассказал член его штаба Вячеслав Шляхов.

«Однажды в Москве, на Красной площади, ко мне бросился с громким криком «Компаньеро!» бывший стройотрядовец, студент Бакинского нефтяного техникума Хорхе Васкес. Мы обнялись—Хорхе уезжал на Кубу. На всю жизнь, говорил он, у меня в сердце останется отряд и Сибирь. Родным домом стала Советская страна для студентов из социалистических стран!

В общежитии МЭИ, где я учился, у меня появилось много друзей: Соня и Мигель из Мексики, Таня и Хосе из Колумбии, Тито и Галя с Кубы, семья Димовых из Болгарии, семья Вангасурия из Шри-Ланки. Мы жили на одном этаже, были как одна большая семья. Вот уже сколько лет прошло, а все равно поддерживаем постоянную связь. И хорошо, что мирное небо над нами. Вот за что надо бороться — это мнение всех моих друзей. Наши дети будут расти в мире и никогда не направят оружие друг против друга».

В Донецкой области, в городе Горловка, в общежитии «Дружба» живет Нгуен Куанг Куен. Вот что он пишет: «Я окончил Тбилисское ПТУ № 6 с отличием. Там учились сотни ребят из моей страны, из Лаоса и Кампучии. Практику прохожу на машиностроительном заводе имени Кирова, работаю на горизонтально-расточном станке. У меня много друзей в Советском Союзе. Среди них — Владимир Габедава, фото которого посылаю.

Я часто получаю письма из дома. Родные гордятся, что я учусь в стране великого Ленина. Мой

УЖНАЯ СЕМЬЯ

Победной весной сорок пятого в Праге. Гвардии старший лейтенант Сергей Кобяков и гвардии капитан Иван Герасимов (слева) с чехословацкими ребятишками. Снимок прислал на конкурс М. Ученик из Джезказгана.

Густа Фучикова — гость ташкентской школы, которая носит имя Юлиуса. Фото из альбома Вячеслава Абальянца.

отец — член компартии с 1946 года, участник войны с французскими колонизаторами, сидел в тюрьмах. Сейчас он руководит транспортным управлением провинции Тхайбинь. Старший брат погиб, защищая родину от американских агрессоров. Старшая сестра тоже воевала, младшая учится в Чехословакии. Мой близкий друг Фам — студент, учится в Венгрии. Вот он, социалистический интернационализм в действии!»

Одним из вопросов конкурса был: что вы знаете об истории рождения обществ дружбы в СССР и за рубежом? Как известно, ССОД в этом году отметил свой четвертьвековой юбилей.

«17 марта 1959 года на торжественном учредительном собрании трудящихся поселка Култук было основано отделение Общества советско-чехословацкой дружбы, которое объединяет теперь свыше десяти тысяч человек». Эту вырезку из газеты «Ленинское знамя» за 1969 год я взяла из семейного альбома моей бабушки, Балабановой Нины Михайловны, которая много лет возглавляет КИД «Дружба». Почти двадцать лет бабушка переписывается с учительницей русского языка из города Глинско-в-Чехах Евой Полянской»,— написала Ира Балабанова, ученица 7-го класса из города Слюдянка. Написала нам и 72-летняя бабушка Иры. Она продолжает работать в школе.

«4 апреля 1972 года — дата образования отделения Общества советско-венгерской дружбы в Тамбове. За эти годы между жителями Тамбовщины и областью-побратимом Толной установились самые теплые, самые дружеские отношения,— рассказывает Л. Кузнецова.— За эти годы в ряды общества объединилось свыше 35 коллективных членов (промышленные предприятия, производственные объединения, колхозы, совхозы, научные учреждения), 19 из которых установили прямые дружественные связи. Свыше 50 тысяч человек стали членами отделения общества дружбы. Более 3500 тружеников тамбовской земли и их детей посетили Венгерскую Народную Республику. Ежегодно 40 пионеров и школьников из области Толна отдыхают в пионерских лагерях «Лесная сказка» и «Огонек», а ребята с Тамбовщины выезжают на Балатон. Газета «Тамбовская правда» под традиционной рубрикой «Вести из Толны» публикует материалы газеты «Непуйшаг».

Как много в рассказах о деятельности обществ дружбы теплых слов о замечательных людях, энтузиастах! О таком человеке пишет Герда Пройс из ГДР: «Я восхищаюсь председателем нашей группы в районе Пренцлауэрберг Ирмгард Виттшонке. Ей 77 лет, но никакой путь не кажется ей длинным, если речь идет о том, чтобы встретиться еще с одним другом Советского Союза».

О дружбе городов-побратимов — Жирновска Волгоградской области и Шумперка в Северной Моравии — рассказала Галина Семеновна Афанасьева: «Я работаю на нефтеперекачивающей станции прибористом. Станцию нашу можно назвать детищем социалистической интеграции. В этом — воплощение в жизнь нашей интернациональной политики».

В альбоме активиста Общества советско-болгарской дружбы Марксена Захаровича Бредихина из Киева собрана вся история Украинского республиканского отделения общества. Во время войны его мать получила две «похоронки» на сына, который прошел от Сталинграда до Болгарии. Сегодня у старшего инженера объединения «Укрбытрадиотехника» М. З. Бредихина — кавалера трех болгарских наград, почетного гражданина Пазарджика и Панагюриште в Болгарии много друзей. На снимках в его альбоме мы увидели

НАЗЫВАЕМ ИМЕНА ЛАУРЕАТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ЧИТАТЕЛЕЙ «МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ». ПРИЗАМИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» НАГРАЖДАЮТСЯ 22 УЧАСТНИКА КОНКУРСА.

Первую премию — поездку в страну друзей — получают:

СЕРГАНИНА Любовь Николаевна, штукатур, Башкирская АССР — поездка в ГДР.

БУГОСЛАВСКИЙ Андрей Федорович, ветеран Великой Отечественной войны, участник освобождения Венгрии, Уфа — поездка в ВНР.

МУРАДОВ Керим Таганович, агроном совхоза «3-я пятилетка» Туркменской ССР — поездка в ПНР.

Поездку в Советский Союз получают:

Иоанна РОСС-ОЛЕВИНЬСКА, пенсионерка, ПНР, Болеславец.

Рената ЗОРГЕ, медсестра, мать шестерых детей, ГДР, Бад-Фрайенвальде.

Фабиан МАРТОН, председатель сельскохозяйственного кооператива «Первое мая», ВНР, область Сольнок.

Второй премией — подпиской на журнал «Огонек» на 1984 год — награждены:

ПОЛИЕНКО Клара Борисовна, руководитель КИДа в школе № 3, Новый Уренгой.

АЙБЕТОВА Роза Хасановна, учительница немецкого языка, Буинск Татарской АССР.

БРЕДИХИН Марксен Захарович, ветеран Великой Отечественной войны, участник освобождения Болгарии, активист Общества советско-болгарской дружбы, Киев.

БРАТИКОВА Надежда Михайловна, педагог, Запорожье.

АНТИЛИКАТОР Клара Аркадьевна, инженер, Усть-Илимск.

Сильвия БЕРТРАМ — студентка педагогического института имени Клары Цеткин в Лейпциге, ГДР.

Поощрительные призы получают:

Нгуен КУАНГ КУЕН, рабочий, СРВ.

Кармен КЁНИТЦЕР, учительница русского языка, ГДР.

Моломын ЧИМИТДОРЖ, воспитатель в ПТУ, МНР.

Владимир ШТАНГЛ, пенсионер, Любляна, СФРЮ.

Второй курс «Б» экономического техникума в Пловдиве, НРБ.

Роман ШПАЛЯ, активист клуба польско-советской дружбы «Пшиязнь» в Домброва-Гурниче, ПНР.

ЯКИМЕНКО Петр Каленикомвич, инженер, Киев.

ЕФИМОВ Юрий Ефимович, военнослужащий.

ГМЫРЯ Иван Степанович, мастер производственного обучения, руководитель клуба «Поиск», Ленинград.

ИВАХНЕНКО Ф. П., ветеран Великой Отечественной войны, Никополь.

«Огонек» благодарит всех участников конкурса. Снимки, документы будут возвращены согласно условиям конкурса.

сына одного из них — Бойко Танова, который окончил Воронежский строительный институт и работает сейчас в Старом Осколе.

«Мои друзья — мое богатство»— так пишут участники конкурса.

Многие их письма — это непосредственные репортажи о том, как воплощаются в жизнь строки договоров о сотрудничестве между государствами — членами СЭВ.

«Я приехал в Прагу осенью 1973 года на 10-месячную научную стажировку в порядке взаимного обмена. Как ведь здорово: езжай, учись! По профессии я инженер-строитель,— рассказывает В. М. Кирилин, в настоящее время проректор Казахского химико-технологического института в Чимкенте. В Чехословакии осталась частица моей души. Я радуюсь ее успехам, и мое сердце всегда волнуется, когда телевидение показывает эту страну».

«Наш колхоз дружит с венгерским сельскохозяйственным кооперативом «Первое мая» уже шесть лет. Помимо душевного общения, мы неизменно обогащаемся информацией и получаем пользу от обмена опытом» — Рудольф Маннов, председатель эстонского колхоза «Рахва выйт», Герой Социалистического Труда.

«Караваны из разных эпох» — так назвал А. Юргенсон, помогавший строить в Монголии железную дорогу, свой снимок, который запечатлел первый рабочий поезд на магистрали.

«Много воды утекло с той поры. Вслед за железной дорогой мы помогали строить Монголии горно-обогатительный комбинат, нефтеперерабатывающий завод. И везде встречали доброе и душевное отношение к себе. Когда произносилось слово «дружба», не требовались переводчики» — так заканчивает свое письмо советский инженер.

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, почетный член Польского общества сахаротехников Иванов Сергей Захарович прислал в «Огонек» словари, подготовленные для специалистов сахарной промышленности стран—членов СЭВ. Такие словари выходят в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Польше. Они помогают эффективнее использовать опыт друзей.

«Интердрук» — крупнейшее полиграфическое предприятие ГДР. С 1968 года у нас действует договор с комбинатом «Радяньска Украина»,— сообщает Ханнелоре Бергер.— В поезде дружбы к нам приехали четыре полиграфиста из Киева. Представители бригад «Эрнст Тельман», «Валентина Терешкова» и «Искра» соревнуются между собой. Советские коллеги интересовались, как мы экономим бумагу, чтобы выпускать еще больше книг».

Фотографии, фотографии в каждом конверте. Сколько же прекрасных лиц мы увидели в коллективном альбоме дружбы, созданном всеми вами, дорогие читатели! Счастливые молодожены. Снимки с детьми и внуками. Фотографии семейных торжеств. И почти в каждом письме карточка с подписью «Я и мой друг».

Как часто эта дружба начиналась со школьной переписки.

«Уже 22 года я переписываюсь с Павлом Главатым из Левицы в Западной Словакии. А познакомились через газету чехословацких пионеров,— пишет Валерий Павлович Паутов из города Брежнев.— Я получаю письма из 20 городов ЧССР и решил создать дома музей чехословацко-советской дружбы. Уже начал собирать для него материалы о советских воинах — участниках освобождения Чехословакии».

«Больше пятнадцати лет веду переписку с друзьями из ГДР, Болгарии, Польши, Румынии. Эти письма, альбомы с фотографиями, открытки и сувениры стали для меня бесценными реликвиями. Из одной только Болгарии я получил более трех тысяч писем, 84 фотографии, около 400 поздравительных открыток, десятки книг, грампластинок, значков. Год от года чувствую себя духовно богаче, получаю огромный материал для работы по интернациональному воспитанию молодых воинов — защитников Отчизны»,— написал Ю. Ефимов, военнослужащий из Туркменской ССР.

Десятилетиями хранят люди письма своих зарубежных друзей, передают их детям, внукам. Почта конкурса принесла нам сотни таких страниц.

«Юрка, поздравляю! Тебя приняли в партию, значит, на работе тебя любят и уважают...» «Дорогие Валерий и Татьяна! Спасибо за чудесные книжки для маленькой Гануси...» «Ты спрашиваешь, как здоровье бабушки Здены. Спасибо, она уже поправилась, даже в сад выходит...» Письма как письма. Казалось бы, что в них необычного? Строки о здоровье, о работе, о радостных и печальных семейных событиях. Их пишут люди из разных стран, и это переписка членов одной большой и дружной семьи. А самая большая забота у этой семьи сегодня одна — сохранить мир на земле.

«Я родилась в Курской области. Когда началась война, мне было пять лет. Помню те страшные годы, трудное послевоенное время. Сейчас опять над всем миром нависла угроза войны. Ее могут предотвратить только совместные усилия людей во всем мире. Так думаю я, так думают и мои друзья в ГДР, которых у меня и моих учеников очень много».

Это строки из письма учительницы школы № 3 в Новом Уренгое К. Полиенко. О мире размышляет и пекарь из тюрингского города Ильменау Фридрих Буркхард:

«Я познакомился с русскими в тринадцатилетнем возрасте, когда солдаты Советской Армии принесли моему народу освобождение и мир. Он длится вот уже 38 лет. И в том немалая заслуга братских социалистических стран. Новые инициативы СССР и других участников Варшавского Договора направлены на то, чтобы народы Европы и всей планеты жили в мире, чтобы навсегда исключить войну из жизни людей».

Продолжение этой мысли — во взволнованном письме Сергея Исаева, военрука школы из Чечено-Ингушетии: «Сколько обелисков в память о советских воинах стоят на земле многих стран Европы. И мы, советские люди, говорим: не бывать войне! Павшие и живые против войны».

Завершая обзор почты конкурса «Мы — интернационалисты», хотим привести слова заслуженной учительницы Армянской ССР Милады Хубларян:

«Если посчитать годы, не прожитые нашими воинами, погибшими ради счастья, мира, ради жизни на земле, сколько миллионов лет это составит? Кто же дал право посягать на жизнь, на мир, оплаченный такой дорогой ценой?»

Обзор подготовили
Н. ИВАНОВА,
Н. КРЫЛОВА.

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ КОММУНИСТЫ

УРОКИ НА

Первый секретарь Минского сельского райкома партии Г. И. ГАНУШ беседует с корреспондентом «Огонька» А. ЩЕРБАКОВЫМ о прошедших отчетно-выборных партийных собраниях

— Давайте нарушим традицию,— предложил мой собеседник.— Обычно беседы на подобные темы начинаются стереотипно: «За истекший период мы добились...» И так далее. Мне хочется начать с одной поучительной истории.

Собрание в колхозе имени Гастелло шло к концу, а Глухов слова не просил. Присутствовавшие бросали на него вопросительные взгляды: «Неужели отмолчишься?! Всегда ведь выступаешь — интересно, дельно...» Но Глухов не выступил. Что за всем этим?..

Серафим Сергеевич Глухов — механизатор, можно сказать, уникальный. Сядет на трактор — редко кто за ним угонится. Комбайном поле уберет — любо-дорого смотреть. Что-то отремонтировать — ему никакие слесари, никакие механики не нужны. Новую машину осваивать — дай только срок. Во всем основательно разобраться старается — в технике, экономике, организации труда. Потому и к выступлениям его прислушиваются. А тут будто Глухова на собрании и не было.

Накануне встретил его Михаил Григорьевич Тимошенко, секретарь колхозного парткома. Обменялись мыслями по поводу предстоящего собрания. Тимошенко не сомневался, что Серафим Сергеевич попросит слова, и осторожно напомнил, что слово на партийном собрании теперь на особых весах взвешивается и с тех, кто говорит, за слова такой же спрос, как за дело. Такой поворот партия обозначила. Почему он так сказал? Слышались в последнее время в голосе Серафима Глухова меркантильные нотки, зазнайство хоть и не резко, но проглядывало. Вот и намекнул парторг: подумай, мол, как коммунисты на этот раз твое выступление воспримут. И Серафим Сергеевич решил не выступать. Может, и правильно решил.

Я это к тому, что атмосфера на партийных собраниях нынче, после ноябрьского Пленума прошлого года, июньского Пленума нынешнего года, совсем иная. Чувствуется, что люди приходят на собрание с пониманием его значимости, весомости. Если анализировать, то обстоятельно и глубоко; предлагать — то не «с потолка»...

— Геннадий Иосифович, видимо, это — отражение изменений во всем стиле партийной работы.

— Несомненно. В том и суть. Я не возьмусь утверждать, что все желанные перемены уже свершились и нам на отчетно-выборных собраниях оставалось лишь зафиксировать успешное выполнение требований последних Пленумов ЦК КПСС. Но берусь утверждать, что заметно выросла ответственность коммунистов за свои поступки и слова, выросла требовательность к себе, к товарищам по труду и, что, по-моему, очень важно, к руководителям. Вот вам пример.

На отчетно-выборном собрании в партийной организации «Межколхозстроя», и в докладе и в прениях, коммунисты излагали с партийных позиций требования к руководству. Отмечали, скажем, что бригадир у строителей — фигура ключевая, подчеркивали, что от облика его, именно от облика — от профессиональной подготовки, от поведения в жизни, от взглядов,— зависит, будут ли члены бригады гнать проценты или выполнять задания пятилетки. Видите, какой подход!

Или. Критиковали руководителей «Облмежколхозстроя» за то, что мало уделяют внимания воспитанию людей. Иные считают достаточным в единый политдень бросить аудитории несколько громкозвучных призывов и расщедриться на реальные и нереальные заверения. А воспитывать внимательностью к нуждам, заботой об условиях труда и быта, чуткостью, доступностью — не все умеют и не все хотят уметь. А коммунисты на собрании потребовали. И, забегая вперед, замечу, что уже есть перемены к лучшему.

— Надо полагать, совершенствовался стиль работы и районного комитета партии, и коммунисты принимали это как естественный ориентир своей деятельности, своего поведения.

— Совершенно верно. Смысл партийной работы ведь не в том, чтобы рассылать из кабинетов директивы и требовать их исполнения, нажимая на административные педали. Смысл ее в том, чтоб практикой (теорией, конечно, тоже) учить и побуждать людей действовать творчески. Каковы принципы, таков и стиль.

Попытаюсь раскрыть это на примере. В апреле мы слушали

ЗАВТРА

на бюро райкома партком совхоза «Овощная фабрика». Нас интересовало, как он руководит цеховыми организациями и группами. Почему мы взяли именно «Овощную фабрику»? Потому что там двести с лишним коммунистов, организация сильная, и, стало быть, с нее, так сказать, и спрос больший. Низовые звенья партийной организации участвуют в главных, решающих производственных процессах, и от них зависит успех дела.

Учить можно по-разному. В данном случае мы учили примерами конкретного, делового подхода к повседневным заботам. За полтора месяца до бюро создали комиссию по подготовке заседания. В нее включили членов и кандидатов в члены райкома: тепличницу Валентину Михайловну Урбан, бригадира Надежду Ильиничну Бородатенко, члена бюро райкома бригадира Людмилу Максимовну Гинак. Они, в свою очередь, привлекли к изучению положения дел многих рабочих совхоза, с которыми общаются каждый день и вместе с которыми в состоянии затронуть то, что посторонний глаз не всегда разглядит.

Задуманное осуществилось: вместе с работниками райкома активисты готовили заседание бюро и одновременно учили и учились, как добираться до сути проблем, как по-государственному смотреть на вещи, как растить в исполнителе хозяина, а в хозяине воспитателя.

Разговор на бюро получился. Мы постарались, чтоб он оказался полезным для всех коммунистов района.

После отчетно-выборного собрания в дирекцию совхоза пришли члены звена Петра Осиповича Меркулова и попросили экономистов выслушать их. Предыстория такова. В нынешнем году в совхозе впервые организовали звено конечной продукции по выращиванию и заготовке кормов. Не скажешь, что «первый блин» вышел комом, но не все в звене ладилось с организацией, с расчетами. Вот и решили рабочие поделиться своими соображениями с экономистами, чтоб в других звеньях просчеты и ошибки не повторялись. Налицо, как говорят, прямая связь между отчетом совхозного парткома на бюро райкома, отчетно-выборными собраниями в коллективе, производством и воспитанием.

— Значит, сегодняшняя практика деятельности райкома еще раз подтверждает мысль: активность людей пробуждается и дает ростки там, где подготовлена почва, где эту активность поощряют, помогают ей развиваться.

— Только так. По-казенному требовать выполнения решений легко, но бессмысленно. Создать обстановку, в которой люди почувствовали бы, что сегодня можно и нужно ко всякому делу подходить по-государственному, брать на себя ответственность за все и за всех, а для этого быть требовательнее, глубже мыслить, уметь видеть перспективу,— тогда придут результаты.

Я присутствовал на нескольких собраниях и больше всего радовался, когда коммунисты обнаруживали зрелость подхода к проблемам, зрелость в своих оценках и выводах. Вспоминаю собрание в колхозе имени Гастелло. Хозяйство крепкое, стабильное. Урожай зерновых у них нынче по 51,2 центнера с гектара, а за три года пятилетки — 46; картофеля— 278. Продуктивность скота высокая, доходы миллионные. Кажется, на собрании, кроме похвальных слов, и произносить нечего. А знаете, до какого критического накала доходило?! Разбирались, почему пестроту в урожайности и продуктивности скота никак не изживут: в двух бригадах условия почти одинаковые, а разница в урожайности картофеля сто центнеров на гектаре; на одной ферме надаивают на семьсот килограммов молока от коровы больше, чем на другой. Средние показатели высоки — верно. Однако для партийных оценок они не годятся — так утверждали.

А бригадир тракторной бригады Николай Алексеевич Парфенович шире разговор повел. У нас, напомнил он, одиннадцать населенных пунктов, а блеск, красоту мы в основном в Сеннице, на центральной усадьбе, наводим. Тут и застройка побогаче, и бытовые условия получше, и о культурном обслуживании побольше думают. В других деревнях хуже.

И еще Парфенович настаивал на том, чтоб больше обращали внимания на удобства для людей — и в производстве и в быту. А то ведь что получается: домов настроим, народ поселим, а в домах жить неудобно: одно не предусмотрено, другое сделано халтурно.

— Геннадий Иосифович, вы сказали, что радовались, слушая на собраниях выступления коммунистов, растущей зрелости их оценок и выводов. Но такая зрелость определяет ведь и новую меру требовательности и партийным руководителям, хозяйственникам, к руководителям советского аппарата, идеологических служб. Надо полагать, что один из главных выводов из отчетно-выборной кампании: повышать спрос со всех, кому доверено руководить. Между прочим, кого-то наверняка точит соблазн держаться за старые схемы, за стиль, гарантирующий спокойную жизнь. В самом деле, чего проще подготовить, скажем, собрание по сценарию: выступят столько-то человек, охватят такие-то вопросы, внесут такие-то предложения, проголосуют, примут решение и разойдутся...

— Безусловно, спокойнее сидеть на собрании и слушать дежурные фразы о том, что труженики добились известных успехов и, несмотря на отдельные еще имеющиеся недостатки, готовы внести свой вклад... и т. д. И, конечно, тревожно, когда слесарь-наладчик в колхозе имени Войкова Виктор Филиппович Турулин бросает на собрании руководителям партийной организации такой упрек: «Как же вы допустили, что мы узнали о поступках, порочащих звание члена партии, только тогда, когда коммунистов из нашей ячейки — механизаторов Курило, Хмелевского, доярку Бельскую — пригласили на товарищеский суд?!» Тревожно, потому что тысячу раз задумаешься, когда услышишь подобный вопрос: а как же действительно получается, что принижается роль партийной организации? Ведь в таком случае активности коммунистов ждать нечего. А без нее чего стоят все наши усилия?

Но вместе с тревогой чувствуешь и удовлетворенность оттого, что рядовые члены партии сами остро реагируют на отступления от важнейших уставных принципов и руководителям напоминают об этом.

Чтобы у всех такое отношение воспитывать, нам надо еще многое в стиле работы совершенствовать. На том и сосредоточены наши усилия и наши поиски. Когда помогали готовить в первичных организациях отчетно-выборные собрания, ориентировали коммунистов прежде всего на заинтересованность в глубинном разговоре о проблемах, в аналитическом подходе к будням. Доклады рекомендовали утвердить как можно раньше, чтоб дать возможность коммунистам ознакомиться с ними, поразмыслить над их содержанием.

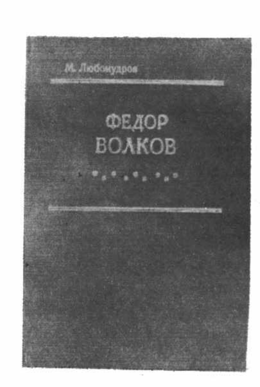
Сейчас обстоятельнейшим образом анализируем итоги отчетов и выборов. Тщательно разбираемся во всех критических замечаниях, предложениях коммунистов. Тут же намечаем меры по реализации этих предложений. По вопросам, которые предстоит решать вне райкома (их, кстати, много. В основном качество техники, комплексы машин для полей и ферм, организация строительства), написали письма в соответствующие инстанции. Обо всем предпринятом информируем коммунистов — с расчетом опять же получить от них советы, замечания, оценки наших усилий.

Будем считать, что расходовали силы, умение и время не напрасно, если получим желаемый результат. В заключение назову две цифры: средняя урожайность зерновых по району составляет нынче 27 центнеров с гектара, картофеля — 176. Планы продажи их государству выполнены. Есть уверенность, что справимся с заданиями по продаже мяса и молока.

Белорусская ССР.

среди книг

ПОТОМСТВО НЕ ЗАБУДЕТ...

Ясным зимним днем 1763 года улицы и площади Москвы всколыхнуло небывалое зрелище. Это было грандиозное театрализованное шествие по случаю коронации Екатерины II — невиданное в истории русского театра общенародное действо, исполненное гражданского пафоса и патриотической силы. Маскарад «Торжествующая Минерва» стал последним творением великого деятеля отечественной культуры Федора Григорьевича Волкова. Через два месяца после этого ярко запомнившегося тогдашним очевидцам представления жизнь его оборвалась в возрасте 35 лет.

Первый русский актер, основатель национального общедоступного театра в России — что известно о нем? Самородок с Волги, получивший разностороннее образование. Страстно увлеченный сценой, он организовал в Ярославле сначала любительский, а затем постоянно действующий театр, которым заинтересовались в столице. Облик его запечатлел на холсте маслом художник А. Лосенко — единственный этот дошедший до нас портрет Федора Волкова хранится в «Третьяковке». Вот, пожалуй, и все обрывочные сведения. Почти по Пушкину: «...Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и не любопытны...»

Больших трудов о Федоре Волкове, которых он достоин, до сих пор нет. Судьба его во многом таинственна. Но это вовсе не остановило, напротив, заставило критика Марка Любомудрова написать биографическую повесть о Федоре Волкове, чтобы вместе с тем обратить взгляд соотечественника в славное прошлое его родной культуры, к истокам национальной сцены и тем самым еще и еще раз вызвать уважение к минувшему, открывшему путь лучшим достижениям нашего театрального искусства, его давним и прочным традициям. И это уже не первая попытка автора восстановить судьбу и деяния «отца русской сцены»; очерком о первом актере Российского театра начиналась его книга «Века и годы старейшей сцены» (издательство «Советская Россия», 1981), посвященная истории Ярославского академического драматического театра, который носит имя Ф. Г. Волкова.

На страницах биографической повести «Федор Волков» действуют, живут А. П. Сумароков — драматург и директор Первого Российского театра, знаменитые актеры И. А. Дмитриевский и Я. Д. Шумский, график Евграф Чемесов и живописец Антон Лосенко. Графические портреты волковского окружения, изображения главных событий той эпохи, сцен из трагедий, идущих на сцене театра,— все это делает доступнее, зримее само повествование о времени, отдаленном от нас почти на два с половиной столетия.

Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет...—

обращается в скорбной элегии на смерть Федора Волкова А. П. Сумароков к его другу, актеру И. А. Дмитриевскому.

Потомство не забывает, подтверждает книга М. Любомудрова, и не забудет того, кем гордится отечественная история, а значит, настоящее и будущее.

Т. МАРШКОВА

М. Любомудров. Федор Волков. Ленинград, «Детская литература», 1983. 191 с.

Р А Ф А Э Л Ь

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Соединить рафаэлевскую технику с идеями новой цивилизации — вот задача искусства в настоящее время».
Александр Иванов

Мудрые ученые открыли, что с незапамятных времен сквозь всю нашу планету Земля проносятся мириады таинственных звездных скитальцев — крошечных, невидимых нейтрино. Вот сейчас вы развернули страницы книги или журнала, и сквозь эти страницы (как, впрочем, и сквозь вас самих) проскользнули триллионы нейтрино. Бесшумно, неуловимо, незаметно. Пролетели и, проскочив недра Земли, вновь ушли в Космос. Эти частицы — дети галактик.

Задумывались ли вы, что совершенно вопреки нашей воле и столь же незаметно и неслышно сквозь душу каждого человека с поры юности и до старости проносятся волшебные частицы искусства, рожденного земными звездами — гениальными поэтами, композиторами, художниками... Вы могли лишь однажды прикоснуться к красоте, услыхать музыку Баха, Моцарта, Чайковского, Рахманинова, прочитать стихи Гете, Байрона, Пушкина, Блока, увидеть творения Эль Греко, Рембрандта, Рублева, Александра Иванова — и невольно (так устроен почти любой человек) след от этого касания останется на всю жизнь. Конечно, от любого индивидуума зависит, насколько он захочет углубляться в мир искусства, насколько он будет увлечен и пленен им, но влияние на его сердце даже от одного прикосновения к прекрасному неизгладимо.

Вот почему род человеческий бережно хранит имена тех великих мастеров, которые в своих созданиях воспевали добро, свет и заставляли человека гордиться тем, что он Человек. Ибо творчество больших художников всегда отличало ощущение гармонии, сокрытой в самом бытии людей, в природе, окружающей их, в стремлении большинства землян к счастью, миру.

Пятьсот весен расцвело. Пять веков в назначенное время наступало лето, а потом желтели листья и приходила осень. Позже брала верх зима и снова уступала дорогу весне. Полтысячи лет сменялись поколения, неспешно переворачивались страницы летописи планеты. И, несмотря на это неотвратимое круговращение, смену событий и поколений, род людской свято помнил, что в апреле 1483 года в маленьком итальянском городке Урбино появился на свет художник, воспевший человека и создавший картины, являющие нам мир пленительный и непреходящий, оставивший всем образ Матери — любящей и страдающей, чудесный и незабываемый. Тысячи мастеров, больших и малых, писали мадонн, но мадонны Рафаэля — верх совершенства. Безумно трудно писать о таком художнике, которому посвящены тысячи книг, репродукции с картин которого висят на стенах многих домов, а оригиналы, созданные им, начиная с крошечных рисунков или эскизов и кончая портретами или картинами, являются украшением и гордостью лучших музеев мира. Слишком велика громада славы и, что самое сложное, назойлив, неотразим стереотип, набор легенд и домыслов, начатый еще при жизни мастера и доходящий до наших дней. Тем бесценнее встречи с картинами художника. Они-то, эти немые свидетели, рассказывают иногда значительно больше, правдивее и точнее, чем иные толстенные монографии и романы.

В чем феномен легендарной известности Рафаэля? Почему он почти пять веков неоспоримо, несмотря на яростные нападки, является признанным лидером Высокого Ренессанса, причем его значение как художника стало поистине вселенским, далеко превысив рамки великолепной итальянской живописи? Как ни странно, именно в оценке его роли в мировом искусстве столкнулись наиболее неистово апологеты формализма в начале XX века и приверженцы реалистической школы. В чем же секрет этого магнетического влияния, в чем совершенство его пластики? Ведь за прошедшие четыре с лишним столетия мировое искусство дало человечеству такие шедевры живописи, раскрыло таких мастеров колорита, композиций — невероятных по силе и экспрессии, что внешне весьма благозвучные, чтобы не сказать простые, по доступности изобразительного языка картины Рафаэля, естественно, могли «устареть», показаться «старомодными». Однако этого не произошло. Ибо ныне, как никогда, светозарна и триумфальна популярность его творений. И что особенно любопытно, признательность рода людского к этому гениальному живописцу год от года растет вопреки всем заклинаниям модернистов.

Почему?

Искусство Рафаэля потрясает прежде всего глубиной и гуманизмом, полным отсутствием внешних эффектов, какой-то попыткой удивить или поразить зрителя. Он, как никто, сумел соединить в своих созданиях неподражаемое умение и мастерство рисунка и живописи с ясным и полнозвучным мировидением. Художник открыто признается в своих произведениях в любви к жизни, в преклонении перед красотой человека. Его полотна простосердечны, иногда даже могут показаться наивными в своей открытости, когда живописец, не мудрствуя лукаво, простодушно рассказывает о беспредельной признательности за данную ему радость земного бытия, ощущение прелести природы. Рафаэль вдохновенно выразил в своих мадоннах удивительный мир тишины, покоя, сердечной щедрости. Вот почему в наш грохочущий машинный век, наполненный до отказа слепящими огнями, высверками, оглушающими звуками, стремительным, уже даже не земным, а космическим движением, когда человеческая плоть, зрение, слух уже порою не выдерживают такого напора анилиновой яркости и шума, так необходим, духовно надобен мир Рафаэля.

К Рафаэлю, может быть, как к никому, так прямо обращены слова Ньютона: «Я никогда бы не был Ньютоном, если бы не стоял на плечах гигантов». И действительно, будто почва культуры Италии эпохи Ренессанса, все творчество крупных художников той поры и прежде всего современников Рафаэля — Леонардо и Микеланджело — как бы готовило появление гениального живописца, способного обобщить грандиозный опыт, воплотить это наследие, изумительное по глубине проникновения в суть природы и человеческой натуры. Рафаэль сумел сделать это. Смог свершить невероятное: синтезировать эксперименты самых противоположных художников, взяв все из их исканий и создав свою совершенно оригинальную и первичную систему образов, непревзойденную по ясности и поражающую простотой изобразительного языка, доступного любому смертному... В искусстве каждого большого художника заложена тайна. Иначе не может свершиться рождение н о в о й к р а с о т ы. Здесь в момент какого-то озарения, вызванного бытием живописца, его пониманием и осмыслением времени, накоплением опыта, и происходит тот неуловимый и непредсказуемый пластический «взрыв», схожий с рождением новой звезды. Так, Рафаэль, юный сирота из Урбино, обладавший невероятным темпераментом и силой, скрытыми от окружающих за крайне обаятельной и приветливой внешностью, именно он, этот юнец, одержимый любовью к искусству и, безусловно, неординарным честолюбием, проявляет поистине вулканическую трудоспособность. В истории искусств почти никто не знал такого взлета и успеха, как Рафаэль, достигнутого так скоро и в столь молодые годы. Первые шаги Рафаэля на родине, учеба у Перуджино еще никак не приоткрывают нам истинный размах дарования будущего гиганта Ренессанса. Все созданное им великолепно, но вполне вмещается в привычные рамки развития способного, очень талантливого юноши. Он внимательно изучал, размышлял, сравнивал, копировал, учился. Но штудия не отгораживала его от жизни, и, пожалуй, это отсутствие в нем некоторой замкнутости, некоммуникабельности отличает всю его дальнейшую судьбу.

Семнадцатилетний паренек, безвестный простолюдин, сразу находит свою песнь. Он начинает создавать сюиту мадонн, в которых с откровенной чистотой души выплескивает тоску по рано ушедшей матери, преклонение перед чудом материнства, перед загадочной сутью бытия. И его ранние живописные опыты — эти первые мадонны сегодня показывают нам истинное зеркало души художника и являются непревзойденными шедеврами.

Ныне особенно ясно, как бесценно искусство, рожденное чувством красоты. И как вечна живопись, созданная Леонардо да Винчи или Вермером Делфтским,— совсем маленькие картины, с одной или двумя фигурами, не более... Ведь не в метраже и не в количестве персонажей смысл живописи. Кому непонятно, что произведения салонной «продукции» в мировой истории культуры, несмотря на огромные форматы картин, искрометный колорит, сотни жестикулирующих фигур, искусно скомпонованных в артистичные мизансцены,— все это, несмотря на былой успех, а порою и высокие гонорары, все же со временем оказывалось пустопорожним хламом и находило свое место в объемистых запасниках музеев, а то и вовсе на свалке. Поэтому с осторожностью надо воспринимать эффектные, «шумные» картины, в них нет главного — музыки прекрасного, а есть лишь грохот и холодный расчет поразить чем-то зрителя. Это прежде всего относится к бесчисленным творениям ложноклассического и псевдоакадемического искусства, которые взывают лишь к любопытству либо дурному вкусу, к беллетристическим понятиям, а не к сердцу и уму. Но так повелось, что именно художники псевдоклассического стиля всегда воспевали Рафаэля, сделав из него чуть ли не идола «академизма». Беда была в том, что иногда большие картины позднего периода, исполненные по его эскизам учениками и являясь лишь декоративным оформлением интерьеров богатых дворцов, были весьма далеки от истинных шедевров урбинца. Рафаэль последних лет жизни, несмотря на высокий класс картин, выпускаемых его «школой», все же иногда несколько холоден и риторичен. К счастью для искусства великого мастера, таких придуманных, натянутых композиций было не так много.

Рафаэль Санти. 1483 — 1520. МАДОННА КОНЕСТАБИЛЕ. Ок. 1500 — 1502.

Рафаэль Санти. ПАРНАС. ДАНТЕ. (Деталь). 1510.

Рафаэль Санти. СИКСТИНСКАЯ МАДОННА. 1516—1519.

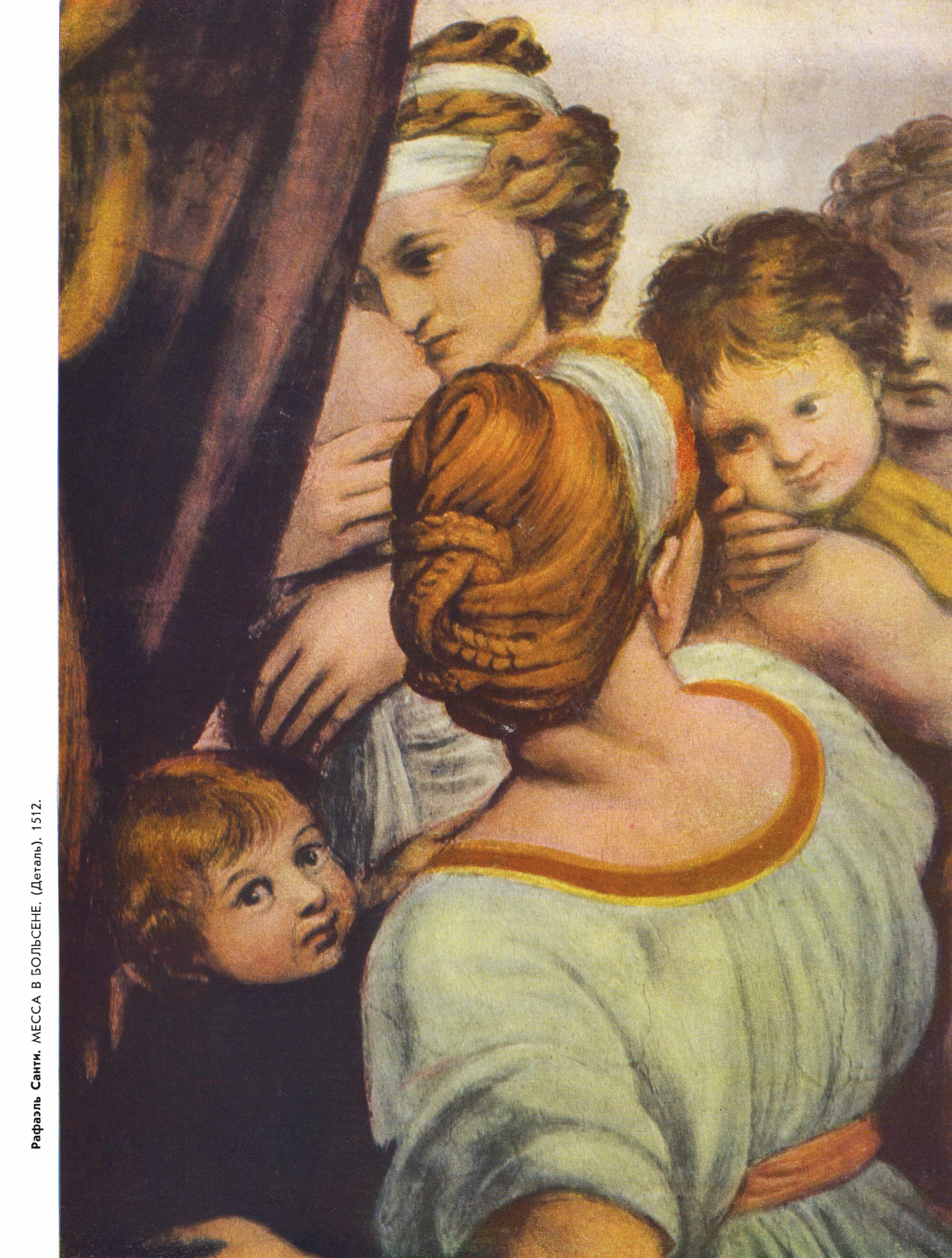
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Рафаэль Санти. СИКСТИНСКАЯ МАДОННА. (Фрагмент).

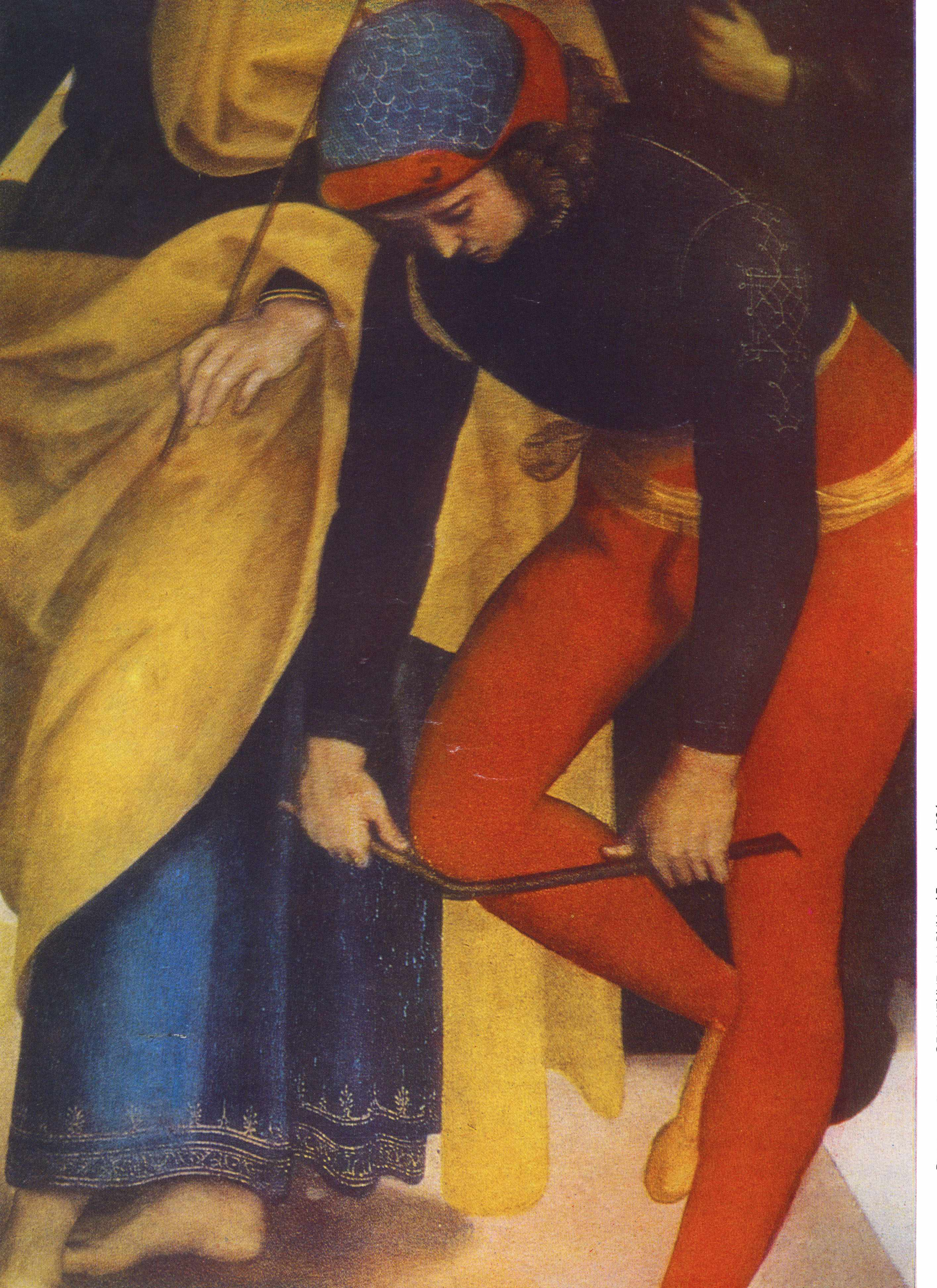

Рафаэль Санти. «ДОННА ВЕЛАТА». Около 1514.

Рафаэль Санти. МЕССА В БОЛЬСЕНЕ. (Деталь). 1512.

Рафаэль Санти. ОБРУЧЕНИЕ МАРИИ. (Деталь). 1504.

Но вернемся к его молодости. Еще не достигший двадцати лет мастер одним лишь порывом души находит выражение всем одолевающим его чувствам в ряде небольших картин, решающих вечную тему — Материнство. Это вполне объяснимо, ибо, оставшись столь рано без матери, он находит выход своей тоске в грезах о детстве, приветливости, светозарности этой поры жизни. Цикл неповторимых по своей прелести, духовному богатству и какому-то особому лиризму мадонн начинается с нашей эрмитажной «Мадонны Конестабиле» (1500—1502 годы), в которой все обаяние юности, девичий хрупкий образ Марии, чистота воспоминаний детских лет художника, проведенных в Урбино. Далее — «Мадонна в зелени» (1505 год), в которой чувствуется влияние Леонардо, но уже звучит ясная рафаэлевская пластика. Величественная и задумчивая «Мадонна дель Грандука» и «Мадонна с безбородым Иосифом» — обе созданные около 1505 года, и, наконец, ошеломляющая своей ласковой, проясненной гармонией, счастьем «Мадонна с щегленком» (1506 год). Все крепнет и мощнее звучит интонация, придающая этим картинам отличный от всех предыдущих художников пленительный, трепетный стиль, вовсе лишенный какой-либо сухости, литературной заданности. Словом, вместо принятых канонов иллюстраций к библейским сюжетам Рафаэль предлагает зрителю мир реальный, одухотворенный своими наблюдениями, полный света и добра. Завершает эту сюиту «Прекрасная садовница», в которой Рафаэль окружает группу полным сияния и радости пейзажем. Темы материнства, женственности, идеала красоты сливаются в этой картине, написанной в 1507 году (накануне отъезда в Рим из Флоренции). Рафаэль как бы окончательно находит свое решение библейских тем, оно наполнено раскованным реальным ощущением полноты бытия, этого земного чуда. В его сюите мадонн раннего периода воплощены самые светлые идеалы гуманизма итальянского Ренессанса. Художник обретает свой стиль, впитав лучшие влияния школы Перуджино и великих флорентийцев, он придает своим картинам неожиданную и особо чарующую ясность, понятность, доступность, обретя этими работами заслуженное и широкое признание. Он готов к новым, еще более значительным свершениям.

Так за какие-то неполные семь лет юный, начинающий живописец сумел сказать новое слово в вековом жанре мадонн.

В 1508 году в Ватикане появился молодой человек. Ему было двадцать пять лет. Но в Вечный город приехал не просто путешественник, чтобы познакомиться с Римом и его древностями. Ко двору папы прибыл уже известный художник, со звучным и быстро запомнившимся всем именем — Рафаэль. Он привез с собою работы: картины, рисунки, эскизы, но суть посещения Ватикана была совсем не в этом. Папа Юлий II пригласил живописца в Рим по рекомендации своего любимого архитектора Донато Браманте, который был родственником Рафаэля. Говорили, что и герцог урбинский Франческо Мария делла Ровере, будучи племянником всемогущего папы, тоже сыграл здесь некую роль... И вот среди толпы придворных, святейших кардиналов, блистательных вельмож, их прекрасных дам в сверкающих нарядах, усыпанных драгоценными камнями, вдруг возникла скромная фигура стройного, похожего на юношу человека с открытыми, приятными чертами лица. Он был одет скромно, во все черное. Даже бархатный берет был черным. Только тонкая золотая цепочка украшала грудь молодого мастера. Никто не мог предположить, что за какие-то пять лет он станет главой римской школы и создаст фрески, которые составят не только славу Ватикана и увековечат папу Юлия II, но и станут каноническими для целых поколений живописцев классического направления. Рафаэль и его «Стансы» откроют новую страницу в истории искусств как пример удивительно гармонического решения в фресковых росписях.

Никогда не забуду, как, пройдя бесконечные анфилады зал Ватикана, где шедеврам нет числа и, казалось, вся история искусства оставила свои лучшие создания для этого собрания, ошеломленный, уставший от всего увиденного, я вдруг оцепенел, увидев светлую и потрясающую своей юной неувядаемостью грандиозную «Афинскую школу». Изумляло не только просторное и воздушное построение этой росписи, где фигуры знаменитых философов, ученых, зодчих свободно и непринужденно располагались в пространстве. Нет. Удивлял неожиданный колорит фрески. Словно букет полевых цветов — фиалок, незабудок, васильков — расцвел на стене. Казалось, строгий рисунок, сложные ракурсы — все способствовало монохромному цветовому решению. Но Рафаэль внезапно раскрывает все богатство своего темперамента, и «Афинская школа» на много веков становится эталоном высшего мастерства. Может быть, сотворение этого шедевра монументальной живописи хоть несколько успокоило разбег и творческое вдохновение художника? Нет, не надо забывать, что именно в это же время рядом в Ватикане вечный его могучий соперник, аскет и анахорет Микеланджело Буонарроти расписывал плафон Сикстинской капеллы, и Рафаэль не мог не ответить на колоссальный и титанический рывок Микеланджело к вечности.

Нет. Покоя не было... Ни на минуту не покидало его ощущение незавершенности задуманного. Он продолжает огромную работу по росписи Ватикана. Одна фреска за другой появляются на стенах. В некоторых из них видно влияние грозного искусства Микеланджело. Рафаэль лучше других понимал, что ему не удастся превзойти Буонарроти в темах, насыщенных страстным и яростным движением, которое свойственно трагическому и динамичному искусству Микеланджело. Но желание создать нечто равное или подобную по объему и воздействию роспись не покидало Рафаэля. Это стало его наказанием. Среди шумных приемов папского двора, слушая бесконечные похвалы своих почитателей, ощущая безмерное обожание, принимая восторги сотен и сотен зрителей, ставший признанным Первым живописцем Рима, Рафаэль не знал покоя. Счастье триумфатора было тревожным... Хотя заказы сыпались как из рога изобилия.

Вскоре Рафаэль завел множество учеников, и все же его мастерскую осаждали меценаты, каждый считал за честь иметь в своем собрании картин мадонну кисти Рафаэля. Надо заметить, что мадонны, которых он написал немало до приезда в Рим и которые, по существу, и создали начинающему живописцу такую раннюю славу, были результатом труда и напряжения всех духовных сил юноши. Теперь самому Рафаэлю на это времени не хватало. Одолела суета. Рим сразу втянул урбинца в свой завораживающий и налаженный темп жизни. Вечный город был как бы перекрестком многих дорог, в нем при папском дворе плелись интриги, решались дела, накладывающие отпечаток на бытие миллионов людей.

Но жизнь продолжалась, и одна роспись лучше другой покрывали стены Ватикана. В основе их лежал феноменальный рисунок. Рафаэль был непревзойденным мастером рисунка. Не побоюсь сравнения, но листы Рафаэля с его набросками и эскизами, с обозначенными деталями рук, голов, в сложных ракурсах и поворотах потрясают так же, как детали скульптур античного Парфенона: так совершенны и в то же время чудодейственны и безмерно точны его кроки. Драгоценны рисунки Рафаэля. В них трепещет, бьется его преклонение перед природой, и главное — именно в его рисунках, в их безошибочной артистичности отражен гигантский труд и безмерное напряжение творца.

Яснее всего рисовальщик Рафаэль предстает в гениальных «Стансах». Это идеально построенные фрески. Но, как мне кажется, в отличие от росписей Сикстинской капеллы Микеланджело Рафаэль, может, несколько бесстрастен, хотя и зачаровывает покоем своих композиций. Буонарроти все же заставляет трепетать вашу душу дантевским по силе «Страшным судом». Но каждому свое... Где-то уступчивый Рафаэль в ватикановских «Стансах» слишком был регламентирован заказом, и лишь его природное жизнелюбие иногда прорывается сквозь строгие параметры заранее надуманных аллегорических построений. Но то, что он создал, по-своему прекрасно, хотя, мне думается, если бы Рафаэль написал лишь «Стансы», он никогда бы не был тем Рафаэлем Санти, который по праву увенчивает лаврами славы Высокий Ренессанс. Истинный всечеловеческий гуманизм он проявил, конечно, в последней, написанной им самим картине — «Сикстинская мадонна». Именно в этой композиции ему удалось в отличие от фресок решить истинно драматические человеческие проблемы света и тьмы, добра и зла.

Но об этом позже.

Жизнь Рафаэля в Риме пролетала стремительно. При всей внешне спокойной респектабельности его будни были наполнены до отказа трудом и встречами с десятками сильных мира сего, от святейшего папы до кардиналов, от льстивых поклонников таланта до учеников и помощников. Все сутки были спрессованы во времени и расписаны до минуты. Прославленный художник уже к тридцати годам достиг невиданного (даже в той благословенной для живописцев поре), грандиозного успеха. Личное обаяние, цельность, всегда одержимая направленность к единственной задаче: служению искусству, доставляли ему ни с чем не сравнимое влияние. И грозный Юлий II и позже хитроумный Лев X любили мастера. Оба эти владыки католической церкви близко дружили с ним, считались с его мнением, и естественно, что могущественные кардиналы и вельможи, составлявшие их окружение, несмотря на всю свою гордыню и власть, общались с Рафаэлем и даже где-то в глубине души побаивались этого улыбчивого, но непреклонного, внешне мягкого и ласкового, но своенравного живописца. О Рафаэле можно было с полным правом сказать словами флорентийского князя Козимо Медичи: «Художник — существо небесное, а не вьючный осел».

Казалось, судьба Рафаэля стала безоблачной. Он был удачлив и как будто счастлив, вокруг него курился дым фимиама, художник был захвален и заласкан. Но, как все в мире, это имело второе прочтение. Сила и свежесть натуры Рафаэля, составлявшие сердцевину его гения, незаметно, изо дня в день истрачивались и таяли. Страшнее всего было постоянное общение с людьми неискренними, лживыми, обволакивающими его паутиной лести, интриг и вовсе не нужными для Рафаэля — строгого и очень сдержанного в личной жизни, безмерно трудолюбивого и направленного постоянно на постижение тайн высшего мастерства. И еще одна немаловажная деталь: несмотря на, казалось бы, всеобщее признание и хвалу, все же Рафаэль был чужаком и простолюдином в светской толпе вельмож и бездельников.

Он был близок с Агостино Кияджи, этим богатейшим меценатом. Его обхаживал кардинал Бибиене, мечтавший выдать за него племянницу, многие, многие власть предержащие хотели видеть рядом с собою блистательного и удачливого маэстро. Но нет ничего страшнее для живописца, да, впрочем, для любого творца, чем круговерть этих сладких до липкости будней с кажущимися феерическими и почти сказочными по легкости развлечениями светской жизни. И Рафаэль, прибывший в Вечный город полный жажды достижения вершин искусства, создав за поразительно короткий срок фрески Ватикана — знаменитые «Стансы», и уже одной «Афинской школой» увековечивший свое имя, был завален бесчисленными, иногда малозначительными заказами, многочасовыми, порою пустыми беседами, застольем и многими, многими, отнимающими силы делами. Так годами постепенно и, может, уже незаметно для самого мастера большинство картин и фресок, начатых по его эскизам и прописанных по деталям им самим, заканчивалось способными, но далеко не гениальными учениками. После смерти Браманте волею судеб он стал главным архитектором Рима, и вдруг вся тяжесть этой огромной ответственности — почетной и высокой, но далекой от живописи окончательно смешала цельность его творческих замыслов и устремлений. Так неумолимый рок создавал препоны художнику Рафаэлю и поощрял успехи Рафаэля — архитектора, придворного, светского человека. И вот тут происходит самое страшное. Сердцевина творческого кредо мастера из Урбино, в основе которой лежали гуманизм, любовь к прекрасному, к гармонии, красоте бытия, наталкивается и разменивается на суетливое и размеренное исполнение от-

даленных от его сокровенных желаний обязанностей. Тяжелейший груз риторических, населенных десятками персонажей композиций был бесконечно далек от мира его юности, когда молодой Рафаэль создал неповторимую сюиту мадонн, каждая из которых во всей своей непостижимой красоте была песня чистой и цельной души великого художника, постигавшей все лучшее, что создал в ту пору итальянский Ренессанс.

Это нисколько не означает, что «Стансы» Рафаэля — «Диспута», «Парнас», «Изгнание Гелиодора», «Месса в Больсене» или другие—движение назад в его могучем творчестве. Но эта работа, столь успешная и искрометная по достигнутой славе, может быть, внесла усталость сердца и разрушила храм трепетной души Рафаэля. И если бы не его великолепные портреты, особенно «Портрет Бальтазара Кастильоне», «Папы Юлия II», «Кардинала», «Донны Велаты», «Портрет папы Льва X с кардиналами», где во весь рост встает психолог, мастер и гуманист, мы могли бы вовсе забыть Рафаэля-станковиста. Римские мадонны последних лет, исполняемые по многочисленным и неотступным просьбам могущественных заказчиков, несут на себе следы некоторой риторики и постановочности. В них как будто теряется нить образов его простодушных и милых мадонн раннего периода.

Но Рафаэль есть Рафаэль. И он неотступно стремится добиться своей заветной высоты.

...Представьте себе, ценою каких усилий, скольких людей достигается вершина Гималаев — Эверест. И ведь победитель, покоривший эту грандиозную высоту, обмерзший, задыхающийся, еле живой, находится на ней всего лишь считанные минуты.

А гениальные художники, открывающие новую красоту и побеждающие вершины искусства, должны жить и работать годами на этой страшной высоте. Окруженные врагами, завистниками, неудачами, интригами, а иногда недугами... Как мало бывало друзей у настоящих мастеров. Вот почему так непостижимо трагично и бесконечно жутко незримое публичное одиночество Рафаэля... Не дай бог поскользнуться. Потому так, наверно, ласков, приветлив мастер из Урбино. Он один, как никто, вечно, каждодневно ощущал высоту, предгрозовую атмосферу почти достигнутой, но все же еще не покоренной вершины, о которой грезил. И поэтому, когда читаешь в солидных монографиях, что Рафаэль был счастливчиком, что ему безмерно везло, что он был баловнем судьбы,— это банальность и полное непонимание души истинных художников, поэтов, композиторов, вечно страждущих, ищущих, никогда (пусть скрытно) не удовлетворенных сделанным. И чем больше вчитываешься и вдумываешься в жизнь гениального Рафаэля, тем все очевиднее разделяются декорации и истина его нелегкой, сложной судьбы.

Да, Рафаэль понимал истинную ценность многих заказных работ, исполняемых учениками, но в его душе уже зрела мысль о создании творения, способного еще доказать всю мощь дарования. И он находит силы сломать налаженную суету и сочинить свой Реквием.

Вспомним пушкинского Моцарта с приходом «черного человека», заказавшего ему эту музыку.

Так, где-то около 1515 года Рафаэля посетили в Риме «черные монахи», представители далекого монастыря из глухого городка Пьяченце. Они заказывают ему «Сикстинскую мадонну».

И свершается чудо.

Рафаэль впервые в жизни натягивает на подрамник огромный холст. И собственноручно, без единого прикосновения учеников, пишет свой шедевр. Апофеоз всего своего гигантского творчества. Мать с младенцем. Величайшее творение мира — «Сикстинскую мадонну». И недаром ее название как бы отвечает на титульное обозначение росписей Микеланджело в Сикстинской капелле. Да, это был ответ Буонарроти. В этом полотне Рафаэль синтезировал как бы весь накал, мудрость и красоту Высокого Ренессанса. И не только непостижимая пластика этой композиции, где светотень и лепка формы достигают недосягаемой вершины, превзойдя по мощи выражения самого Леонардо, но трагизм и философская суть картины нисколько не уступают драматизму творений Микеланджело. Да, Рафаэль нашел воплощенный ответ на вопрос, кто же он сам. Или лишь камерный создатель маленьких очаровательных мадонн, или творец грандиозных фресок, или великолепный портретист, удививший всех своей виртуозностью?

Нет! — отвечает живописец в «Сикстинской мадонне». Рафаэль — это Рафаэль. Великий мастер синтеза в искусстве. Непревзойденный и единственный. Все, все лучшие качества современников, весь опыт античности, всю глубину философских идей своего времени претворил Рафаэль и воплотил в «Сикстинской мадонне». Это было поистине творение гения. Тридцатитрехлетний мастер, собрав воедино всю духовную и художническую силу, воспользовавшись, казалось, второстепенным заказом, вдруг творит бессмертный шедевр, навечно утвердив свое имя.

Еще более потрясает, что «Сикстинская мадонна» создана в дни безмерной славы Рафаэля, несмотря на то, что он уже был смертельно утомлен. И, однако, подобно гетевскому Фаусту, Рафаэль будто снова обретает вторую юность. Он снова пишет. Нет, не пишет, он словно «выпевает» из самых глубин сердца заветную тему.

Но это не экспромт. Он приходит к решению своей кардинальной картины уже со всем колоссальным опытом компоновки монументальных композиций. Уже сотворена «Афинская школа», ставшая эталоном классической гармонии во всем мировом искусстве. Уже испытано, пережито, глубоко прочувствовано чудотворное влияние глубочайшего мастера Леонардо да Винчи. Уже изучен до предела язык самого Микеланджело Буонарроти...

Но, повторяю, Рафаэль есть Рафаэль!

«Сикстинская мадонна» отражает не только ослепительную технику мастера кисти из Урбино; в это полотно вложена вся мудрость его мировидения. И все же в этой картине прежде всего чарует могущество души, ее человеколюбие. В холсте нет ни загадочного леонардовского «сфуматто», хотя лепка формы безупречна, в картине вы не найдете ошеломляющих микеланджеловских ракурсов. Все предельно просто.

Рафаэль оставляет завещание людям. И этот памятник живописи делает его имя поистине нетленным.

«Сикстинская мадонна», пожалуй, самая знаменитая картина мира. И хотя, как и на «Джоконду», на нее пролиты ушаты помоев и грязи досужими формотворцами, от этого две немеркнущие жемчужины нисколько не потускнели.

Иные искусствоведы часто задают вопрос: кто послужил прообразом Марии? И тут вступает в действие оптика, рентген, фотография. Находят, что «Сикстинская мадонна» схожа с «Донной Велатой» («Дамой с покрывалом»). Иные просто утверждают, что Рафаэль был вдохновлен Форнариной, своей последней и беззаветной привязанностью. Однако нельзя не удивиться слепоте многих, многих искусствоведов, не увидевших в Марии мечту Рафаэля. Образ, собранный им из несметных озарений, постигавших душу художника за много лет. Черты лица Марии — синтез, это символ Матери — обобщенный, наполненный состоянием человеческой любви и печали.

Начинать сравнивать разрез глаз, пересчитывать количество ресниц на женских портретах Рафаэля и у Марии в «Сикстинской мадонне», конечно, увлекательное занятие, может быть, близкое к науке, но очень далекое от понимания роли создания этого архиважного для живописца полотна. Рафаэль в «Сикстинской мадонне» написал всю свою судьбу. Он вспоминал Урбино и полустертые в памяти чарующие черты своей матери, перед его мысленным взором проходили сотни милых, добрых женщин, ласкавших своих младенцев. Наконец, и что самое главное, художник в своей мастерской был не один. Рядом с ним, вместе с ним, в каждой клеточке его плоти жило его время. Пора жестокая, непростая, напитанная до краев войнами, скорбью, борьбой света и тьмы. И эта магнетическая сила ощущения эпохи, желание что-то сказать людям, помочь им понять несуразность злобы, уродства, мрака, утвердить победность добра и света двигали кистью Рафаэля...

Простодушно и чуть ошеломленно взирает на Марию Сикст. Он потрясен. Свидетельство его земного могущества — тиара — уже не венчает его лысоватую голову, а стоит скромно в углу. Варвара опустила глаза, задумавшись о суете земной. Лишь две иронические мордашки ангелочков лукаво взирают на сотни людей, толпящихся в зале у картины. Зеленая драпировка раздвинулась, и мы зрим, как к нам шагнула задумчивая, грустная женщина, прижимая к груди дитя. Босоногая, печальная, почти застывшая в своем горе...

Можно удивляться, как Рафаэль сумел сбросить с себя некоторую театральность монументальных росписей, исполнявшихся ранее, и пришел к этой суровой, почти скупой, но поэтому столь разящей простоте.

Но напрасно вы думаете, что мастер хоть на миг забыл весь опыт искусства, созданного до него. Он знал и умел все, поэтому мог писать без натуры любую фигуру, поэтому так волшебно использовал законы контрапосто, открытые художниками Ренессанса. Недаром Леонардо называл музыку сестрой живописи. И недаром контрапосто так близко по смыслу и звучанию законам контрапункта.

«Сикстинская мадонна» поистине симфонична. Переплетение и встреча линий и масс этого холста изумляют своим внутренним ритмом и гармонией. Но самое феноменальное в этом большом полотне — это таинственное умение живописца свести все линии, все формы, все цвета в такое дивное соответствие, что они служат лишь одному, главному желанию художника — заставить нас глядеть, глядеть неустанно в печальные глаза Марии. Картина Рафаэля необычайно современна. Этические задачи, поставленные мастером, живы и поныне. Они необыкновенно усилены еще и судьбой самой картины. Во время дрезденского восстания в XIX веке русский революционер Михаил Бакунин мечтал поставить «Сикстину» на крепостных стенах, чтобы остановить наступавших врагов... И все знают эпопею спасения «Сикстинской мадонны» советскими воинами во время второй мировой войны, вызволившими ее из подземного гитлеровского плена. Подробно об этом рассказано в № 41 «Огонька» за 1974 год.

Едва ли кто из бывших в Дрездене забудет руины Фрауенкирхе, единственные развалины, оставленные для напоминания потомкам об ужасах войны, о разбитом за одну ночь налетом англо-американских эскадрилий городе, о разбомбленном Цвингере, музее, где много лет жила «Сикстина». Она и сегодня там. Возвращенная и живая. И снова тысячи и тысячи людей толпятся у подножия полотна, неотрывно глядя в глаза Марии и думая о своих судьбах.

...Рафаэль и современность... Это далеко не риторическая фраза. Именно сегодня, когда столь обострены вопросы гуманности и спасения цивилизации, «Сикстинская мадонна», созданная давным-давно, ставит перед миллионами людей несравненную этическую задачу о войне и мире, о спасении самого человечества.

Когда Рафаэль скончался в 1520 году, у его изголовья стояла неоконченная картина «Преображение». Весь Рим пришел прощаться со своим любимцем.

«Сикстинская мадонна» — последний великий шедевр, написанный Рафаэлем в 1516—1519 годах, находился в тот день в далекой церкви на севере Италии, в городке Пьяченце. Весть о смерти знаменитого художника достигла и этих глухих мест. Словно надтреснутый, голос колокола звучал на окраине маленького городка. Низкие серые облака плыли над черепичными крышами. Воздух, сырой и влажный, колыхался от колокольного звона.

Умер Рафаэль...

Но это был лишь только миг истории. Рафаэль окончил земную жизнь и начал вторую. Вечную.

Искусство Рафаэля, славящее человеческое бытие, власть разума, света и добра, бессмертно.

Ирина ПИРОГОВА

Как живешь, рязанское село?

Почти десять лет назад было принято постановление по Нечерноземью. Хозяйства двадцати девяти областей и автономных республик Российской Федерации, входящих в зону, за это время многое сделали для социально-экономического преобразования огромного важнейшего региона. В публикуемом здесь очерке рассказывается о достижениях и трудностях на этом пути.

НЕМНОЖКО ДЕМОГРАФИИ

Перевлес стоит на взгорке, у подножия которого неспешно течет в Оку ясноводная скромница Проня. Но безобидной речка кажется только тем, кто ее мало знает. И немыслимая петля, которую делает Проня в радиусе четырехпяти километров между Перевлесом, Ухарским и Столпцами, и буйные весенние разливы заставляют вспомнить те сравнительно недавние времена, когда она была судоходной и неуклюжие баржи везли из ее верховий лес, а здесь, в селе над рекой, была как бы перевалочная база — отсюда и его название. Лет менее ста назад село считали воротами в очаг русской промышленности, которую зачинали в этих местах еще в петровские времена,— железный завод Рюминых в Истье и игольные фабрики в Столпцах и Коленцах.

Было в селе четыреста восемьдесят дворов. Старожилы и сейчас помнят, как дважды в год на знаменитые ярмарки съезжалась сюда вся округа. За последние четверть века осталось здесь дворов шестьдесят, да и в тех больше старики доживают свой век.

На территории одного только колхоза «Россия» из пятнадцати населенных пунктов осталось десять, причем исчезли даже такие большие села, как Борки — 150 дворов, школа-семилетка, магазин...

— Лет двадцать пять назад одна бригада в Столпцах могла выставить 150 косарей и 200 женщин-сборщиц, а нынче мы столько людей во всем хозяйстве не наберем,— говорит заместитель председателя колхоза «Россия» Илья Иванович Хабаров.

— Двадцать семь лет назад, когда я пришла после института работать в Столпенскую участковую больницу, на нашем участке было десять с половиной тысяч человек, а сейчас всего три тысячи двести,— вспоминает главный врач Лидия Дмитриевна Васильева.— В те годы труднее было — ни дорог, ни машины,— но мы тогда принимали в год четыреста шестьдесят родов, а сейчас по всему Старожиловскому району — двести пятьдесят. Села наши стареют...

— Ну, не скажите, Лидия Дмитриевна,— возражает ей председатель сельсовета Александр Николаевич Рогачев.— Ведь в нашем колхозе «Россия» в последние годы увеличилось население почти на двести человек.

— Честь вам и хвала, что дома новые построили, условия труда улучшили, экономику подняли. Но ведь работающих-то в колхозе шестьсот семьдесят человек, а пенсионеров — почти девятьсот. Население у вас возросло за счет миграции. Те, кто вчера к вам приехал, завтра могут уехать в погоне за молочной рекой с кисельными берегами. А судьба нашей земли все же в руках тех, кто на ней родился, чьи корни здесь,— парирует Лидия Дмитриевна.

Впрочем, это уже не спор. К такому убеждению обе стороны приходят согласно...

ДОБРЫЕ ПРИМЕТЫ

Председатель колхоза «Россия» Николай Ефимович Самофал приехал сюда больше двадцати лет назад после окончания Московской ветеринарной академии имени К. И. Скрябина. Приехал в то самое время, когда бегство из села стало массовым и исконный авторитет профессии земледельца здесь, на Нечерноземье, претерпел заметный урон.

Легко представить, как ему было трудно ставить на ноги новый колхоз, созданный на базе нескольких маломощных хозяйств при остром недостатке людей, техники, полном бездорожье. Надо отдать ему должное: он не сложил рук, не стал все прорехи и просчеты колхозной жизни валить на объективные трудности, которых было и есть предостаточно. Самофал был полон энергии, знаний и свою профессию ставил очень высоко.

За годы после мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС основные производственные фонды колхоза выросли в 5,8 раза и ныне составляют 14 миллионов рублей. В восемь раз возросла энерговооруженность, в 3,6 — производство зерна, втрое — мяса, вдвое — молока. Утроился денежный доход хозяйства, составивший в прошлом году 3665 тысяч рублей. Солидным стал взнос колхоза «Россия» в Продовольственную программу и в нынешнем году: четыре тысячи с лишним тонн зерна, три тысячи тонн картофеля, три с половиной тысячи тонн молока, семьсот тридцать тонн мяса. Годовые планы здесь закрыли еще до октября.

Все это достигнуто прежде всего большими целенаправленными усилиями по переводу колхозного производства на промышленную основу, внедрению передовых методов труда. Настоящей фабрикой по производству мяса стал свиноводческий племзавод. Пять лет назад колхозная животноводческая ферма прославилась первым в области заводом по выращиванию племенного молодняка. В прошлом году чистая прибыль от свиноводства составила 116 с лишним тысяч рублей. А раз дела идут хорошо, то и заработки растут. Нынче колхозная свинарка получает до трехсот рублей зарплаты, не считая доплаты за перевыполнение планов и за выслугу лет. Теперь у тех, кто проработал здесь свыше десяти лет, зарплата увеличилась на 12—13, а кто больше пятнадцати,— на 16 процентов.

Бригадир Мария Алексеевна Назаркина, на ферме она одиннадцатый год, вспоминает, как тонули тут свинарки в навозе, задыхались, получали копейки, стыдились своей профессии.

— Теперь все по-другому,— говорит Мария Алексеевна,— рабочих рук хватает — мы к себе не каждого берем. Зато уж кто приходит, тот местом дорожит, в успехе заинтересован. Вот пришли после школы Нина Асеева, Нина Шершакова, Валя Котова, Люба Малахова, Лида Завьялова да и остались. Сейчас они в районе передовые свинарки. А молодых на ферме больше половины.

Слушая Марию Алексеевну, я вспоминала рассказ первого секретаря Старожиловского райкома партии П. П. Челяпова. Пришла к нему молодая свинарка из другого хозяйства и говорит: «Все, Павел Павлович, ухожу. Никто из парней рядом не садится: сразу, говорят, ясно, где работаешь».

Значит, не везде, как в «России»? Далеко не везде.

ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЕВА

И тут нельзя не вспомнить спор главного врача и председателя сельского Совета в начале нашего повествования. Настоящим хозяином, как правило, ощущает себя человек, плоть от плоти этой земли, вскормленный ею, болеющий за нее душой, унаследовавший все лучшее от отцов и дедов, отдавших этой земле жизнь, сохранивших ей верность. Максим Егорович Косырев — один из них. Он создавал колхоз, сеял и растил хлеб, месил грязь на старенькой полуторке, заведовал гаражом и сейчас, будучи уже в преклонных летах, продолжает работать. Три его сына — колхозные механизаторы. Один из них, Евгений Максимович, лучший в районе. Несколько лет он возглавляет звено по выращиванию зерновых культур. Нынче Косырев намолотил около девятисот тонн зерна. Рядом с ним его соратники — члены звена А. Ерохин, В. Купцов, А. Родин, Н. Барыкин.

Есть, есть на рязанской земле крепкие хлеборобские корни. Не дрогнули перед трудными годами, не поддались городским искусам крестьянские фамилии Асеевых, Фоминых, Обивалиных, Егорцевых, Кондрашиных, Дроздовых...

Конечно, немало хороших работников и среди приезжих. Например, молодые животноводы братья Николай и Вячеслав Дымничи, уроженцы Закарпатья. Но, к сожалению, немало и таких, кто приехал сюда в надежде на легкий хлеб, даровое благоустроенное жилье, кто чувствует себя здесь как на вокзале, прикидывая, куда бы пуститься дальше, коль трудовая дисциплина прижимает. Восемь трехэтажных домов со всеми удобствами построил колхоз за последние годы, желая коренным образом разрешить жилищную проблему и привлечь рабочие руки. Стоят они кучно на новой центральной усадьбе возле новых же построек — Дома культуры, бытового комплекса, отличного детского сада, двухэтажного здания правления. Но ни у одного дома не увидишь ни цветочка, ни кустика — полынь да лебеда. Вот и выходит: есть трактористы, есть шоферы, а хозяев не прибыло...

ВОПРЕКИ ЖЕЛАНИЯМ СЕЛЯН

Благое желание одним махом и сравнительно недорого решить жилищную проблему да еще под девизом стирания граней между городом и селом понятно. И колхоз «Россия» не первый и не единственный, кто, решая эту проблему в духе новомодных теорий, родившихся у архитекторов-горожан, строил многоэтажные дома вопреки желаниям селян, законам житья на селе. Главный экономист колхоза «Россия» Клавдия Петровна Власова на сей счет выражается резко.

— Многоэтажные дома на селе — это самообман. Конечно, квартира в таком доме обходится колхозу сравнительно недорого — тысяч в семь, в то время как в двухквартирном коттедже она стоит двадцать пять — тридцать тысяч. Но посмотрите, сейчас в поселке живет пятьсот человек, а в колхозе из них работает едва ли половина: крестьяне, поселившиеся на четвертом или пятом этаже, стали отворачиваться от фермы и поля. Опять же огороды им дали, но живность разводить негде. В прошлом году сараи построили метрах в трехстах от домов, но редкая хозяйка захочет тащиться с ведром через всю центральную усадьбу, да еще в плохую погоду. А сараи такие, что корова в них не поместится. Сегодня, по данным сельского Совета, в личных хозяйствах колхозников содержится 178 коров,

450 овец, столько же ягнят и свиней. Доля участия в этом жителей Домов, как зовут в народе поселок, практически равна нулю.

Конечно, не все поддались новомодным теориям архитекторов. В том же Старожиловском районе колхоз имени Ленина строит исключительно двухквартирные, современных форм дома усадебного типа с большими окнами и со вкусом вписывает их в деревенскую улицу. Восемнадцать прекрасных одноквартирных домов вывел вдоль дороги колхоз имени Куйбышева. Теперь и на центральной усадьбе колхоза «Россия» возводится пять двухэтажных коттеджей на две семьи. Строит их СУ-2 треста «Рязаньстрой». Строит, правда, медленнее, чем хотелось бы. Но колхоз старается дружить со строителями: обеспечивает жильем, питанием, транспортом. К зиме рассчитывает провести коммуникации и начать отделку. А за новым Домом культуры стоят коробки еще двух домов. Начал колхоз их сооружать хозяйственным способом и бросил: строителей нет.

ЗАБОТЫ И ОБИДЫ

Колхоз «Россия», как и большинство, пожалуй, хозяйств, сегодня находится в жесткой зависимости от строительных организаций. С серьезными недоделками был сдан молочный комплекс стоимостью почти в три миллиона рублей. Строители буквально вырвали акт о сдаче и не возвращаются, хоть клятвенно обещали: «Все будет доделано». «Памятниками бесхозяйственности» зовут в народе четыре двадцатипятиметровые башни с серебристыми куполами. Это не астрономический городок — это помещения для хранения сена. Обошлись они колхозу почти что в полтораста тысяч рублей. Но так и не удалось тут вкусить плоды аграрного прогресса — первые же сто пятьдесят тонн сена сгорели. С тех пор хозяевами этого издалека видного сооружения стали местные вороны. Никаких перспектив более плодотворного использования дорогостоящих новинок не предвидится. Недействующие механизмы пришли в негодность. Строили и монтировали их краснодарские специалисты почти десять лет. И с нарушением технологии.

Строителей поругивают, они, как могут, отбиваются, строительный «воз» и ныне там. Вместе с огрехами, недоделками, сорванными сроками сдачи объектов и справедливыми нареканиями тружеников села...

Наша первая встреча с Николаем Ефимовичем Самофалом была короткой.

— Спешу в Рязань выбивать кукурузоуборочный комбайн,— извинился он.

Николай Ефимович — Герой Социалистического Труда. К его просьбам прислушиваются. Поехал в область — комбайн пообещали (правда, когда машина придет в колхоз, неизвестно). А тем рязанцам, руководителям хозяйств, у кого таких возможностей нет, как им быть при постоянном остром дефиците техники и запчастей? Ждать, пока районное агропромышленное объединение силы наберет?

— Новая система управления создана, чтобы повернуть лицом к хозяйствам все обеспечивающие их организации. Но пока такие «партнеры», как «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», заготовители, нас не удовлетворяют,— сетует Николай Ефимович.— Особая наша боль — «Сельхозтехника». Ее отношение к ремонту техники — безобразие и надувательство. Иначе не назовешь. Например, нам надо отремонтировать двигатель Т-150К. Мы платим «Сельхозтехнике» тысячу рублей — это стоимость быка весом в 450 килограммов. После ремонта ставим двигатель на трактор, а он не работает. Что делать?.. Жаловаться, рекламацию посылать? Но без гарантийного талона «Сельхозтехники» с нами никто разговаривать не станет, а она талонов не дает — бланки, видите ли, вышли. По существу, колхоз услугами объединения заставляют пользоваться насильно, чтобы выкачать деньги. А у нас своя хорошая ремонтная база, знающие специалисты. Мы, например, вполне можем обойтись без «услуг» станции техобслуживания животноводства. Но тогда нам не дадут запчастей.

До чего дело дошло! В автомашине надо сменить рессорный лист, свечу, палец. Мелочи. А загоняют на станцию техобслуживания. Там наши шоферы ремонтируют свои собственные машины, а работники станции нагоняют таким образом двести процентов зарплаты. «Техобслуживание» тракторов К-700 и Т-150К заключается лишь в том, что работники станции приезжают масло менять. Неужто мы сами себе бесплатно это сделать не можем? Можем! Но они нам тогда масла не дадут. Организация станций техобслуживания по идее дело хорошее, но не в том извращенном виде, в котором она пребывает сейчас. Качество выполняемого ими ремонта плохое, сроки затянуты недопустимо. Давно пора навести порядок в этом деле.

Разговор этот состоялся в августе. От души порадуюсь, если с тех пор отношения РАПО с хозяйствами стали более деловыми. Но верится в это с трудом.

— Есть у нас свой счет и к заготовителям,— сказал Самофал.— Мы прикреплены к Ряжскому мясокомбинату. Везем туда хороший, полновесный скот. А там он стоит несколько суток и теряет в весе. Убытки по вине мясокомбината опять же покрываются за наш счет.

Мы близко к сердцу приняли,— продолжал свой горький монолог Николай Ефимович,— слова, сказанные Юрием Владимировичем Андроповым на ноябрьском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС. Помните? — Председатель достал из стола газету.

«В последнее время немало говорят о том, что надо расширять самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора для того, чтобы практически подойти к решению этого вопроса. На этот счет даны поручения Совмину и Госплану... Расширение самостоятельности должно во всех случаях сочетаться с ростом ответственности, заботой об общенародных интересах».

...Разговор у нас затянулся допоздна, потому что не раз и не два председателя отвлекали неотложные заботы. То приехали агрохимики почвы исследовать — надо позаботиться о том, чтобы их поселили, накормили. То новую воспитательницу детского сада надо в Рязань за вещами на колхозной машине отправить — ключ от однокомнатной квартиры ей уже вручили. И председатель звонит на склад, чтобы дали девушке картонные коробки для упаковки городских пожитков.

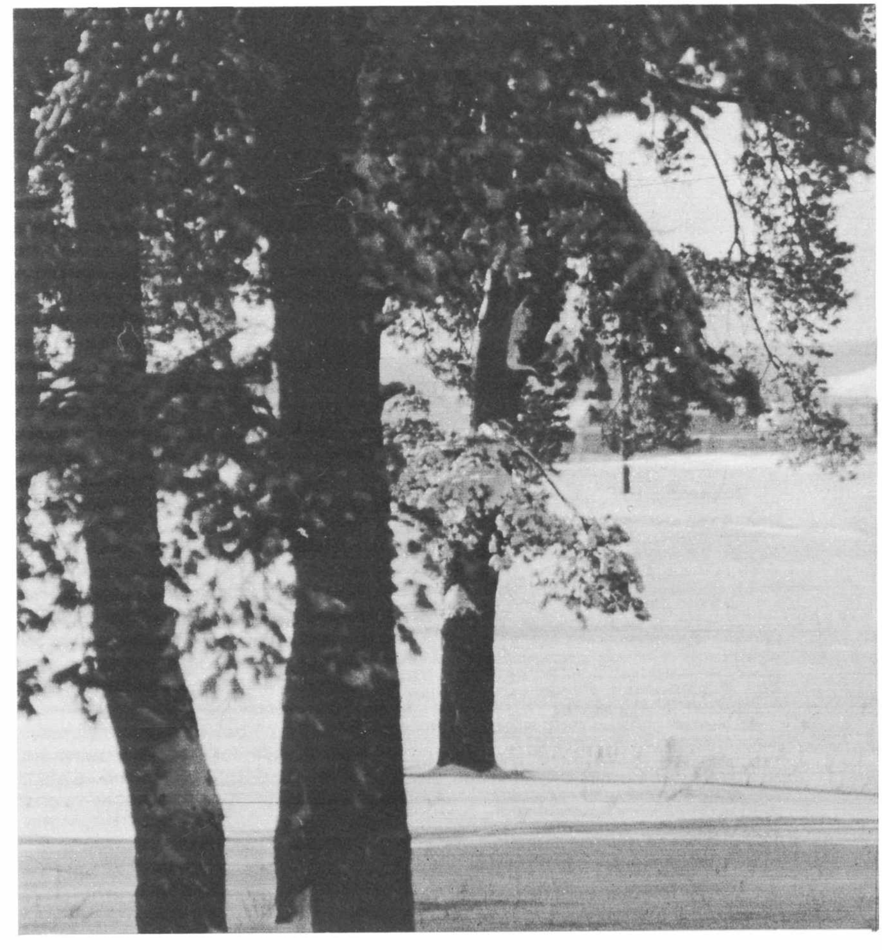
— Кто-то и об этом должен подумать,— говорит Самофал. — Лишь бы человек работал хорошо, а уж мы стараемся не обидеть...

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДОРОГИ

Дожди, дожди... Раскисла и расплылась деревенская дорога — она же улица. Все от мала до велика надели резиновые сапоги. Основные виды транспорта — лошадь и трактор.

...Возвращаюсь в Муняково сначала по разбитому грейдеру, потом мимо старого, брошенного колхозного сада практически вброд. Кругом темень.

Мысль о том, что все начинается с дороги, не нова. Но в условиях Нечерноземья это вопрос самый больной. О благоустройстве улиц вопрос пока даже не стоит, по крайней мере здесь. Была бы дорога к селу. Лет десять назад колхоз провел дорогу от рязанской трассы — десять километров. Дважды ее ремонтировали, и снова приходила она в негодность. И запас прочности, видимо, был недостаточен, и поддерживать ее хозяйство само не в состоянии. Да что колхоз! Подъезды к районному центру едва ли не хуже. По словам первого секретаря райкома партии П. П. Челяпова, в немедленной реконструкции нуждаются все имеющиеся дороги с твердым покрытием, их километров сорок на район.

Отдыхают поля, покоятся под снегом до весны.

И СНОВА О ДОЛГАХ

«Город — селу». По опыту знаю, что мы, горожане, научились писать замечательные планы по этому вопросу. Театр привез в сельский клуб спектакль, оплаченный колхозом. Институт послал студентов на картошку. Завод передал хозяйству в порядке шефства списанные материалы. Все найдет свое отражение в сводном плане шефства. Но иногда общественной активностью шефов вуалируется то, что не делается городом по его прямому долгу перед селом.

Последней выпускницей медицинского института, приехавшей в Столпенскую участковую больницу по направлению, была упомянутая Лидия Дмитриевна Васильева. В свое время в этом же бывшем «барском» доме ее приняла на свет акушерка Вера Ивановна Окорокова, которая всю свою жизнь отдала служению народу в самом высоком смысле этого слова. И вот уже двадцать семь лет сама Лидия Дмитриевна лечит тут сельский люд, не жалуясь на трудности.

Я написала «последней выпускницей». Да, последней. С тех пор молодых специалистов в этой больнице больше не было. Облздравотдел шлет сюда (да и то редко) преимущественно людей, подорвавших свой профессиональный авторитет.

— А нам нужны зубной врач, невропатолог, педиатр, опытный терапевт, акушер-гинеколог, средний медперсонал,— горячо спорит с невидимыми оппонентами Лидия Дмитриевна.— Конечно, из района по субботам консультанты приезжают. Но мы-то каждого своего больного знаем, как говорится, наизусть, вся его жизнь перед глазами.

Одно время ставили вопрос о закрытии таких вроде бы маломощ-

ных больниц, как наша. А разве мы маломощные? В год тринадцать тысяч посещений и семьсот человек в стационаре. Где бы они лечились? Сейчас думаем о строительстве колхозной больницы на кооперативных началах. Хозяйства не возражают, деньги найдутся, но нужна поддержка в области. Опять же строительная база.

Новая больница — дело будущего. А сегодня...

В самом деле, куда же деваются выпускники медицинских институтов, которые пусть не по велению души (если уж это чувство в них не воспитали), но по гражданскому и врачебному долгу обязаны честно отработать там, где особая в них нужда? И есть ли у медицинских вузов Нечерноземья более ответственное сегодня дело, чем укрепление села своими питомцами?

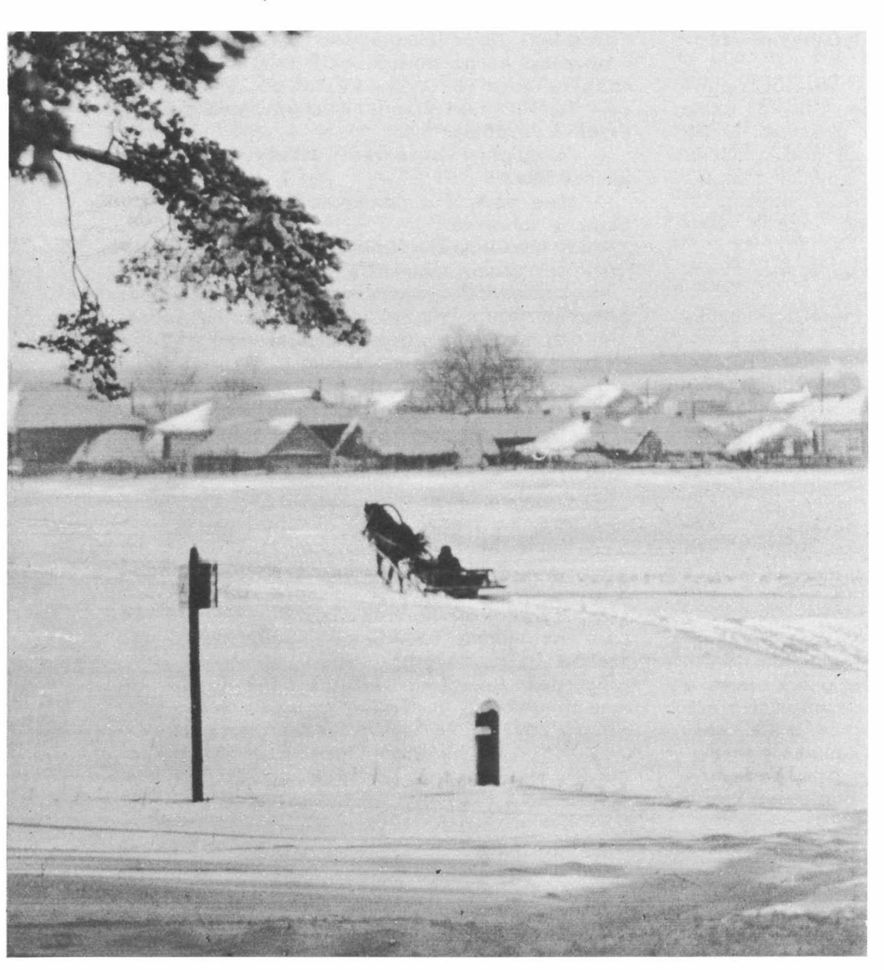

Фото М. САВИНА

ПАЛЬТО БЕЗ ВОРОТНИКА

Да что там врачи! На все сельпо нет ни одного повара. Так называемое кафе в Столпцах, расположенное в доме петровских времен и, кажется, с тех пор не ремонтировавшееся, с семи утра бойко торгует спиртным. Неудивительно, что у некоторых «перебравших» посетителей кафе порой не хватает сил спуститься с высокого крыльца, там и засыпают. Какая уж тут культура обслуживания?

В редакцию районной газеты «Заря» обратилась Т. И. Васильева с жалобой на низкое качество хлеба, выпекаемого Старожиловским хлебозаводом.

За последние десятилетия утвердилось положение, невиданное ранее в крестьянских семьях: хлеб берут (кому дают) чуть ли не мешками. Им кормят птицу и скотину. Комбикорма не купишь, чистым зерном не прокормишь, а формованный хлеб и по цене хорош и поступает без перебоев. Вспоминаю Ставрополье, где пришлось в свое время работать. В каждом колхозе своя пекарня. Два-три пекаря полностью обеспечивают и жителей и общественное питание. Хлеб — пышный, румяный, ароматный. Куда ни приедешь, непременно услышишь: «А вы наш хлеб пробовали? Лучший в районе!» Не знаю, кому здесь, на рязанской земле, пришла в голову мысль ликвидировать маленькие колхозные производства — пекарню, колбасный, молочный цехи? Не поспешили? Что обо всем этом думают в облпотребсоюзе, призванном не просто торговать, а обеспечивать сельского труженика всем необходимым?

И уж если говорить о любителях перемен, то службу быта никак не обойти. Почти тридцать лет работает кассиром-приемщиком столпянского Дома быта Мария Петровна Зобова. Долгие годы все службы подчинялись районному управлению — парикмахеры, сапожники, швеи, химчистка. А теперь швеи вышли на прямое подчинение рязанскому «Силуэту». Смысл пока неясен. Снабжение материалами ухудшилось. Документация усложнилась.

— А с химчисткой хоть плачь,— рассказывает Мария Петровна.— Порой привозят целые партии вещей с теми пятнами, что и до чистки. Отослала я дамское пальто в окраску. Прислали назад только воротник с манжетами. Вернула их на фабрику, тогда пришло пальто без воротника. Нам-то перед клиентами совестно.

Совестно... Вот ведь вопрос вопросов. Люди трудятся на совесть, и они вправе рассчитывать на такое же совестливое, ответственное отношение к себе тех, кого они кормят. Однако тут до гармонии далеко.

НЕ СТЕРЕТЬ БЫ ГРАНИ ДУШИ

Я возвращаюсь к тому, с чего начала,— к тем, кто родился на этой земле и не расстался с ней. Вот домик восьмидесятилетней бабушки Арины Фоминой. Муж ее, Федор Павлович, сложил голову под Смоленском, сын, который жил с ней, умер трагически, другие дети еще с послевоенных лет трудятся на шахтах Тульской области.

До чего же приятно, взойдя с московскими гостинцами на чистую терраску, крикнуть в глубину дома: «Баба Арина, жива, здорова?» — и услышать в ответ ее тоненький голосок: «Жива, жива, что мне сделается? Поживу еще, пока не помру». У Арины четыре овечки, куры, двадцать восемь соток сада и огород, и со всем этим она управляется сама.

— Я и живу-то, небось, потому, что забот много,— улыбаясь, говорит моя добрая старая знакомая. И я снова и снова дивлюсь душевной силе и животворному трудолюбию этой согнутой временем, маленькой Арины.

Конечно, не все ей под силу. Ставили новый столб, срубили старую ветлу, а распилить и убрать меньше чем за две «поллитры» никто не берется. В саду траву выкосить, газовый баллон привезти — своя водочная такса.

По соседству со старушкой живут Дудоровы — Тоня с двумя молодыми, здоровыми сыновьями. Шоферы они. Покойный их отец Виктор, колхозный плотник, был человеком добрым. Иной раз помогал бабушке Арине. Сыновья не в него. «А где ее, эту отзывчивость, искать?» — спросила я у заместителя председателя колхоза Хабарова (он секретарь колхозной партийной организации).— Сколько у вас в колхозе вдов, которые нуждаются в помощи?» «Нет,— говорит,— у нас таких данных». Ушам не веря, продолжаю: «А сколько у вас погибших фронтовиков?» Оказалось, что и эти данные тоже не заинтересовали ни колхоз, ни сельсовет. А ведь из одних Столпцов ушли на фронт сто пятьдесят человек.

Вспомнилось... На пыльной рыночной площади в Столпцах стоит обелиск с надписью: «Предтеченскому Василию Григорьевичу, Митрохину Малофею Ивановичу и другим борцам, отдавшим жизнь за победу революции». Бетон обелиска потрескался, пооблупился. Поржавела бывшая когда-то голубой ограда, засохла трава. На другом конце села безымянный памятник участникам Великой Отечественной войны зарос кустами, заслонен грудой гравия, насыпанной дорожниками. А ведь это место в своем роде святое. Отсюда отправлялись бить врага столпянцы, муняковцы, ершовцы, перевлесцы, быковцы — одним словом, рязанцы.

Какого же уважения к старушке вдове ждать от братьев Дудоровых, если люди среднего поколения, определяющие сейчас лицо села, позволили себе забыть о тех погибших героях, которые годились бы им сейчас в отцы? Да и оставшихся в живых ветеранов войны не очень жалуют общественным вниманием. Ни портретов их, ни фамилий нигде не увидишь. Кстати, Доски почета в колхозе обнаружить не удалось.

В тех же Столпцах рядом с памятником борцам за революцию стоят друг против друга церковь и библиотека. За все время пребывания здесь мне ни разу не удалось застать книжный «храм» открытым. Зато божий храм работает с полной нагрузкой.

ПРИРОДА НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ

На незащищенных нами тылах, как сорняки на плохом поле, прорастают идейная незрелость, общественный инфантилизм, бездуховность и неотлучные ее спутники — пьянство, стремление к наживе. Нравственное здоровье современного села — задача ничуть не менее важная, чем высокие урожаи и надои. Хлеб, мясо и молоко не самоцель. И потеряв сегодня на формировании человека, мы завтра потеряем на том же хлебе и молоке.

Кстати, о молоке. «Мне, как и многим другим, приходится покупать молоко у частников. Литр молока по негласно установленной цене в последнее время стоит сорок копеек. Дороговато, конечно, но куда денешься: для детишек, для больных и за эту цену многие охотно берут молоко в надежде, что оно цельное. Только надежды эти далеко не всегда оправдываются. Видно, и сорока копеек за литр некоторым хозяйкам мало. В погоне за прибылью многие стали разбавлять молоко водой, а кое-кого жажда наживы толкает и на то, что они разводят порошковый заменитель молока и продают»,— пишет в местную газету В. Михайлов из райцентра.

Беспокоит тут не только и даже не столько цена, временно «подорванное» таким молоком здоровье, сколько вопрос более серьезный: не слишком ли легко мы миримся с нарушениями исконного кодекса крестьянской чести и совестливости? Ведь и разбавленное молоко и поездка на рынок на колхозном тракторе — все это явления одного порядка, ведущие к «стиранию» очень важной грани человеческой души — честности, без которой ни в каком деле не достигнуть настоящего успеха.

Социально-экономическая перестройка Нечерноземья, как всякое великое дело, неразрывна с перестройкой психологии людей. Можно отпустить любые миллионы рублей, но люди, не приученные или отвыкшие ощущать свою личную ответственность за общее дело, не способные глядеть далеко вперед, пренебрегающие важнейшей истиной «не хлебом единым жив человек», в конце концов все равно окажутся в хвосте событий. Не случайно вопрос о кадрах так остро был поставлен на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС. Все партийные комитеты «должны иметь специально подготовленные кадры, способные умело организовать идеологическую работу с различными группами населения — с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, молодежью, и отвечать за эту работу. Это должны быть авторитетные, образованные люди»,— сказал в своей речи товарищ Ю. В. Андропов.

Итоги подводить рано. Но удивительно символическим мне показалось одно из последних сельских впечатлений. Срубая старые ветлы, люди здесь оставляют пни примерно в половину человеческого роста. Но так сильна жизнестойкость корней, так могуча животворная сила земли, что с годами из старого пня вырастают крепкие, стройные деревья с пышной зеленой кроной. Не есть ли это прообраз самого Нечерноземья? Могучие корни его способны дать жизнь новым поколениям хлеборобов, земля сама тоже стремится к обновлению, а значит — ему быть.

Любовь ЮНИНА

Происшествие

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Платье, а точнее, полотняный костюм, отделанный вологодскими кружевами, придумала для Евгении Дорофеевны ее пациентка, молодая художница из Еревана Роксана Алабян. Она придумала его, узнав, что доктору Орешниковой предстоит выступать на научной конференции онкологов с сообщением о разработанной ею методике лечения. Роксана преклонялась перед Евгенией Дорофеевной за то, что она поставила ее на ноги, не знала, как отблагодарить. Но Орешникова категорически не принимала подарков, отказывалась даже от такой малости, как южные фрукты, которыми заваливали художницу ереванские родственники. И вдруг, незадолго до выписки Роксаны из клиники, Орешникова мимоходом сказала, что собирается купить или сшить новый костюм.

— Это очень важное событие для меня, Роксаночка,— сказала Евгения Дорофеевна.— Я хочу выглядеть красиво.

И Роксану осенило — она придумает фасон! Уж этот дар Евгения Дорофеевна не откажется принять.

В ту ночь она долго лежала без сна, размышляя, во что бы она одела Орешникову, если б ей пришлось писать ее портрет. Она подбирала краски, которые гармонировали бы с чуть смуглым лицом Орешниковой, пепельными, кое-где седеющими волосами. Евгении Дорофеевне было сорок лет, и ровно на сорок она и выглядела. Платье должно молодить, рассуждала Роксана, значит, нужно немножко кружев. И, засыпая, она знала, из чего надо шить костюм — полотно и вологодские кружева.

Утром, во время обхода, она вручила рисунок костюма Евгении Дорофеевне.

— Вот ваш новый костюм,— сказала Роксана.

Евгения Дорофеевна поглядела, ахнула.

— Какая прелесть!

— Нравится?

— Еще бы!

— Тогда так,— деловито заговорила Роксана.— Если у вас нет хорошего портного, я вам порекомендую.

— Ну, Роксана,—запротестовала Евгения Дорофеевна.— Это неудобно. Вы моя пациентка.

— Какие глупости! Не я же шить буду! Вот вам телефон, спросите Лейлу Зурабовну. Это моя бывшая соседка, мы раньше жили вместе в Ереване. Сейчас она переехала сюда к дочери. Шьет прекрасно, правда, берет недешево.

— Ну, хорошо, спасибо, Роксана,— нерешительно ответила Евгения Дорофеевна, но бумажку с телефоном положила в карман халата.

Однако, прежде чем позвонить портнихе, Орешникова некоторое время колебалась: вологодские кружева стоили недешево. Но потом решилась, ведь в ее одинокой жизни не так уж много радостей.

Надо сказать, что выступление на конференции для Евгении Дорофеевны было событием очень важным. Подводился итог десятилетней работы и борьбы за эту работу, потому что у нее были не только единомышленники, но и те, кто не принимал тот путь, который она нащупала в лечении болезни, хотя это был лишь один из путей, отнюдь не единственный. И в этой связи ее доклад — пусть не доклад, а сообщение — был для Орешниковой ее победой, ее праздником.

Лейла Зурабовна действительно оказалась большой мастерицей, таких становится, увы, все меньше и меньше. Она сотворила шедевр — и все за три дня. Правда, услышав, сколько будет стоить шитье, Евгения Дорофеевна испытала некоторое потрясение, но потом махнула рукой: «А, в конце концов живем только один раз».

Примеряя костюм, Лейла Зурабовна говорила:

— Я никогда не беру двух заказов одновременно. В моем доме лежит только один отрез — тот, над которым я работаю. Я не ателье, у меня индивидуальный пошив. Пока я не изготовлю одну вещь, о другой я и думать не желаю. В жизни нельзя разбрасываться ни в чем. Поверьте мне, старой женщине.

И Евгения Дорофеевна подумала, что в словах Лейлы есть большой смысл.

Вернувшись от портнихи, Евгения Дорофеевна снова примерила костюм и в задумчивости встала перед трюмо. Она представила, как на конференции дадут ей слово, и доктор Орешникова, кандидат медицинских наук, пойдет через зал к трибуне и произнесет свое сообщение. Она глядела в зеркало, но видела не себя, видела своих больных, которых вырывала из рук смерти и ставила на ноги: семидесятилетнюю Анастасию Осиповну, первую свою пациентку; бухгалтера Крячко, его привезли на носилках, уже и ходить не мог, а сейчас снова работает; артистку Стенину, которую часто видят по телевидению,— всех своих сто одного больного. Больные Орешниковой были специфическими больными. Иным приходилось возвращаться в клинику вновь и вновь, как они говорили, «на ремонт». Но все они верили в ее лучевую терапию, в нее, доктора Орешникову. А ее жизнь целиком заключалась в работе, в больных, потому что других занятий у нее не было. Родители давно умерли, замуж не вышла...

Дверь приотворилась, и оттуда вышел очень толстый полосатый кот.

— Ах, Мусик,— засмеялась Евгения Дорофеевна.— Добрый вечер!

Кот тихо мурлыкнул, потерся о ее ноги и, не оглядываясь, последовал на кухню, помахивая, как опахалом, хвостом, уверенный, что хозяйка пойдет за ним следом.

— Обождешь,— сказала Евгения Дорофеевна.— Дай переодеться.

Кот, словно поняв, оглянулся и сел в ожидании.

Евгения Дорофеевна сняла костюм, надела спортивные брюки и блузку, открыла холодильник, достала рыбу. Нарезала, положила в кастрюлю, налила воду, поставила на газ. Рыбу надлежало сварить, сырую Мусик не любил.

— А где Катя? — спросила Евгения Дорофеевна.

— Мр-р,— ответил кот. На все ее вопросы он отвечал коротеньким «мр-р», но Евгения Дорофеевна воображала, что она понимает оттенки этих «мр-р».

Рыба сварилась, Евгения Дорофеевна быстро остудила ее под струей холодной воды, выложила в две миски.

И тут пришла кошка Катя, огненно-рыжая, как лиса.

Мусик с Катей и были семьей Евгении Дорофеевны, как ни печально это сознавать. Лет десять назад нашла она на лестнице двух брошенных котят, принесла домой, да так и прижились они у нее. Вечером, усевшись у телевизора в старое отцовское кресло, Евгения Дорофеевна поглядывала на свернувшихся у ее ног животных и с грустью думала, что, если б в юности ей сказали, что со временем превратится она в типичную старую деву, обладательницу двух кошек, ни за что бы не поверила. Однако факт налицо: одинокая дама с кошками...

Евгения Дорофеевна уже собиралась лечь в постель, когда позвонила Ирина Вербицкая, подруга еще со студенческих лет.

— Ты что так поздно? — сердито спросила Евгения Дорофеевна.

— Поздно? — удивилась Ирина.— Да еще десяти нет.

— Мне завтра в половине восьмого надо быть в клинике.

— Я на минутку. Пойдем завтра на ленинградский балет? Тряхнем стариной?

— А билеты? — спросила Евгения Дорофеевна.

— Говорят, перед началом можно купить. Надо к пяти подойти к кассе.

В молодости подруги были большими поклонницами балета.

— Ну, что ж! — сказала Евгения Дорофеевна.— Заодно обновлю костюм. Сегодня получила. Просто бесподобно.

— С кружевами?

— Ага. Ты завтра когда освободишься?

— К пяти могу быть у кассы.

— Идет,— сказала Евгения Дорофеевна.— Я тоже буду. Завтра я кончу в три и успею забежать домой переодеться.

— Ну, тогда спокойной ночи, Женя! До завтра.

Евгения Дорофеевна была рада предложению подруги: в последнее время в театр удавалось попасть не так уж часто.

Однако в три часа Орешниковой освободиться не удалось — прибыл новый больной, большой, добродушный латыш.

— Как вы себя чувствуете, Ян Карлович? — спросила Евгения Дорофеевна, просматривая анализы.

— А неплохо,— ответил он с сильным латышским акцентом,— вот только на голове шишка выскочила. Жена говорит, это плохо. И доктора́ в Москву послали.

Жена сидела рядом и испуганно глядела на Орешникову.

— Ну-ка покажите! — Она ощупала шишку легкими пальцами.— Так. Ну, ничего, будем лечить. У вас есть где остановиться? — обратилась Орешникова к жене. Она всегда задавала этот вопрос родственникам, потому что случалось, что в Москве у них не было ни родных, ни знакомых и они ночевали на вокзале. В таких случаях Евгения Дорофеевна приглашала их к себе. Это было не очень удобно для нее, но не могла она позволить себе оставлять человека без крова.

— Спасибо, спасибо,— закивала головой женщина.— У нас в Москве есть племянник...

...Орешникова почти бежала к станции метро. Она опаздывала и думала, что лечение надо начинать незамедлительно — время почти упущено. И все же надо успеть, еще не все потеряно. Несколько таких опухолей ей уже удалось вылечить. «Хорошо, что аппаратура сейчас в полном порядке»,— думала она по дороге.

Быстро переодевшись, у дома поймала такси, и ровно в пять они встретились с Ириной Вербицкой у входа в концертный зал «Россия». Как все занятые люди, эти женщины умели ценить время и отличались точностью.

Всего два человека стояли у кассы, которая была еще закрыта. Но вскоре за ними зазмеилась очередь.

Подруги виделись редко, больше общались по телефону, совместное стояние в очереди было для них возможностью поболтать.

— Как костюм?— шепотом спросила Евгения Дорофеевна.— Нравится?

— Чудо!— уже не шепотом ответила Ирина Ивановна.— Дорого?

— Не спрашивай. В жизни у меня таких нарядов не водилось.

— Тебе потрясающе идет,— сказала Ирина Ивановна.— И очки у тебя новые.

— Весной была в ГДР, в командировке...

— Очки — часть туалета...

— Как у тебя? Что ребята?

— Они с мамой в пансионате, довольны...

— А Петр?

Вербицкая поморщилась.

— Ну что Петр, Петр не меняется. Придет с работы, поест и в телевизор уткнется. Мама его зовет «жилец». Жилец он и есть. Ни с детьми не займется, ни мне не поможет. А я кручусь, как юла. Сейчас вот уехали, хоть какая-то передышка. Мама уже старенькая, устает быстро.

— Ты б поговорила с ним.

— Пустое. Тысячу раз говорила. Он, видите ли, устает на работе. А я не устаю, я на прогулку хожу, а не у операционного стола по нескольку часов стою...

— Не шуми, тише,— шепотком сказала Евгения Дорофеевна.

Вербицкая засмеялась.

— Как влезу на своего конька — Петьку ругать,— все забываю. Да видела я его завод в кино. И не у печи он жарится, а начальник, в кабинете весь день проводит, в кресле мягком. Ой, да ладно! Не пьет, и то хорошо. И бабами вроде не интересуется. И у детей хоть какой-то отец есть.

Подумав, Ирина Ивановна, видимо, сжалилась над своим Петром и шепнула:

— В общем, зря я жалуюсь, все они теперь такие.

— Все равно я завидую тебе,— тихо заметила Евгения Дорофеевна.— Так ужасно быть одной. Приду домой и с кошками разговариваю. А от них чего? «Мр-р» да «мр-р»... А мне кажется, они меня понимают и я их «мр-р» вроде понимаю.

— Брось! Кошки — это прелесть. У меня твой котенок Барсик живет, от него одна радость... А ты сама себе хозяйка, никому ничего не должна и не обязана.

Евгения Дорофеевна усмехнулась, услышав эти слова,— вспомнила застенчивого латыша Яна Карловича. Как же не должна! Еще как должна! Тому же Яну Карловичу ни много ни мало — жизнь спасти!

— Одиночество — это прекрасно,— продолжала шептать Ирина Ивановна.— Знаешь, я вот сегодня, как птаха! Одна — Петька в командировке...

— Не болтай!— тихо сказала Евгения Дорофеевна.— Это ты на один день птаха! А если изо дня в день одна — волком взвоешь. Кстати, мне сегодня звонил Лев Басаргин.

— Приехал!— ядовито заметила Ирина Ивановна.— И ты, конечно, завтра помчишься к нему на свидание.

— Я бы и сегодня помчалась, да мы сговорились пойти с тобой в театр.

— Не понимаю я тебя, Женя! Раз в год заскочит в Москву проездом, а потом уедет и ни строчки. Ну, как ты можешь терпеть такое к себе отношение?

— Во-первых, он пишет. С каждым праздником поздравляет!

— Ах, скажите, какое внимание!

— Да! Внимание. За восемь лет не было ни одного праздника, с которым он бы меня не поздравил. И потом, он сразу сказал, что письма писать не любит и не умеет.

— И как ты терпишь?— вздохнула Ирина Ивановна.

— Замолчи. Тебе не понять... Пусть хоть раз в году, но у меня праздник, я чувствую себя любимой, женщиной...

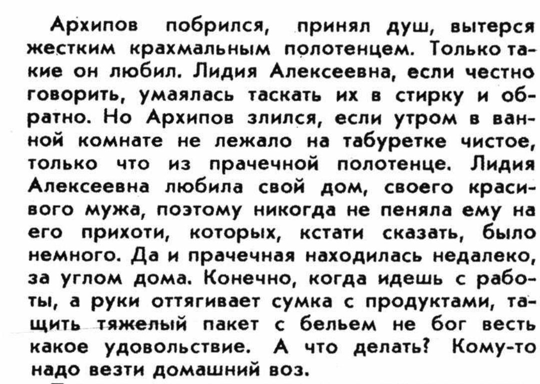
— Иллюзия! Не люблю я твоего Басаргина!

— Много ты понимаешь... Смотри, кажется, кассу открыли,— заметила Орешникова.— Товарищ, встаньте в очередь. Молодой человек, я к вам обращаюсь, вы же здесь не стояли...

Высокий парень в потертой вельветовой куртке оглянулся и посмотрел на Евгению Дорофеевну так, как смотрят на червяка, обнаруженного в чашке с компотом. Долгие мгновения он так смотрел на нее, потом сказал негромко, но внятно:

— Закрой пасть, тетка!

Архипов побрился, принял душ, вытерся жестким крахмальным полотенцем. Только такие он любил. Лидия Алексеевна, если честно говорить, умаялась таскать их в стирку и обратно. Но Архипов злился, если утром в ванной комнате не лежало на табуретке чистое, только что из прачечной полотенце. Лидия Алексеевна любила свой дом, своего красивого мужа, поэтому никогда не пеняла ему на его прихоти, которых, кстати сказать, было немного. Да и прачечная находилась недалеко, за углом дома. Конечно, когда идешь с работы, а руки оттягивает сумка с продуктами, тащить тяжелый пакет с бельем не бог весть какое удовольствие. А что делать? Кому-то надо везти домашний воз.

Приглаживая еще густые, вьющиеся волосы, Архипов вошел в кухню, сел за стол, придвинул к себе тарелку с кашей. У него была небольшая язва желудка, нажитая на нервной работе главного инженера авторемонтной мастерской, и врач рекомендовал ему ежедневно есть натощак овсянку. Сначала Архипов не представлял себе, как можно питаться такой гадостью. Потом привык, даже полюбил.

— Эх, кашка-кашечка, кашечка-малашечка,— весело проговорил он и начал есть.

— Не знаю, что делать,— пожаловалась Лидия Алексеевна.— Сегодня последний геркулес сварила, больше нет. И в магазинах пропал. Придется тебе, Сереженька, на манную переходить.

— Никогда,— засмеялся Архипов.— Вернусь к грубой мужской пище. Будешь мне люля-кебаб жарить.

Лидия Алексеевна, уже причесанная, подкрашенная и одетая в платье — только передник снять, и сразу можно было бежать на работу,— быстро доделывала последние утренние домашние дела.

— Кстати, где отпрыск?— спросил Архипов.— У него же сегодня экзамен.

— В двенадцать, Сережа, в двенадцать. Он чуть не до утра сидел. Будем уходить — разбудим.— Лидия Алексеевна погасила газ под сковородкой, на которой жарилась, фырча, свинина.

— Эх, молодежь! Мы, бывало, в его время вообще не ложились. Ночь прозубрим и сразу на экзамены.

— Другое время, Сереженька. Сейчас у детей организм слабее, чем у нас был.— Лидия Алексеевна быстро, тонко, как любит сын, резала хлеб, потом сложила ломтики в соломенную вьетнамскую корзинку, накрыла вышитой салфеткой.— Перед экзаменом обязательно надо поспать.

— Поспать!— хмыкнул Архипов.— А если завалится? Ему через неделю восемнадцать стукнет, сразу в армию возьмут.

— Слышать об этом не могу, Сережа. Он сдаст. Я уверена. Физику он хорошо знает, целый год занимался.

— Он и в прошлом году прекрасно знал. И с репетитором занимался, а провалился.

— Ну что ты говоришь, Сереженька! Илья гораздо серьезнее в последнее время стал. И потом, он целый год работал в институте лаборантом. Там его все-таки знают, и это совсем другое дело.— Лидия Алексеевна достала из буфета несколько бананов, положила на стол.

— Дала бы бананчик,— попросил Архипов.

— Сереженька, ну что ты — маленький? Это Илье. Ему витамины сейчас нужны. Я полчаса за ними стояла. Два кило взяла.

— Да, ладно, обойдусь без банана. Сама-то сядь, хоть чашку кофе выпей, есть еще время.

— Успею, в крайнем случае на работе выпью. Тебе налить?

— И мне и себе. Ну прошу тебя, Лидуша!

— Хорошо, хорошо, Сереженька.— Она села против мужа, сняла с кофейника грелку в виде веселого зайца, разлила ароматную жидкость по чашкам.

— Между прочим, Сереженька, есть новость,— лукаво улыбаясь, сказала она Архипову.

— И что же за новость?— Он тоже улыбнулся.

Они сидели в очень чистенькой, современной и красиво обставленной кухне, сорокадвухлетние, оба хорошо сохранившиеся, не

утратившие за двадцать лет супружеской жизни нежности и любви друг к другу.

— И что за новость?— снова спросил Архипов.

— Путевки в пансионат на Пицунду нам достали.

— Поздравляю! А если Илья провалится? Лидия Алексеевна сердито поджала губы.

— Во-первых, перестань каркать, Сережа. Провалится, провалится! Ничего он не провалится. Путевки две — каждая на двадцать четыре дня. На первые двенадцать дней поедет с тобой Илья. Тридцатого августа он вернется, я провожу его в институт и сразу же приеду к тебе на оставшиеся дни.

— А если провалится?— вдруг заупрямился Архипов. С ним случалось иногда вот такое непонятное упрямство.

— А если провалится, Сереженька, то вы в Пицунде пробудете оба срока. Должен же ребенок отдохнуть после тяжелого года, после таких трудных экзаменов, перед службой в армии. Должен, я спрашиваю?— крикнула Лидия Алексеевна, в голосе ее зазвучали слезы, и она хлопнула маленькой ладошкой о стол.

— Ну, ты даешь,— обескураженно сказал Архипов.— А сама-то отдыхать не собираешься?

— Я отдохну без вас здесь. Да! — вызывающе сказала Лидия Алексеевна.

Архипов не понимал, что у нее нервы напряжены до предела. Он не переживал так трагически прошлогодний провал сына при поступлении в институт, он не видел ничего страшного в том, что сыну придется послужить в армии. Но он никогда не говорил об этом Лидии Алексеевне, потому что понимал, видел: она его точку зрения разделять никак не может. Впрочем, отцы и матери очень поразному относятся к детям, даже любя их одинаково.

— Опаздываем! Ах!— вскрикнула Лидия Алексеевна, глянув на стенные часы.— Сережа, буди скорее Илюшу!

Она торопливо сняла фартук, глянула в зеркало, чуть вспушила волосы.

— Илья,— крикнула она,— встаешь? Завтрак на плите. Поешь как следует. И позвони! Слышишь? Газ проверь, уходя! Ни пуха ни пера!

— К черту!— услышала она голос сына и улыбнулась. «Басище какой! Совсем взрослый сын!» А вслух сказала:

— Поторопись, Сереженька! Опоздаем!

Убеждая мужа, что сын в этом году непременно поступит в институт, Лидия Алексеевна была уверена в этом. Репетиторы, которых она нашла для сына, были «асы», лучшие из лучших. Только круглый дурак мог провалиться, занимаясь с такими преподавателями. Кроме того, зная, что в случае провала в институт он должен пойти в армию, Илья и сам приложил некоторые усилия, чтобы получше освоить науки, которые ему вдалбливали в голову. Потому и просидел он сегодня ночь, повторяя задачи.

До сих пор Илье не приходилось бороться за свое существование. Все проблемы легко и просто, как ему казалось, решались матерью, а иногда отцом. Впрочем, и проблемы были не велики: подрался, нагрубил, получил двойку, прогулял школу. Мать быстро все утрясала, и все шло как прежде. Он и не вспоминал об этих пустяках, так как ни крови, ни нервов они ему не портили. Это мама уламывала непримиримую англичанку не выводить двойку в четвертой четверти, и без всяких усилий со стороны Ильи появлялась тройка, а то и четверка... Ну, поколотил во дворе какого-то малыша, мама побежала к родительнице, уплакала, упросила не поднимать скандала, не ходить к директору школы с жалобой на Илью.

Вошли в моду джинсы, мама добывала джинсы, пришла пора пристрастия к магнитофонам, и мама упросила брата, члена-корреспондента, привезти Илье из Японии магнитофон. Все это были (если считать каждый случай сам по себе) пустяки. Но из многих маленьких пустяков начал формироваться характер человека, приспособленного главным образом к потребительству. Это отнюдь не значило, что из Ильи непременно должен вырасти Потребитель с большой буквы. Вовсе нет — пока он был раб преимуществ, которые давала ему безграничная любовь родителей. Но он привык получать все, что ему хочется. Создавая материальное довольство для сына, ни отец, ни тем более мать не думали о том, что для преуспеяния в жизни человеку, как воздух, нужны воля и выдержка. А вот выдержкой Илья не обладал совсем.

Сегодняшний день был счастливым. На экзамене по физике Илья получил пять совсем вроде бы без труда, и теперь, сообщив об этом по телефону матери, он звонил Тане Дергачевой, в которую был влюблен. Но у Тани, кроме Ильи, была еще куча поклонников и ветер в голове. Она могла назначить свидание и не прийти или прийти с компанией друзей и испортить тем самым вечер своему воздыхателю. Скорее всего Тане никто особенно не нравился, и она забавлялась властью над влюбленными в нее юнцами.

Однако в тот час, когда Илья дозвонился до Тани, она была в добром расположении духа.

— Я поздравляю тебя,— сказала Таня.— Я, представь, даже подброшу в воздух свой чепчик, так я рада за тебя.

— А раз рада, давай встретимся.

— Не знаю. Я сегодня настроилась пойти в театр...

— С кем?— ревниво спросил Илья.

— Не знаю... Просто настроилась. Приехал ленинградский балет. Я его еще не видела.

— Так пойдем. Я приглашаю тебя!

— Да? А билеты?

— Ну что билеты! Будут билеты. Во сколько встретимся?

— Ты уверен, что достанешь билеты? Мне не хочется зря тратить время.

— О чем ты говоришь, Таня,— решительно сказал Илья.— Без четверти семь жду у входа. Идет?

— Ну, хорошо,— не очень уверенно ответила Таня.

— Пожалуйста, только не обманывай. Ладно, Танечка?— В голосе Ильи послышалась мольба.

— Хорошо!— засмеялась Таня.— Приду! Только ты не подведи с билетами.

Счастливый Илья повесил трубку на рычаг. И тут же стал набирать номер телефона матери, чтоб она добыла ему билеты. Сначала было долго занято, а потом ему ответили, что Лидия Алексеевна уехала куда-то на совещание и будет только завтра. «Черт!» — выругался Илья. Без матери он даже не представлял себе, где взять эти билеты. Побежал домой, достал записную книжку, стал обзванивать друзей и знакомых, но никто ничем помочь ему не мог, потому что особых театралов в его кругу не было. Время неумолимо приближалось к вечеру. Совсем отчаявшись, позвонил тетке, жене брата Лидии Алексеевны. Тетка, он знал, недолюбливала всю их семью, считая, что Лидия Алексеевна неправильно воспитывает Илью, старалась, чтоб ее сын Алеша, этакий заумный вундеркинд в очках, ничего общего с Ильей не имел. На тетку была последняя надежда.

— Здравствуйте, тетя Галя,— вежливо сказал Илья.

— Здравствуй, как сдаешь?

— Сегодня получил пятерку.

— Делаешь успехи. Как родители?

— Все нормально. Тетя Галя, я не знаю, что делать. Мамы нет, а мне позарез нужны на сегодня билеты на ленинградский балет. Ведь вы театралка, может, поможете мне?

— Без мамы ни шагу,— усмехнулась Галина Николаевна.— Тебе ведь через неделю восемнадцать стукнет. А просто в кассе купить ты не пробовал?

— В кассе? — Такая простая мысль Илье и в голову не приходила.— А разве там могут быть билеты?

— Думаю, что да. Подойди пораньше. В крайнем случае, на руках непременно купишь. Ну, может быть, чуть дороже.

— Спасибо.

Было уже около шести, и Илья, выскочив из дома, помчался на такси к концертному залу. Подойдя к кассам, он увидел довольно большую очередь. Значит, подумал он, билеты есть. А если есть билеты в кассе, будут и у него. В очереди стоять он не собирался. Занял на всякий случай за каким-то толстяком, судя по виду, командированным дядькой, и стал пробираться к кассе.

Там стояли несколько женщин, аккуратно, затылок в затылок. Второй была маленькая, щупленькая старушка в шляпке с бархатным цветком. Держа в руке две пятерки, Илья нагнулся к ней и прошептал на ухо очень просительно: «Возьмите мне, пожалуйста, два билета». Старушка, испуганно вздрогнув, подняла на него глаза. Она хотела отказать ему, но, увидев решительное лицо Ильи, чуть отодвинулась от кассы, как бы пропуская Илью. Он уже почти втиснулся в пространство, образовавшееся между старушкой и впереди стоявшей девушкой, как услышал строгий голос:

— Молодой человек, я к вам обращаюсь, вы же здесь не стояли.

Илья оглянулся на очередь, все стояли с непроницаемо закрытыми лицами, он понял, что бойцов здесь нет, все, кроме этой очкастой тетки со стальным взглядом, промолчат. А таких интеллигентов он знал, как укрощать — грубостью. Грубость ошеломляла их и сразу делала беззащитными. Он посмотрел на нее, как на червяка, и сказал отчетливо: «Закрой пасть, тетка!» Это был испытанный метод так называемого «трамвайного хама». Действовал он безотказно. Но на этот раз метод не сработал. Женщина не онемела от негодования, не задышала тяжело от гнева, а придвинулась к Илье и сказала спокойно:

— Я не позволю вам взять билеты без очереди. Станьте в очередь...

Илья понял, что она не отступится. Злость охватила его: из-за этой старухи Таня разозлится и не захочет больше его видеть, и кто она такая, эта тетка, чтоб помешать ему сделать то, что он хочет и что ему нужно. Илья резко повернулся, одной рукой сунул деньги в окошечко кассы, а другой, не глядя, сильно толкнул Орешникову, но, не соразмерив силы удара, попал ей прямо в лицо. Орешникова коротко вскрикнула, очки треснули, упали, из носа хлынула кровь, и алые пятна забрызгали вологодское кружево.

Кто-то в очереди закричал, Илья оглянулся, хотел побыстрее выбраться из этой зашумевшей и вдруг ожившей толпы и убежать, но не мог. Чьи-то руки вцепились в него, хватали за полы куртки, плечи. И вот уже стоял перед ним молоденький милиционер. Бежать было некуда.

— И это в театре!— услышал он вдруг тихий голос старушки с бархатным цветком.— Ударить женщину! Хулиган!

Ирина Ивановна утирала платком кровь с лица подруги.

— Ничего, ничего, Женя! Осколки от стекла в глаз не попали?

— Нет, кажется, нет,— сказала Евгения Дорофеевна, плача не от боли, а от обиды и унижения.

— Пройдемте в отделение,— твердо сказал милиционер.— Пострадавшая, вам вызвать «Скорую помощь» или вы сами сможете дойти?

— Нет, нет. Мне не надо «Скорую помощь». Только я плохо вижу. Очки вдребезги, Ира? Да?

— Стекла — да, а оправу, наверное, можно починить. Я подобрала ее...

Когда Евгения Дорофеевна сказала Басаргину, что встретиться с ним сегодня не сможет, потому что обещала Ирине пойти в театр, он расстроился, но не обиделся. Действительно, сваливается человек без всякого предупреждения, и пожалуйста, ломай для него свой план. Басаргин понимал, что у Жени Орешниковой своя жизнь, которая не останавливалась за те восемь лет, что живут они в разных городах. И потом, он всегда чувствовал свою вину перед Женей.

Они познакомились лет десять назад. Басаргин был уже женат, и сыну шел пятый год. В Женю он влюбился с первого взгляда и потерял голову. Надо заметить, что потеря голов была взаимной. У Жени это была первая любовь, так случилось, что за тридцать лет у нее вообще ни увлечений, ни романов не было. Она училась, потом работала, ухаживала за парализованной матерью и времени на личную жизнь совсем не имела. С Басаргиным она познакомилась вскоре после смерти родителей — они умерли в один год.

Женя встречалась с Басаргиным, совершенно не задумываясь о том, что он женат, и о том, чем все это может кончиться. А кончилось это грандиозным скандалом в семье Басаргина, когда его жена случайно, как это водится, узнала о существовании Орешниковой. Случилось это не сразу, а через год-полтора после их знакомства. Столь долгая слепота жены Басаргина объясняется тем, что он был летчиком гражданской авиации, командиром корабля на специальных рейсах, поэтому мог лгать жене, что находится вне Москвы сколько угодно. Проверить его было непросто.

Когда тайное стало явным, Басаргин струсил. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что в первый момент он решил уйти к Орешниковой. Но когда жена пригрозила, что сына он больше не увидит и, кроме того, что она обратится в партийную организацию его и Евгении Дорофеевны и все там расскажет, Басаргин дал слово, что расстанется с Орешниковой. Главную роль сыграла здесь любовь к сыну. Сам он вырос без отца и в детстве много страдал из-за этого.

Жена Басаргина была неглупая женщина, она цепко держалась за семью, но, хорошо зная характер мужа, понимала, что, останься они жить в Москве, слово свое он не сдержит. И она поставила условие: Басаргин должен перейти на службу в полярную авиацию. Родом она была из Полтавы, и лично ее к Москве ничто не привязывало.

Басаргин подчинился. Он понимал, что предает Женю и их любовь, но иначе поступить не мог. В этой ситуации кого-то он должен был предать: или Женю, или сына. Сын был слабее.

И в то же время совсем забыть Женю не получилось. И через два года, проведя с семьей отпуск на юге, он завез жену на несколько дней к ее матери в Полтаву, сам поспешил в Москву под предлогом повидаться с родными и друзьями, а на самом деле увидеть Женю, и с тех пор приезжал ежегодно.

Нельзя сказать, что Басаргин чувствовал себя несчастным. Напротив, он вполне был доволен своей жизнью. Работа интересная, считался он одним из лучших лётчиков, с женой отношения были терпимые, сын доставлял ему радости. Тем не менее весь год от отпуска до отпуска он жил ожиданием встречи с Женей. И эти дни были лучшими в его жизни. Так он и жил, летчик Басаргин. Правильно или нет, как рассудить? Дела сердечные — ой какие тонкие дела!

В тот день, поговорив с Женей Орешниковой и положив трубку, он почувствовал, что в сердце его закралась печаль. Он так ждал этой встречи. Неожиданно он решил, что ведь он тоже может пойти в театр и там повидаться с Женей. Уже когда он подошел к концертному залу, когда купил у какой-то расстроенной девчушки билет и вошел в зал, ревность вдруг обожгла сердце Басаргина, он подумал: а если Женя пошла сюда не с подругой, а с мужчиной? Он кружил по коридорам и холлам перед началом и в антракте, искал Женю и не нашел. Тогда он подумал, что она обманула его, просто не хотела его видеть, поэтому солгала. Он верил и не верил этой мысли. С одной стороны, знал, что Женя на ложь не способна, но с другой... С другой! Антракт закончился, но он пошел не в зал, а стал искать телефон-автомат. Нашел, набрал Женин номер и сразу услышал ее голос.

— Алло!— сказала Женя.— Алло!

Он прижал мембрану к горящему лбу, потом, не сказав ни слова, повесил трубку.

Значит, она сказала неправду...

— Алло!— еще раз сказала Евгения Дорофеевна, но раздались короткие гудки. Она сидела перед зеркалом и с ужасом смотрела на свое багрово-синее распухшее лицо. Время от времени она окунала платок в миску со свинцовой примочкой и прикладывала его к синякам, прекрасно понимая, что занимается бесполезным делом. Как врач, она знала, что пройдет минимум неделя, прежде чем лицо приобретет более или менее приличное состояние. И, главное, очки с большими, темными стеклами разбились. Впрочем, и они не спасли бы положение.

Окончание следует.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А. Е. ФЕРСМАНА

Поэма о камне

Эта фотография впервые была опубликована в журнале «Огонек» осенью 1925 года. А. Е. Ферсман только вернулся из Хибинской экспедиции. Полтора месяца был ученый в горах и непроходимых лесах, оброс бородой.

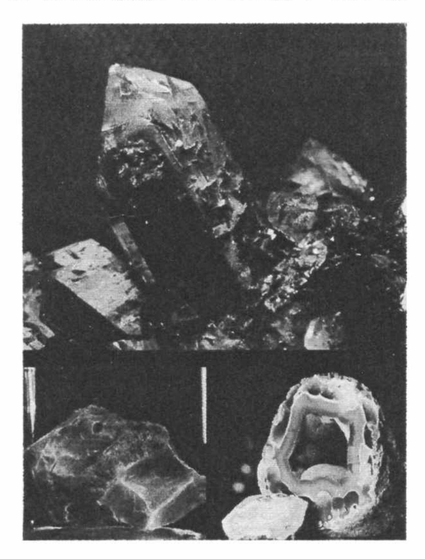
Рядом с фотографией напечатана статья ученого, написанная им специально для журнала. Александр Евгеньевич делился своими мыслями о том, каким должен быть Минералогический музей Академии наук СССР. Он тогда только создавался в Ленинграде, где в то время находился Президиум Академии наук страны. «Пройдет еще много лет, и потребуется еще много средств, чтобы завершить полную картину геохимического музея в тех широких заданиях, которые ставит современная наука и жизнь, поэтому я попытаюсь нарисовать его будущее, т. е. изложить те цели и задачи, к которым он должен стремиться,— писал в этой статье Ферсман.— Музей должен знакомить посетителей со всем многообразием природных химических процессов, начиная с химии космоса, он должен постепенно дать картину жизни глубоких расплавленных магм, потом минералов поверхности, познакомить с сочетанием минеральных тел в природных месторождениях и, наконец, закончить кратким обзором минерала в руках человека в его хозяйственной и промышленной деятельности».

Как же сейчас работает этот задуманный ученым музей? Сбылись ли мечты академика Ферсмана?

Сегодня Минералогический музей Академии наук СССР по праву носит его имя. Александр Евгеньевич был его директором до последнего часа своей жизни.

Свою родословную музей ведет от знаменитой Кунсткамеры Петра I. До сих пор здесь бережно хранятся экспонаты, переданные в Кунсткамеру по царскому приказу. Великий Ломоносов был директором Кунсткамеры. Именно он предложил собирать в музее не только «диковины», но и образцы всех богатств нашей страны — руды, драгоценные камни. Он обратился ко всем городам Российской империи с просьбой присылать ему «различные каменья». Так в музее начала накапливаться бесценная коллекция — разные виды минералов,— имеющая колоссальное и научное и практическое значение. В то время еще не произносились такие слова, как «минералогия», «геохимия». Это потом академик В. И. Вернадский и его ученик и друг А. Е. Ферсман «оживят» минералы, впишут науку о них в общую историю Земли и Вселенной, в их прошлое и будущее. Они будут среди творцов новой синтетической науки, родившейся на стыке геологии и химии.

Специальный раздел Минералогического музея знакомит нас с его историей. В 1935 году, после переезда Президиума Академии наук из Ленинграда в Москву, в столицу в четырех вагонах перевезли и экспонаты музея. Александр Евгеньевич Ферсман сам упаковывал буквально каждый образец, музей был для ученого не просто местом работы, исследований, он был его гордостью, любовью, страстью.

Огромный зал музея занимает тысячу квадратных метров. И, как писал ученый о своей мечте на страницах «Огонька» почти шестьдесят лет назад, «знакомит сегодня посетителя со всем многообразием химических процессов, начиная с химии космоса... до обзора минерала в руках человека в его хозяйственной и промышленной деятельности». Вот камни, упавшие с неба,— метеориты. Под ними надписи: где упали, когда. Например, зимой 1868 года в бывшей Ломжинской губернии около ста тысяч черных неведомых камней упали на землю — целый дождь метеоритов, рожденных где-то далеко за пределами нашей планеты.

Огромное множество минералов собрано в зале. Но задача музея не просто показать их, но и доказать, что у камня есть своя собственная жизнь, не менее сложная, чем у живых существ, что минералы рождаются, формируются, разрушаются, как бы умирают. Одни из выставленных здесь экспонатов родились в глубинах земли, другие появились на свет в лабораториях ученых, третьи выросли в пещерах Крыма, горячих источниках Кавказа, в соленых озерах. Ценнейшие руды, блестящие кристаллы камней, рожденные огнем и водой...

Музей показывает минералы не вырванными из природы, а как бы в естественной обстановке, в связи со своими природными спутниками, с почвой, растительностью, климатом. Минералы тесно увязываются с геологической и геохимической историей планеты.

Есть в музее выставка отдельных уголков земного шара, разделы, рассказывающие об использовании железных руд, драгоценных камней и металлов в хозяйственной деятельности человека. А в самом начале зала монтируется сейчас электрифицированная карта, показывающая богатства страны.

— Как вы видите сами, в музее сейчас идет реконструкция,— говорит ученый секретарь музея Лев Васильевич Булгак.— Мы затеяли ее, чтобы к столетнему юбилею академика Ферсмана музей стал еще интереснее, а его экспозиции — нагляднее, доказательнее. Надеемся все закончить к XXVII Международному геологическому конгрессу, который будет в 1984 году в Москве.

Ежегодно в музей поступает до тысячи новых образцов, в том числе и синтезированных в лабораториях ученых. У нас создана специальная шлифовальная мастерская. Это дает возможность нагляднее показать, что значит «камень в руках человека», как говорил Александр Евгеньевич. Музей наш не только просветительное, но в первую очередь научное учреждение, это музей Академии наук страны,— продолжает Лев Васильевич.— Здесь разрабатываются теоретические основы минералогии, методы диагностики драгоценных камней, ведутся исследования для нужд промышленности. Вот совсем свежие примеры. Недавно нами выполнены договорные работы по повышению извлекаемости серебра из дальневосточных руд; разработаны новые тормозные материалы для транспорта. Исследования эти имеют огромное народнохозяйственное значение.

...Минералогический музей имени А. Е. Ферсмана — живая поэма о камне. Он как бы олицетворяет в себе творческий, научный, поэтический подход ученого к «мертвым» минералам.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Ф. ТЕНДРЯКОВА

НЕРАСТРАЧЕННЫЕ ЗАПАСЫ ДОБРОТЫ

Родился он в деревне Макаровская Вологодской области. После школы ушел на фронт радистом стрелкового полка. В боях за Харьков был тяжело ранен, демобилизовался, учительствовал в сельской школе. Осенью 1945 года поступил на художественный факультет ВГИКа, а затем перешел в Литературный институт, где учился в семинаре К. Г. Паустовского. Работал корреспондентом «Огонька», в 1948 году в альманахе «Молодая гвардия» начинающий литератор опубликовал свой первый рассказ, заявив о себе сразу ярко и интересно.

Владимир Тендряков... Каждое произведение его вызывает острый интерес читателей и критики, рождает бурные дискуссии в семьях, школах, вузах, в периодической печати. И это неудивительно. Почти все произведения Тендрякова не только по форме, но и по сути своей — диспуты. Где добро и где зло, кто прав и кто виноват, оправдывает ли цель средства, кем должен быть наш современник — реалистом или романтиком, можно ли, исправив человека, исправить мир — эти извечно волнующие человечество проблемы определяют содержание, стилистику и структуру произведений писателя. И если в ранних повестях такой философский спор утаен в канве произведений (причем автор зачастую как бы устраняется, предоставляя читателю самому определить свою этическую позицию), то повести последнего десятилетия приобрели ярко выраженную дискуссионную форму, хотя и остались по-прежнему с «открытым финалом». Ставя своих героев в острые, конфликтные ситуации, вводя читателя в глубь мучительных размышлений героев об истинной нравственности, с психологической точностью показывая причины морального разложения личности (или ее постепенного духовного становления), Тендряков не решает проблему однозначно. Ни в одном его произведении нет «лобового столкновения» правды и лжи, справедливого наказания и преступления.

Как-то в критике прозвучал упрек писателю в мрачности его произведений, трагичности ситуаций, излишней суровости в поисках истины. Но так ли это? Где и когда человек в обретении своего «я», в поисках истины и добра шел лишь безошибочным путем? Четыре ранние повести Тендрякова — «Ухабы» (1956), «Суд» (1960), «Тройка, семерка, туз» (1961), «Находка» (1965) — четыре человеческие жертвы. Драматично? Да. Те, кто по душевной лени, не по букве закона, а морально виноват в смерти людей, через самую суровую казнь собственной совестью приходят к признанию своей неправоты, приходят к нравственному очищению, а значит, и возрождению. Тяжело, но пессимистично ли? Нет!

«Чудотворная» (1958); «Апостольская командировка» (1969); «Ночь после выпуска» (1974); «Затмение» (1976); «Расплата» (1979); «Шестьдесят свечей» (1980). В этих произведениях Тендряков на фоне конкретных жизненных конфликтов ставит перед молодежью и теми, кто ее воспитывает, сложные философские проблемы: всегда ли коротка прямая дорога к истине? Что важнее для общества — нравственность или прогресс, а для человека — любовь или долг? Идти ли в борьбе со злом до конца или можно пойти на компромисс?

Проблематика не нова. Вспомним хотя бы Достоевского. Рано или поздно каждому из нас в той или иной форме приходится сталкиваться с подобными проблемами. Потому чтение книг Тендрякова — это не развлечение, а работа мысли, работа души. После нравственного потрясения, вступая в новую, самостоятельную жизнь, ребята из повести «Ночь после выпуска» впервые задумываются о сущности человеческого «я», о своем месте в обществе. Как же расстается писатель со своими героями? Словами одного из выпускников: «Мы научимся жить». Так заканчивает Тендряков повесть, заканчивает с убеждением, что его герои найдут свое место в жизни и проживут ее не зря.

Не случайно, на каких бы жизненных противоречиях ни основывались сложные сюжетные линии произведений Тендрякова, они всегда оставляют веру в духовное обновление. Темы заблуждения и раскаяния, затмения и прозрения, воспитания личности, чьи помыслы и дела направлены только на созидательное добро,— вот острейшие нравственно-социальные проблемы, которые с завидным постоянством в течение всей своей 35-летней литературной деятельности Владимир Федорович Тендряков ставит в каждой своей работе.

Читатели горячо приняли последние повести писателя, «Расплата» и «Шестьдесят свечей». Скоро мы встретимся с его новым романом, «Покушение на миражи». Тендряков, как и прежде, последователен, по-прежнему страстно верит в неисчерпаемую духовную красоту и силу человека. Один из самых ярких представителей нравственно-философского направления в современной советской литературе, он каждой своей строкой убеждает нас в том, что «...ни вывихи истории, ни ожесточенные идеи сбесившихся маньяков, ни эпидемические безумия — ничто не вытравит в людях человеческое... Под спудом в каждом нерастраченные запасы доброты...»

Марина СЕРГЕЕВА

Прекрасно все земное

Любовь ЕЛИСЕЕВА

ДОЖДИК

Льет дождь как из ведра,
На улице темно.
Кругом вода, вода.

Остановись, ну, обожди.
Ведь все уже устали
Терпеть твои дожди.

Хотя бы печечка была,
Чтоб можно было обогреться,
Но печки нет, и нет тепла.

ТЬМА И СВЕТ

Тьма разная бывает,
Не растворяясь никогда,
Она всем жить мешает.
Ночная тьма проходит,
И побеждает свет
всегда!

МГНОВЕНИЯ

Вдруг сердце трепетно забилось,
Освещено одним мгновением...
Но так все это мало длилось —
И никогда не повторилось.

ПЕСНЬ О ВЕСНЕ

Аромат черемухи
Опьянил меня,
Где подружки-девушки,
Я стою одна.

Сеются снежинки,
Падают легко
Свежие травинки
В поле высоко.

Белым все посыпано,
Травка зацвела.
Звездочка черемухи
На траву легла.

Песенка поется
Звонко и легко.
С песней не расстаться —
Слышно далеко.

Узкая дорожка
Вьется у реки.
Что же ты, подружка,
Не подашь руки?

СЕДИНА

Проходят годы, годы молодые.
Мы собираем их плоды.
Они, как капли, растворенные
В потоке дождевой воды.

Вдруг наступают годы зрелости,
И инеем покрылась голова,
Не можешь же такой остаться,
Какой в далекой юности была.

Не надо огорчаться, дорогие,
Что появилась седина.
Для старости все годы молодые—
Ведь жизнь у нас для всех одна.

●

Любить ли красоту?
А как иначе быть?
Но если эту красоту
Лишь за витрину посадить?!

ОГНИ МОСКВЫ

Люблю огни Москвы,
Когда настанет вечер
И окна все освещены.

Огни за стенами горят
И в каждом доме
Об очень многом говорят.

Огни, горите, вы, горите,
За окнами.
Вы многое таите.

●

Я жизнь с рекой сравнила бы
По быстроте ее мелькающей,
По шуму,
Красоте,
По нежности,
По чистоте
И неизвестности опасной.

●

Прекрасно все земное...
Но миг, что сердцу отведен,
Остался незамеченным тобою,
И след твой снегом заметен.

●

Как часто говорят,
что это блажь,
Но будь любезен, поэта ты избавь,
Сам сочини стихотворенье —
Так напиши, чтобы
почувствовалось
наслажденье.

●

Весенняя сиреневая мгла
Вокруг окутала меня.
Мне радость принесла весна,
Оторвала немного от себя.

Запело все в лесу,
И раздаются голоса,
С собой все унесу,
Что мне дала весна.

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

За фасадом мафии

Версия о сходстве преступлений в Майами и Лос-Анджелесе зиждется на том, что обвиненный в убийстве сенатора Роберта Кеннеди Сирхан повторил роль Джузеппе Зангары. Иными словами, он должен был стрелять в сенатора; он мог убить его, или ранить смертельно, или ранить несмертельно, или промахнуться; но он должен был наэлектризовать обстановку, вызвать панику. И здесь к делу приступал скрытый убийца; какими бы ни были результаты стрельбы Сирхана, ему принадлежал подстраховывающий смертоносный удар.

Мы отмечали («Огонек» № 15, 1981 г., стр. 29), что Сирхан в момент покушения на Р. Кеннеди находился в состоянии транса, «запрограммированности», будучи под действием то ли наркотиков, то ли гипноза, то ли самогипноза. Поэтому организаторы преступления не могли рассчитывать на точную стрельбу наследника Зангары. Им нужна была просто стрельба или дымовая завеса. Им нужен был Сирхан — иорданец палестинского происхождения, живший в Калифорнии и не подозревавшийся в связях с «Мобом». Но так ли это было на самом деле? Нет, если судить по данным, ставшим достоянием гласности в последнее время. А пока сам Сирхан досиживает 15-летний тюремный срок и добивается, чтобы в будущем году ему предоставили обещанную свободу.

В 1965—1967 годах Сирхан служил (в том числе жокеем) на калифорнийском ипподроме Санта Анита, который облюбовали для встреч и темных делишек члены преступного сообщества. Сирхан работал и на калифорнийском ипподроме Дель Мар, где подвизались известные американские рэкетеры — вымогатели.

Молодой жокей находился под влиянием некоего Фрэнка Доннеруммаса, или Доннерума (он же Генри Рамстелла), управляющего фермой, на которой тренировался Сирхан. За управляющим тянулась цепочка арестов в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Флорида, славящихся все как один активностью мафии. На западном побережье Америки, куда перебрался Доннеруммас, он по указанию южнокалифорнийского резидента национального синдиката преступности Юджина Хейла Брейдинга «оседлал» Сирхана. Кстати, Брейдинга арестовывали ненадолго в Далласе в день убийства Джона Кеннеди. Пишут, что он руководил отрядом убийц президента.

Перед покушением на Роберта Кеннеди Сирхан часто и много проигрывал на бегах, остался без цента. Тем не менее при аресте у него было 400 долларов, хотя этот факт стал известен совсем недавно. Видимо, он получил их как аванс за «работу» в «Амбассадоре» от Доннеруммаса, который после убийства сенатора на 10 месяцев провалился как сквозь землю.

Согласно опубликованным недавно документам Федерального бюро расследований США, весной 1968 года мафия конфиденциально объявила контракт-премию (500 000—750 000 долларов) за убийство сенатора Кеннеди «в том случае, если он сможет обеспечить себе выдвижение в кандидаты от демократической партии на пост президента». Желающих отличиться и заработать кругленькую сумму было немало. Ибо в считанные минуты после того, как стало ясно, что Роберт Кеннеди, одержав победу на калифорнийских первичных выборах, фактически обеспечил себе выдвижение в президентские кандидаты, его убрали. Судя по всему, старалась изо всех сил, убирая его, южнокалифорнийская ветвь «святого братства». Помимо охоты за хорошей премией, она его ненавидела, как и другие «святые братья». Но от кого шел контракт?

В 1967 году в блоке «Джи» федеральной тюрьмы Льюисбурга (штат Пенсильвания) отбывали заключение две колоритные фигуры: один из боссов мафии Нью-Йорка, Кармине Галанте, и крупнейший профсоюзный гангстер Джимми Хоффа, который оказался за решеткой потому, что Роберт Кеннеди в бытность министром юстиции успел собрать на него инкриминирующие материалы. Галанте и Хоффа уединялись поиграть в мяч, но еще больше для того, чтобы обсудить планы установления монополии в делах преступного мира в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании — «северном золотом треугольнике». Галанте — специалист по устранению соперников — обдумывал способы расквитаться с Карло Гамбино, Вито Дженовезе и др. Вскоре Галанте вышел на свободу, но и после этого часто навещал своего нового друга в блоке «Джи».

Неожиданно их грандиозные планы стали повисать в воздухе — запахло бурей, но совсем с другой стороны. Враг мафии номер один — Роберт Кеннеди — объявил штурм Белого дома. Один из обитателей блока «Джи» услышал в мае 1968 года, как Хоффа и Галанте обсуждали «контракт на убийство Бобби Кеннеди».

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Роберт Кеннеди отдал много сил борьбе против профсоюзного рэкета, проникновения мафии в профсоюзы, захвата в них ключевых позиций. Что же мы видим сегодня? Одним из ведущих советников по вопросам экономики и труда в «переходной команде» Р. Рейгана, формировавшей его администрацию, был Джеки Прессер, вице-президент профсоюза шоферов, которым долгие годы крутил и вертел Хоффа. Прессер — подручный лидера «Коза ностры» в Кливленде Джеймса «Чернявого» Ликаволли. По рекомендации Прессера президент Р. Рейган назначил министром труда Рэймонда Донована — совладельца строительной компании «Шиавон». Известно, что Донован наводил «порядок» в своей компании руками ныне покойных мафиози Арманда «Кокакольчика» Погна и Сальваторе Бригуглио. Связи Донована с организованной преступностью — секрет полишинеля для американцев. Но Р. Рейган держит его в правительстве, несмотря на все требования посадить его за решетку. Хозяин Белого дома счел также возможным поручиться в 1981 году и за подручного мафии киноактера и певца Фрэнка Синатру, когда тот надумал восстановить отобранную у него в 1963 году лицензию на казино в Лас-Вегасе. О времена, о нравы!

* * *

К контракту Хоффы и Галанте присоединились боссы мафии Луизианы Карлос Марчелло, Южной Флориды — Сантос Траффиканте и другие. Все они были в свое время в списке первоочередников министра юстиции на расселение в зонах строгого режима. В 1961 году, когда Роберт Кеннеди возглавил министерство юстиции, он занес в список первоочередников 40 гангстеров. В последний год пребывания на этом посту (1964 г.) он увеличил список до 2300 человек. Чтобы этот список не воскрес, у главарей «Моба» не было иного средства, как убрать своего врага, пока он не окажется в Белом доме.

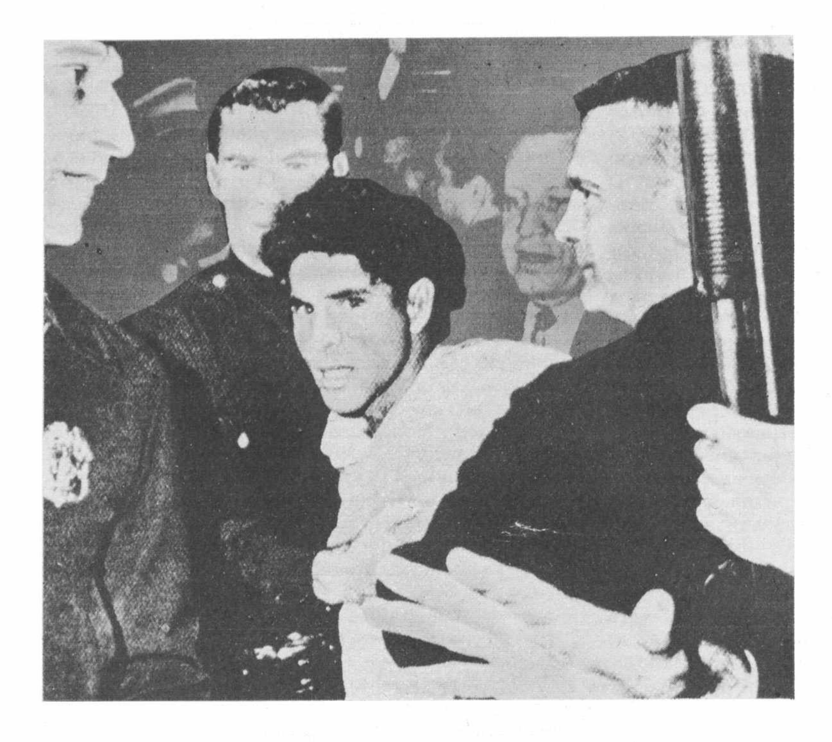
Они опасались также, что, став президентом, он возобновит расследование убийства старшего брата. И они были недалеки от истины. Так, 28 мая 1968 года — за неделю до смерти — Роберт Кеннеди во время предвыборной кампании в Калифорнии, остановившись в городке Окснард, в течение двух часов ломал голову над одним из следов, тянущихся от далласского преступления.

По отдельным намекам приближенных Р. Кеннеди можно догадаться, что речь шла об истории, начавшейся в сентябре 1962 года, когда новоорлеанский мафиози Карлос Марчелло отдал приказ убить Роберта Кеннеди, но затем пересмотрел свое решение, сочтя более целесообразным уничтожить его брата — президента. Полицейский осведомитель, находившийся в окружении Марчелло, рассказал о заговоре журналисту Эду Рейду, и тот в мае 1967 года решил ознакомить со своей рукописью Федеральное бюро расследований. Сенатору Р. Кеннеди было известно, что ни расследования, ни проверки приведенных фактов произведено не было. Он погиб, не узнав, почему именно.

Во-первых, сенатор не знал, что рукопись была представлена для ознакомления отделению ФБР города Лос-Анджелес. Во-вторых, она была представлена 6 мая 1967 года, а уже на следующий день в отделение поступили сведения, дискредитирующие осведомителя Эдварда Бекера. Он характеризовался как вымогатель, действующий заодно с журналистом Рейдом. В-третьих, атаку с целью опорочить Бекера — Рейда начал и развивал некоронованный король организованного преступного мира Лос-Анджелеса Сидни Коршак. В-четвертых, отделение ФБР в Лос-Анджелесе «поверило» Коршаку, и вся история была замята, пока вновь не всплыла лишь в 1978 году на слушаниях в специальной комиссии конгресса по расследованию убийств.

Немного о С. Коршаке. Юрист, адвокат промышленных конгломератов, представляющий в них интересы мафии. Но главное — доверенное лицо преступного синдиката в бизнесе развлечений и в политическом мире. Фактический владелец третьего по величине в США театрального агентства «Ассошиэйтед букинг корпорейшн». Самый всесильный человек в Голливуде, как писала газета «Нью-Йорк таймс». Венцом великосветских связей этого «мобстера» (так величают членов «Моба») было его присутствие в июле 1976 года на бракосочетании Фрэнка Синатры. Мадам Бернис Коршак, выступавшая в качестве свидетельни-

Окончание. Начало см. № 48.

Арест Сирхана в буфетной отеля «Амбассадор».

цы невесты, красуется на достопамятных фотографиях рядом с экс-губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом, добивавшимся тогда (неудачно) выдвижения его кандидатуры на пост президента.

Но, возвращаясь к весенним дням 1968 года, мы можем констатировать, что ни лос-анджелесскому отделению ФБР, ни Сидни Коршаку не улыбалось появление в Белом доме Роберта Кеннеди.

* * *

Отель «Амбассадор». В 40-е годы здесь обосновалась группировка гангстера Мики Коэна, начинавшего свою карьеру в качестве подручного Аль Капоне и получившего почетно-грозное прозвище «Аль Капоне в миниатюре». «Амбассадор» гремел как крупный центр нелегальных азартных игр, на которые слетались бесившиеся от богатств калифорнийцы. К 1968 году, когда на короткое время в отеле разместилась штаб-квартира Роберта Кеннеди, центр игорного гангстерского бизнеса переместился в другие места, но мафия продолжала чувствовать себя как дома в бывшем владении Мики Коэна — друга далласского гангстера Джека Руби.

3 июня 1968 года в «Амбассадоре» появился человек, присланный туда обслуживавшей отель частной детективной фирмой «Эйс гард сервис» («служба охранников-асов»). У охранников-асов была солидная репутация: среди своих подопечных они с гордостью называли «Ю. С. Нэшнл Бэнк» («Национальный банк США»). Все дело, однако, в том, что указанный банк контролировался Арнольтом Смитом — мультимиллионером из южнокалифорнийского города Сан-Диего, владевшим также конгломератом предприятий, связь которых с организованной преступностью стала известна только в 70-х годах.

Не менее подозрительной была личность прибывшего в «Амбассадор» нового охранника. Он приступил к службе в фирме «Эйс гард сервис» лишь за полдня до появления в гостинице. Трудно сказать, известно ли было фирме, что она нанимала человека, связанного с преступным миром Южной Калифорнии, Миссури, Арканзаса. Надо полагать, да. Особенно дружен он был с калифорнийским гангстером Джоном Алессио, занимавшим директорский пост в конгломерате Арнольта Смита. Нового охранника-аса неоднократно арестовывали, и каждый раз его выручал Алессио.

Тейн Юджин Сезар — новый детектив «Эйс гард сервис» в отеле «Амбассадор», протеже Алессио — был приставлен к Роберту Кеннеди. У Сирхана был приказ охотиться за сенатором где только можно в отеле. Сезар, получивший легальный мандат следовать в отеле по пятам за Робертом Кеннеди, становился идеальным орудием для подстраховки Сирхана — нанесения неотразимого удара. Тейн Юджин Сезар повторял роль, сыгранную в свое время в Майами безымянным профессиональным убийцей, подосланным Аль Капоне.

А кто же второй человек, исчезнувший, как и Сезар? Дональд Шульман — репортер местной телевизионной станции, лос-анджелесского филиала общенациональной телевизионной сети «Коламбия бродкастинг систем» (Си-би-эс).

Р. Кеннеди вышел из Посольской залы «Амбассадора». Он должен был пройти буфетную, примыкавшую к ней кухню и далее коридорами в Бальный зал. Буфетная оказалась идеальным местом для ловушки, хотя выбрал ее сам сенатор, отказавшийся от другого — предусмотренного планом — пути. Р. Кеннеди лучше всех в Америке знал преступный мир. Он был знаком с повадками южнокалифорнийского синдиката — абсолютно безжалостного и специализирующегося на «выяснении отношений» с крупными политическими деятелями (как сообщала летом нынешнего года американская печать, южнокалифорнийский синдикат — один из самых сильных ныне, так как в него влилась «израильская мафия»). Предполагают, что Роберт инстинктивно чувствовал надвигавшееся покушение. Возможно, реакцией на это была смена пути — экспромтная и роковая.

В лабиринтах «Амбассадора» ориентироваться непросто. Но Сирхан пошел через кухню прямиком навстречу сенатору, и они встретились в буфетной. Сирханом явно руководили лица, знавшие каждый шаг Кеннеди. Среди них была «девушка в платье в горошек», которую потом не нашли, но с которой Сирхана видели ранее в различных местах Калифорнии.

За спиной Р. Кеннеди маячил Сезар, за спиной Сезара шагал Шульман. Прошло буквально несколько секунд (!) после окончания стрельбы в буфетной, как в ответ на вопрос радиожурналиста Джеффа Бранта, шедшего за Шульманом: «Что произошло?» — Шульман прокричал: «Джентльмен кавказского типа (Сирхан) шагнул вперед и выстрелил три раза. Охранник (Сезар) поразил Кеннеди во всех трех произведенных им выстрелах. Мистер Кеннеди упал на пол. Они понесли его. Охранник ответил на огонь нападавшего (Сирхана)».

Голос Шульмана был записан на пленку, его рассказ успели передать в эфир, но затем очевидец радикально изменил версию. Кто-то уже в буфетной посоветовал ему забыть о трех пулях Сезара, выпущенных в Кеннеди. Ибо в считанные минуты после покушения Шульман решительно выбрасывает их из своей памяти, хотя и помнит еще об «ответном огне» Сезара.

Телевизионная станция Лос-Анджелеса передавала: «Дон Шульман, наш работник, стал свидетелем ответного огня, открытого охранником Кеннеди...» Еще через несколько месяцев Шульман подтвердил, что «охранник, безусловно, выхватил свой револьвер и стрелял из него». Корреспондент парижской газеты «Франс-Суар», находившийся в буфетной, сообщал: «Охранник Кеннеди выхватил свой револьвер и начал стрелять от бедра, как в ковбойском фильме».

Но официальное следствие и суд безапелляционно постановили: в буфетной стрелял **один-единственный человек** — Сирхан. Сезар ни разу не признал, что он пускал в ход оружие. Он, однако, не отрицал, что выхватил револьвер из кобуры. Определенную ценность имело заявление Сезара для печати, что, если не считать Сирхана, никто, кроме него, не доставал оружие в буфетной. По мнению специалистов, это признание могло прозвучать лишь потому, что поначалу Сезар не опасался каких-либо разоблачений. В суд его не вызывали.

Тогда действительно мало кто подозревал охранника из «Эйс гард сервис» в совершении чудовищного акта. Суматоха, крики, вспышки огня револьвера Сирхана; его «дневник» с черным по белому зафиксированной угрозой убить Р. Кеннеди; признание на суде своей вины и т. д. Шульмана никто официально не допрашивал. Но даже если бы его вызвали на суд свидетелем, своими показаниями он не повлиял бы на ход процесса.

У мафии, повторяем, было довольно много своих людей среди обслуживающего персонала «Амбассадора». Кое-что мог бы порассказать начальник охраны и безопасности отеля Уильям Гарднер. Но он тоже исчез, и Сезар до того, как самому сбежать, заявил: «Мы позаботились о мистере Гарднере, он никогда не даст интервью». Другой ответственный служащий «Амбассадора» покончил жизнь самоубийством, а все его бумаги пропали. Ряд людей загадочно умерли, другие подверглись нападениям и получили тяжелые увечья, третьим угрожали. Все они что-то знали о преступлении в «Амбассадоре» или пытались узнать.

Главный адвокат обвиняемого Грант Купер сдался на суде без всякого боя: фатальный выстрел в голову сенатора, по его словам, был произведен Сирханом. Полицейский эксперт Де-Уэйн Уолфер пытался было тут же возразить на том основании, что определенных доказательств этого не существует. На что суд услышал поистине филантропическое заявление Купера: «Мы великодушно (?) соглашаемся с тем, что все это сотворил револьвер нашего подсудимого».

Грант Купер принадлежал к той особой когорте американских юристов, которая обслуживает находящихся под следствием и судами гангстеров. Параллельно с защитой Сирхана он представлял на судах одного из пяти преступников во главе с известным мафиози Джоном Роселли. Им было предъявлено обвинение в нарушении правил картежной игры (поставленное на поток передергивание карт) в клубе «Фриар» в районе Беверли хиллс, где проживает состоятельная голливудская публика. Фрэнк Синатра и другой известный киноактер и певец, Дин Мартин, дали рекомендации для вступления в «Фриар» Роселли, который пятью годами ранее вместе с боссами мафии Марчелло, Джанканой и Траффиканте переключался по согласованию с Центральным разведывательным управлением с заговоров против Фиделя Кастро на заговор против Джона Кеннеди.

Одним словом, выбор Купера в качестве адвоката Сирхана вряд ли был случайным. Это был один из стряпчих мафии. Но в деле с группой Роселли Купер перестарался, он чересчур грубо завладел конфиденциальными документами Большого жюри, содержавшими показания против пяти гангстеров, пошел на подлоги и клятвопреступления — в результате сам был привлечен к ответу. Отбиваясь от обвинений, он продолжал защищать молодчиков Роселли, но был вынужден постепенно все дальше и дальше отходить от дела Сирхана. И оно все больше попадало в руки адвоката Рассела Парсонса. Не парадокс ли?

Когда Роберт Кеннеди в конце 50-х годов был главным советником специальной сенатской комиссии по проблемам неблаговидной деятельности в сфере труда или управления (сокращенно — комиссия по рэкету), он рас-

следовал связи с преступным миром калифорнийского юриста Рассела Парсонса. За что последний назвал своего обидчика «грязным сукиным сыном». Одно время Парсонс помышлял стать мэром Лос-Анджелеса, но помешало выплывшее наружу его приятельство с Мики Коэном.

Под стать адвокатам Сирхана был главный следователь защиты Майкл Маккаун. Его выдворили из полиции Лос-Анджелеса за воровство почты, потом он вынужденно познакомился с уголовным законодательством на почве мошенничества при торговле недвижимостью. Но Куперу и Парсонсу и не нужно было другого руководителя отряда сыщиков, подбиравших доказательства, что Сирхан виновен, и виновен в одиночку.

Кто же противостоял адвокатской команде подсудимого? Достаточно познакомиться с окружным прокурором Эвеллом Янгером, возглавлявшим обвинение. В тот период его уважительное отношение к организованной преступности вслух не проявлялось. Но много лет спустя, когда, будучи уже прокурором штата, Янгер добивался избрания губернатором Калифорнии, журнал «Вашингтониан» писал: «Когда потерпевшего поражение на выборах 1978 года кандидата республиканской партии в губернаторы Эвелла Янгера спросили в ходе предвыборной кампании по поводу **хорошо документированных обвинений его в тесной дружбе с мафией,** он ответил: «А я никогда и не делал вида, будто преступность уж очень натерпелась от меня». Во время суда над Сирханом Янгер сделал все, чтобы не допустить выявления каких-либо данных, которые могли бы указать на наличие заговора. Он же дал санкцию на уничтожение полицией Лос-Анджелеса 27 июня 1969 года ряда вещественных свидетельств, включая панельные звукозащитные щиты потолка буфетной и всю деревянную обшивку перехода из буфетной в кухню «Амбассадора». Примечательно, что за две недели до этого тот же окружной прокурор, осаждаемый с различных сторон просьбами о допуске к вещественным свидетельствам, обещал журналистам и независимым экспертам удовлетворить их желание в «ближайшие дни». Что же толкнуло Янгера на коварный шаг?

* * *

Если предположить, что обойма револьвера Сирхана была целиком заряжена (8 патронов) и он всю ее разрядил в буфетной, то о пулях можно было бы составить такой счет: две извлечены из тела Р. Кеннеди, пять — из раненых в буфетной и одна, согласно полицейскому отчету, «прошла» в потолок. Но дело в том, что на панельных щитах потолка было больше следов пуль. Отверстия были и в различных точках деревянного обрамления прохода из буфетной в кухню, при этом пулевые дыры были видны как на буфетной, так и кухонной половинах. Спустя почти десять лет после преступления независимые расследователи получили доступ к фотографиям ФБР и местной полиции и среди них натолкнулись на снимки с этими отверстиями, само воспоминание о которых так хотелось похоронить прокурору Янгеру. Сколько же было выпущено пуль в буфетной?

Если к упоминавшимся восьми прибавить число пуль, которое было необходимо, чтобы украсить зафиксированными отметинами потолок и дверные рамы, то получится тринадцать. Значит, была вторая обойма, второй револьвер.

Высказываются предположения, что Сезар мог выстрелить случайно. Тем более, что он признал, что его револьвер был снят с предохранителя. Но специалисты по баллистике отвергают данную гипотезу. Сезар стрелял расчетливо и для преобладающего большинства людей, заполнивших буфетную, незаметно. Как и наемник Аль Капоне 35 годами ранее.

Револьвер Сирхана находился от Р. Кеннеди на расстоянии 60—90 сантиметров, согласно показаниям одних свидетелей, и 3 метров — других. Он был нацелен ему в грудь. Помощник метрдотеля «Амбассадора» Карл Уэкер под присягой показал, что после второго выстрела Сирхана он вывернул его правую руку вниз и в сторону, прижал стрелявшего к столу для подогрева блюд и лишил возможности целиться в сенатора.

Выше отмечалось, что из тела Р. Кеннеди были извлечены две пули (одна расплющенная — фатальная — из головы, другая — из шеи). Третья пуля вышла из груди, четвертая прошила накладное плечо пиджака сенатора. Патологоанатомическое, баллистическое и другие научные исследования показали: три раны в теле Р. Кеннеди и прострел в пиджаке — результат стрельбы с намного более близкого расстояния, чем то, на какое приблизился к нему Сирхан. И стрельбы, как подчеркнули эксперты, не спереди, а сзади и снизу. Роковой выстрел под правое ухо был сделан в упор менее чем с 4 сантиметров.

У Сирхана и Сезара были револьверы типа «Айвор Джонсон» (калибра 6 мм). При всей сложности задачи отыскать разницу в пулях, вышедших из однотипного револьвера, эксперты по баллистике, проведя обследование двух пуль (одной извлеченной из Р. Кеннеди, другой — из случайно раненного в буфетной), склоняются к выводу, что они были выпущены не из одного револьвера.

В тот вечер на Сезаре был галстук без петли, с пластмассовым крючком, цепляемым за ворот рубахи. На фотографиях мы видим Сезара без галстука, а лежащего на полу Роберта Кеннеди сжимающим в кулаке галстук Сезара. Вот попытка объяснить трагическую сцену: «Револьвер Сезара, и только револьвер Сезара, занимал позицию, с которой четыре заряда могли влететь в Кеннеди под прикрытием брызгавшего огнем револьвера Сирхана. Кеннеди с его проницательностью, возможно, разгадал это в последние мгновения, пока его не покинуло сознание, и он мог еще бороться. Он сорвал с Сезара галстук, прежде чем свалился от смертельного выстрела в голову».

Так пишет известный американский исследователь «Моба» доктор математики Дэвид Шейм. В опубликованной им в нынешнем году книге «Контракт на Америку. Мафия уничтожила Джона и Роберта Кеннеди» он называет Сезара преступником, убийцей, наемником мафии. Шейм не сомневается, что в «Амбассадоре» была применена схема, зарекомендовавшая себя в Майами против Чермака.

Синдикат организованной преступности чувствовал и чувствует себя весьма вольготно в Калифорнии, как и во всех остальных штатах Америки. Гангстеры Калифорнии внесли свой вклад в организацию убийства президента Джона Кеннеди, им выпало немало поручений от руководства национального синдиката по нейтрализации свидетелей в преступлении века, сокрытию правды. Но, разумеется, ключевым звеном в данной, беспрецедентной по выбору жертвы истории для калифорнийского «святого братства» явилось задание уничтожить Роберта Кеннеди и обставить по всем правилам юриспруденции грошовый спектакль под названием процесс над Сирханом. Думается, провернуть сенсационную операцию в Лос-Анджелесе не представляло труда. Конечно, в Калифорнии у «Моба» бывают свои осечки и неудачи. Однако в принципе ни из губернаторского особняка Р. Рейгана, ни из муниципалитетов, ни из органов правопорядка ветры на мафию не дули.

Свидетельства участия «Моба» в заговоре, имевшем цель пустить под откос набиравший скорость президентский поезд Роберта Кеннеди, долгое время держались в США под сукном. Журналисты, редакторы, владельцы печати страшились прикасаться к этой теме. Сейчас начали понемногу писать (но не для массового читателя) о подозрительных сторонах жизни Сезара, Янгера, Купера, Парсонса, Маккауна, о вирусе азартной лихорадки, поразившем Сирхана. Ну что же, лучше поздно, чем никогда. Ведь американцы обожают быть осведомленными людьми. Небесполезно и нам знать об этом. Как-никак, ведь немало важных американских политических решений принималось в последнюю четверть века под прямым или косвенным воздействием стратегов национального синдиката преступности, которые обожают фашистские и террористические диктаторские режимы и ненавидят силы демократии и прогресса.

* * *

Перед тем, как писать это продолжение истории кровавой мести, учиненной над Джоном и Робертом Кеннеди, мы решили перечитать то, что написано у нас в последние годы об американском «Мобе»: «Мафия, ЦРУ, Уотергейт» И. Геевского, «Организованная преступность в США» В. Геворгяна и «Мафия: государство в государстве» В. Николаева. Разные по замыслу и манере изложения, эти интереснейшие книги вызывают удивительно простую и удивительно страшную реакцию: политик в Америке, если он не поладил с «Мобом», как правило, теряет власть. Тысячи известных и безвестных политиков США физически уничтожены в нынешнем веке мафией и ее иноплеменными сородичами. Мафия — лишь один из рычагов, который обеспечит многим политиканам властвование. Но главное, что такой рычаг есть, и это выглядит невероятно и дико в самую просвещенную эпоху истории человечества. И тем кощунственнее звучат речи нынешних лидеров страны, где процветает узаконенная и не имеющая себе аналогов в истории организованная преступность, в которых содержатся всевозможные лицемерные поучения других народов. Вдумаемся только в один факт: ставленники мафии могут пробраться на **любой** пост в США. Это на примерах прошлого убедительно показывают названные выше авторы и всем содержанием своих книг задают нравственно-юридический вопрос: а как быть другим странам и народам (мировому сообществу) в таких ситуациях? Закрывать глаза? Воспринимать этот мафистский феномен как чисто внутреннее американское дело? Трудные вопросы.

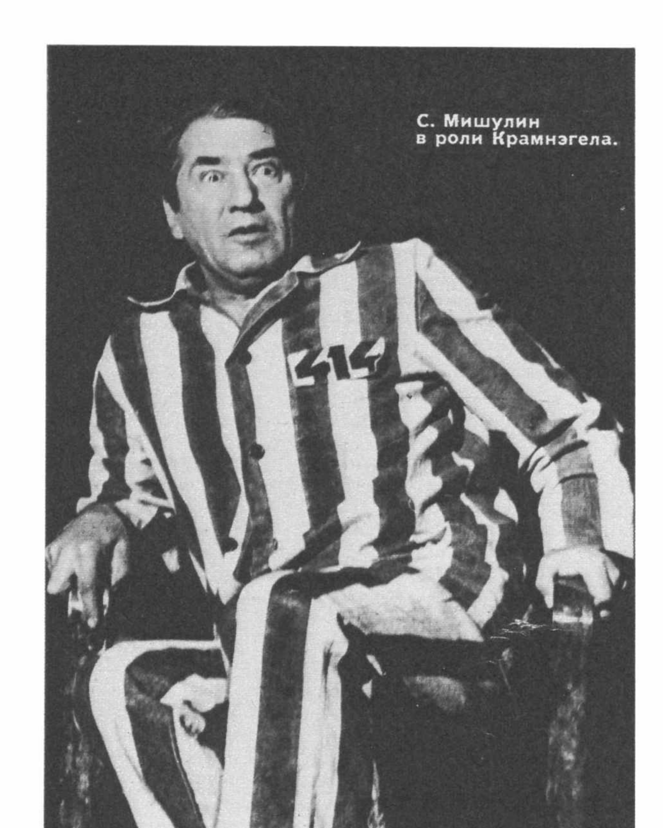
В США тоже прекрасно понимают, какую головоломку они задают и своим союзникам и всем остальным государствам. Отсюда возникают косметические трюки. Один из последних министров юстиции США запретил органам правосудия употреблять слово «мафия» и его синоним «Коза ностра». Эти же названия изъяты из лексикона газеты «Нью-Йорк

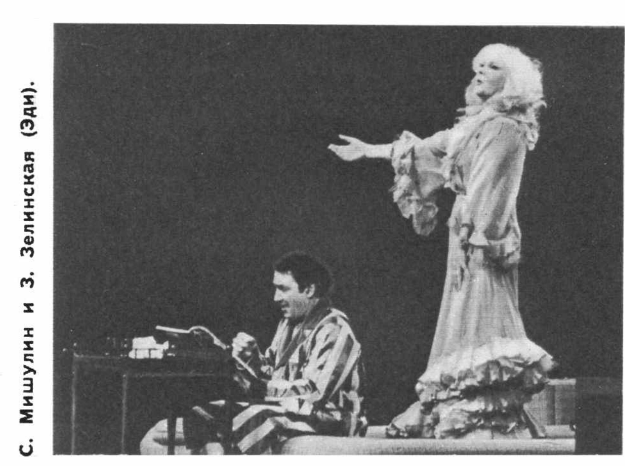
Сенатские слушания — начало смертельной вражды между Робертом Кеннеди и Джимми Хоффой.

премьера

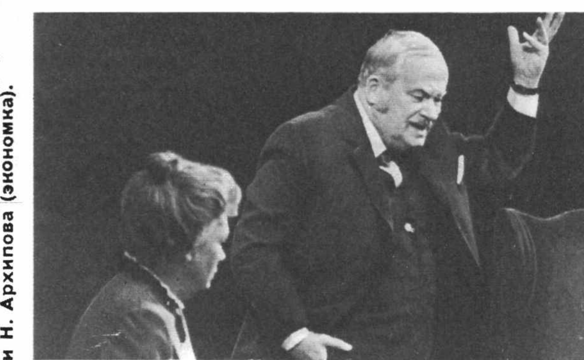
ПИТЕР УСТИНОВ В ТЕАТРЕ САТИРЫ

С. Мишулин в роли Крамнэгела.

С. Мишулин и З. Зелинская (Эди).

Г. Менглет в роли прокурора и Н. Архипова (экономка).

В 1981 году в журнале «Иностранная литература» был опубликован роман Питера Устинова «Крамнэгел», который привлек к себе большое внимание, на него появилось немало рецензий в нашей прессе. Английский писатель, сценарист, режиссер, актер — во всех этих качествах Устинов с успехом выступает вот уже более четырех десятилетий. Его имя широко известно на Западе, теперь познакомился с ним и советский читатель. В прозе Устинова заметны следы его дарований: читаешь «Крамнэгела», и в то же время видишь перед собой как бы специально выписанные сцены. Можно сказать, роман сам просится в пьесу. И вот такое более чем естественное перевоплощение осуществлено. Московский Театр сатиры поставил спектакль по «Крамнэгелу» (сценический вариант переводчика романа Ю. Зараховича, постановщик П. Хомский).

Питер Устинов много лет прожил в США — в этой стране и в Англии разворачиваются события в пьесе. Мы видим Крамнэгела, начальника полиции большого американского города, в первой картине на вершине славы. Его чествуют именитые горожане и в знак благодарности за службу вручают ему и его жене Эди два билета первого класса на кругосветное путешествие. Но дальше Англии супруги не уезжают. Типичному американскому полицейскому там не по себе. Крамнэгел быстро попал в скверную историю: во время спора в пивной он застрелил англичанина, будучи в полной уверенности, что сделал это в порядке самозащиты. Дело в том, что у собеседника был насморк и он полез было в карман за носовым платком. Потом оказалось, что англичанин вообще не был вооружен. Это обстоятельство привело Крамнэгела в полное изумление...

Так американский полицейский попадает в сложный лабиринт английского правосудия, и из этого столкновения автор высекает искры подлинной сатиры. Показывая весь уклад западной жизни, он обнажает суть так называемой демократии и в Англии и в США. В каждой из этих двух стран есть своеобразные черты, в каждой буржуазное лицемерие скроено, можно сказать, на свой манер, причем существует между ними и известный антагонизм, что автор мастерски обыгрывает. Но в общем обе они — две стороны одной медали, одного образа жизни.

После сложных перипетий Крамнэгел возвращается в родной город. Но там он больше никому не нужен. Начальником полиции стал его бывший заместитель, к нему ушла жена Крамнэгела.

Скандал в Англии поломал карьеру удачливого полицейского босса. Он решает мстить и... убивает мэра города, своего главного врага. Чисто американский финал!..

По-моему, даже такой короткий пересказ пьесы говорит о том, что она нашла верный адрес — Театр сатиры. Прежде всего обращает на себя внимание достоверность происходящего на сцене. Чужую, незнакомую нам жизнь актеры играют естественно и просто,— нет никаких натяжек, нет «развесистой клюквы». Талантливая крепкая основа — проза романа — дала возможность автору инсценировки, режиссеру и исполнителям создать запоминающийся спектакль. Образ главного героя — большая удача С. Мишулина; его Крамнэгел не карикатура, а живой человек. Ему не откажешь в уме и смекалке, но он порождение порочного строя. Пожалуй, еще более типичным «продуктом» этого строя Питер Устинов выписал Эди, жену полицейского начальника; эту роль с вдохновением исполняет З. Зелинская. Главного прокурора министерства внутренних дел Великобритании Невилла Нима с блеском играет Г. Менглет.

Всего в одной картине занят В. Байков в роли старика Джона, которого убивает в пивной Крамнэгел, но эта сцена становится центральной в спектакле благодаря актерскому мастерству исполнителя.

Надо сказать, что и весь ансамбль выглядит очень слаженным, действие идет в хорошем темпе, и зрительный зал активно реагирует на все происходящее. Талантливый коллектив Театра сатиры сделал успешным дебют Питера Устинова.

В. НИКОЛАЕВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

таймс», еще ранее эмбарго на них, начиная с фильма «Крестный отец», наложил Голливуд. Зачехление родовых гербов главной преступной банды проходит под нажимом самих боссов мафии. Но заставить все органы печати отказаться от звучных, знакомых всем слов не удалось. Тем более что в последние годы прессе пришлось писать об импорте тысяч новых — «свежая кровь» — мафиози из Сицилии. Репортеры взахлеб сообщали, что среди вновь прибывших — опытнейшие сицилийские убийцы, а также «потрясающе дисциплинированные провинциалы», готовые по команде «прободать головой каменную стену и сунуть голову в ведро с кислотой».

Значимее косметических прикрас сближение легального «добропорядочного» бизнеса и бизнеса, выросшего на почве судебно наказуемых дел и достигшего астрономических масштабов — 120 миллиардов долларов оборота в год. Сохраняя свои особые интересы, организованная преступность стала частью легальной капиталистической структуры; поэтому она сделалась мягче, добрее, цивильнее, и ее нечего бояться, успокаивают мировое сообщество теоретики и идеологи, состоящие на оплате у богатейшего всеамериканского синдиката преступности. Перекрестное опыление и вырастающий гибрид выгодны бандитам, гангстерам, вымогателям, чтобы укрываться за него, как за плотный кустарник.

Этой гибридизации мешали братья Джон и Роберт Кеннеди. Они исходили из того, что в США не перевелись бизнесмены и политики, которых не устраивает сотрудничество с Джанканой, Роселли, Марчелло, Коэном и другими. Они собирались прижать хвост гангстерам и уже кое-где защемили его.

Используя шантаж, кровавое насилие, подкупы, коррупцию, преступный синдикат взял за горло полицию, прокурорские и судебные органы, адвокатуру, законодательные и исполнительные органы городов и штатов, федеральную власть. Джон и Роберт Кеннеди это все знали. На что же они рассчитывали? Трудно сказать, но, во всяком случае, они заставили пошевелиться спавший до этого непробудным сном федеральный юридический аппарат.

Помимо этого, мафию насторожило и другое. Джон и Роберт Кеннеди дважды применяли армию против разбушевавшихся расистов южных штатов. Ведущие американские специалисты по организованной преступности высказывали и высказывают глубокое убеждение, что есть только один способ покончить с мафией и всем национальным синдикатом — применить против них вооруженные силы. В конце прошлого века Белый дом однажды использовал федеральные войска против преступных банд одного штата, так что прецедент был. Кто знает, может быть, братья Кеннеди и обдумывали такой вариант в общенациональном масштабе.

Ныне тоже раздаются призывы мобилизовать американскую армию на борьбу против организованной преступности. Мало кто, однако, верит в возможность такого шага. И вот, в частности, почему. Слово Дэвиду Шейму: «Под неустанным руководством министра юстиции Роберта Кеннеди, полностью поддерживаемого президентом, федеральное правительство двигалось к тотальной войне с применением всех сил и ресурсов против преступного синдиката. Путь к завершающей сокрушительной атаке был расчищен передававшимися по телевидению в октябре 1963 года показаниями в сенате сознавшегося мафиози Джозефа Валачи, которые до глубины души возмутили и потрясли американцев. Роберт Кеннеди торжественно обещал еще более усилить крестовый поход против рэкетеров и планировал массированное фронтальное наступление на цитадель «Моба» Лас-Вегас. Остальное известно: мафия приложила руку к убийствам, сокрытию истины в убийствах и перемене на 180 градусов политики братьев Кеннеди; коррупция, затем тайное соглашение с противником — «Мобом» при президентах Джонсоне и Никсоне; и финал при президентах Форде, Картере и Рейгане: граждане США благодушно терпят, как их колотит и дубасит разрастающаяся и пустившая глубокие корни конфедерация убийц. Итак, сорвав контратаку правительства с помощью кровавых заговоров, мафия совершила переход с положения перезрелой преступной банды на положение оккупационной армии — переход, который не может не вселять ужас в нормального человека».

Оккупационная армия! Не сильно ли сказано? Американскому специалисту видней. Месть мафии не прошла для Америки даром. Задумались ли над этим «благодушные граждане», когда 22 ноября нынешнего года исполнилась двадцатая годовщина кровавой расправы над президентом Кеннеди? Хотелось бы надеяться, что задумались.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

№ 1 Четверг, 6-го декабря 1923 года. № 1

Соц.-демократы поддержали Секта. ЧЕРВОНЕЦ

Шейдеманы голосуют за диктатуру бур- МОСКВА утром.

МОЯ «ВЕЧЕРКА»...

Газеты созданы для утренних читателей. С ними мы вплываем в наступающий день. Так считал Карел Чапек. Но если бы ему довелось читать «Вечернюю Москву», он, полагаю, внес бы в эти слова уточнение.

...Вот уже 60 лет «Вечерняя Москва» рассказывает о Москве и москвичах.

Открываю сегодняшний номер: «Вечерние беседы» (профессионально завидую этой газетной находке коллег из «Вечерки»!); все знающее «Справочное бюро» (ответы на любые вопросы!); рассудительный и бережливый «Банк отходов» (мы часто проходим мимо кладов, а внимательный читатель газеты замечает их и пишет своей вечерней газете). ...Так как рубрики сегодняшней «Вечерки» не пересказать (да и не следует этого делать), не лучше ли заглянуть в прошлое — шестьдесят лет назад? Итак, «Вечерка» № 1 — о чем она писала?

Небольшая подборка «Москва утром». В ней, в частности, три строки: «Получено сообщение о выезде в Москву Максима Горького» (писатель находился на лечении). Информации о котировке червонца — на 3 часа дня. Объявления Театра оперетты, ресторана «Ампир». Какой была погода? «На 7 декабря ожидается температура около 0, возможен небольшой снег...»

Статистические данные по местной промышленности, маленький фельетон (шесть строк!): в редакции мне сказали, что недавно установили его автора — это Михаил Кольцов, в то время заместитель редактора «Вечерки». Удивительное было время: редакторы писали не только очерки на полосу — всего шесть строк!

Пятилетию военной академии посвящена беседа с начальником Генштаба. Завершились выборы: «В райсоветы выбрано: коммунистов — 889, кандидатов — 30, членов РКСМ — 53 и беспартийных — 441». РКИ (рабоче-крестьянская инспекция) протестует против непроизводительных расходов на строительстве. Пять колонок через всю полосу: «Анри Барбюс о нас». В Театре Вс. Мейерхольда «первая показательная работа, «Лес» Островского, будет дана в двадцатых числах декабря. На премьере Аркашку будет играть Игорь Ильинский». Начался суд, «рассматривающий дело о злоупотреблениях в ГУМе».

...Вечером спешу вниз, к почтовому ящику. О чем сегодня рассказала моя «Вечерка»?

К. БАРЫКИН,
подписчик «Вечерней Москвы»

На снимке: «Вечерку» привезли.

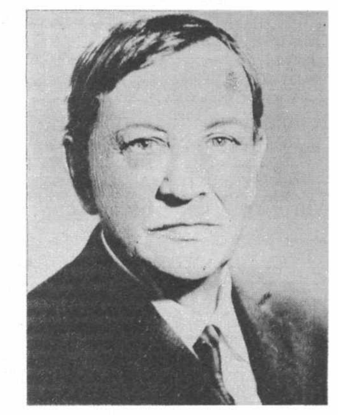
Фото Г. Розова

В № 50 наш журнал начинает печатать главы из первой книги нового романа Ивана Стаднюка «МОСКВА, 41-й».

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. ДЕРЖАВИНА

ЩЕДРОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ

«В чернильнице моей поют колокола...» Так начал когда-то Владимир Державин вступление к поэме «Первоначальное накопление». Колокола никогда не смолкали в его творчестве, разливались все новыми богатствами созвучий.

Он был известен главным образом как блистательный переводчик. Хайям и Фирдоуси, Саади, Хафиз, Низами... А рядом с ними — Шевченко, Франко, Райнис, Пшавела, латышский эпос «Лачплесис», эстонский «Калевипоэг», армянский «Давид Сасунский», узбекский «Раушан», якутский олонхо...

«В лесах, в стоверстных солнах хлеба» древней костромской земли, откуда вышли Сусанин и Островский, начинался путь будущего поэта. Здесь, по его словам, сохранилась особая чистота русской речи, которую он впитывал от своей няни, крестьянки-сказительницы, от бабушки Е. В. Пановой из славного рода декабристов, от своего первого учителя рисования Ефима Честнякова.

Именно широта, помноженная на яркий самобытный талант и одержимость работой над словом, обеспечила Державину тончайшее проникновение в поэтические творения столь разных народов.

Он учился живописи в Московском Вхутемасе — у Фалька и Древина, голодал и писал стихи. Прочтя их, Горький сказал: «Это явление, как поэт». И принял его в число своих подопечных. В рабочем кабинете московской квартиры Горького висела державинская картина на листе ватмана «Данте и Вергилий в аду».

Потом были «Снеговая корчага» и «Первоначальное накопление», посвященная Луговскому «Северная поэма», замечательные стихотворения. Но издав в 1936 году небольшую книжку стихов (давно ставшую библиографической редкостью), автор на сорок лет с головой ушел в переводы.

Волжанин, сохранивший всю силу и красочность родного языка, он продолжил традиции Пушкина, Гнедича, Жуковского, стремясь к адекватному воссозданию в русских стихах духа и внутреннего смысла оригинала. Человек удивительной скромности, абсолютно чуждый житейскому комфорту и покою, Владимир Васильевич обладал колоссальной эрудицией, досконально изучая культуру и обычаи тех народов, поэтические памятники которых переводил. И при этом был влюблен в них со страстностью истинного художника.

Действительно, сегодня мы только начинаем в полной мере осмысливать и оценивать все сделанное Державиным в области художественного перевода. Что же касается его собственного поэтического творчества, то оно сейчас как бы вторично возвращается к читателю, чтобы занять по праву принадлежащее ему место в истории советской литературы.

Да, судьба поэта В. Державина необычна и поучительна. Следом за огоньковской книжечкой «Снеговая корчага», куда вошли стихи разных лет, переизданы ныне «Северная поэма» и «Первоначальное накопление». Со всей очевидностью подтверждают они правоту слов старшего современника автора П. Г. Антокольского: «Державин был известен как переводчик с самых разных языков, а между тем он, как говорится, поэт божьей милостью...»

Феномен подлинного мастера — неувядаемость стиха, обновленно передающегося от поколения к поколению. Это волшебное свойство присуще стихам Владимира Державина, и теперь мы его явственно прозреваем с высот достигнутого опыта.

Лучшие державинские произведения можно уподобить излюбленному поэтом образу снеговой корчаги — традиционного на Руси сосуда для хранения зерна либо вина, хранения долгого, предназначенного не одному поколению. Образ этот возвращает нас к истокам поэтического мира автора, к истокам его судьбы.

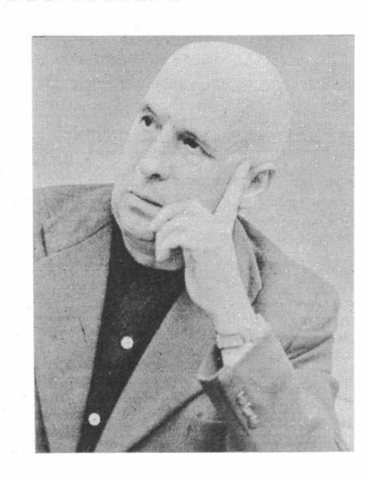
Вижу я — лишь глаза прикрою:
Юность раннюю, дом у реки.
Лошадей ведут к водопою
Загорелые ямщики.

У бадей наклоненных донца
И битюжьих спин волоса
Обагряя, проносится солнце
Медным поездом сквозь леса.

Сохранить потомкам драгоценную «снеговую корчагу» творчества В. Державина необходимо.

Юрий ОСИПОВ

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Умер народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Анатолий Никифорович Яр-Кравченко. От нас ушел большой мастер рисунка, ученик И. И. Бродского, продолжавший в своих работах традиции русской реалистической школы. Его умение мгновенно рисовать с натуры портреты было уникально. Он оставил огромную галерею образов наших современников — героев боев Великой Отечественной войны (в которой участвовал на Ленинградском фронте), обширную серию изображений советских писателей, космонавтов, людей труда, деятелей культуры и искусства. Много труда и таланта отдал Анатолий Никифорович Яр-Кравченко советской журналистике. Его изобразительные репортажи с великих строек, зарисовки героев труда останутся как страницы летописи нашей великой Родины.

Многие годы он был автором журнала «Огонек». Читателям запомнились его яркие и острые рисунки, репортажи, портреты, а также популярная картина, посвященная встрече М. Горького с советскими писателями.

Надолго мы сохраним память об Анатолии Никифоровиче Яр-Кравченко, художнике-коммунисте, посвятившем свою жизнь созданию образов героев нашего времени, строителей коммунизма.

ОГОНЬКОВЦЫ

ПРОГНОЗЫ И СЮРПРИЗЫ

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

Когда читатель раскроет журнал с этим обозрением, на матчах претендентов уже закончится первая половина состязания и картина лондонских сражений будет куда более ясной, чем сегодня, в самом их начале. Но и того, что уже произошло на старте, достаточно, чтобы испытать всю гамму волнений от разочарований до восторгов. Основное внимание любителей шахмат, естественно, приковано к поединку Каспаров — Корчной. Из Лондона передают, что в дни их сражений (поединки обеих пар чередуются) зал, рассчитанный на 600 зрителей, бывает переполнен, и возникает совсем нетипичная для шахматных состязаний «проблема лишнего билетика».

Корчного и Каспарова сравнивают здесь с безупречными шахматными счетно-решающими устройствами. Меткий образ! Но чтобы его уточнить, добавим, что сконструированы-то эти «компьютеры» по-разному: один — еще на лампах, а другой — на современных полупроводниках...

К счастью, шахматы пока подвластны больше людям, чем машинам, и конфликт, заложенный в столкновении таких гроссмейстеров, как Каспаров и Корчной, носит более принципиальный и острый характер.

Прогнозов было немало, но мнения авторитетов в основном совпадали. Английский гроссмейстер Спилмен сформулировал его так: «Матч будет скоротечным — он закончится досрочно, и шансы можно расценить как 6,5 : 3,5 в пользу мистера Гарри». «Матч будет нервным»,— полагали многие другие.

Что касается самого Каспарова, он уезжал в Лондон с чувством уверенности в своих силах. «Я доволен своей подготовкой,— сказал он,— много времени уделял спорту, со своими тренерами многократно проверял качество подготовленных к матчу идей». Добавим, что «штаб» претендента тоже выглядел внушительно. В него вошли секунданты мастер А. Никитин и гроссмейстер Г. Тимощенко, тренер Е. Владимиров, врач Х. Гасанов и, конечно, мама Клара Шагеновна.

Словом, все настраивало на оптимистический лад.

И вдруг как гром среди ясного неба прозвучало сообщение о поражении Каспарова в первой же встрече! Сводки, поступавшие в тот вечер из Лондона, были скупы, но в каждой из них ощущались необычность и драматизм происходивших за доской событий: «Корчной на седьмом ходу применил новинку», «Корчной пожертвовал пешку за инициативу», «К 17-му ходу у Каспарова израсходовано уже почти 2 часа, у Корчного всего 5 минут». «У Каспарова — цейтнот», «Каспаров сдался». Не видя партии, трудно было поверить этим сообщениям, настолько противоречили они всем прогнозам. Как могло произойти, чтобы Каспаров, играя белыми, в своем коронном дебюте оказался разбитым и, по существу, всю партию провел в обороне? Почему он так легко уступил инициативу? Разгадка таилась не столько в пробелах дебютной эрудиции Каспарова, сколько в особенностях характера юного гроссмейстера — его максимализме, горячности, творческом азарте. Как поступил бы опытный матчевый боец, столкнувшись с неожиданностью в излюбленном «фирменном» варианте? Сделал бы несколько спокойных ходов, предложил ничью и... поручил своему «штабу» вплотную заняться возникшей теоретической проблемой. К следующей встрече он был бы уже во всеоружии, не испытав горечи неудачи. Каспаров же счел себя обязанным немедленно опровергнуть замысел соперника, за доской отстоять авторский дебютный патент. Такая бескомпромиссность достойна уважения, но она, увы, и очень рискованна. Тем более что новая идея Корчного оказалась и весьма обоснованной и целесообразной. Каспаров взвалил на себя непосильную задачу, и с этого начались все его беды: и недостаточно обоснованная стратегия в миттельшпиле, и экспериментальность замысла, связанного с жертвой центральной пешки, и цейтнот, и тактический просмотр в эндшпиле. Досадное поражение!

Но многочисленных поклонников Каспарова тревожил не сам по себе результат, а его возможные последствия. Известно, что молодой гроссмейстер остро переживает свои редкие неудачи, и драматическая осечка на старте вполне могла выбить его из колеи. К счастью, кризис миновал быстро и благополучно. Уже ко второй партии Каспаров пришел собранным, волевым бойцом, готовым продолжать борьбу как ни в чем не бывало.

Он смело избрал обоюдоострый вариант, где нет и тени оборонительных тенденций, спокойно отреагировал на попытку Корчного захватить инициативу и, когда позиция упростилась, не стал азартничать и принял трезвое решение не искушать судьбу. Ничья. Но скорее в пользу Каспарова, нуждавшегося в перемирии для окончательного залечивания ран.

Третьей партии все ждали с особым нетерпением, Каспаров играл белыми, и было интересно, как решил он теоретическую проблему, поставленную перед ним Корчным в первой встрече. Уже начальные ходы показали, что убедительного возражения пока им не найдено. Каспаров свернул с проторенного пути первым, отложив возобновление принципиальной дискуссии до лучших времен. А может быть, ему вообще не по душе теперь та схема? Но, так или иначе, сражение развернулось на новой стратегической основе, и Каспаров, что называется, не озираясь, затеял бескомпромиссную схватку на ферзевом фланге. Когда темпераментный боец отдал ладью за слона и пешку противника, всем стало ясно — у Каспарова проснулся вкус к сложной борьбе. Не так уж важно, что и эта партия кончилась миром до 20-го хода. Определилась психологическая тенденция, благоприятная для молодого гроссмейстера. Корчной, судя по всему, решил прибегнуть к прессингу и довольствуется сдерживанием нарастающего натиска соперника. Каспаров, по мнению его «штаба», постепенно «обретает удар». Из Лондона передают, что настроение у нашего гроссмейстера боевое.

На фоне общего ажиотажа вокруг поединка Каспарова с Корчным матч Смыслов — Рибли невольно оказался в тени. Но для славного ветерана, вернувшегося к борьбе за утраченное звание спустя четверть века, само участие в столь престижном состязании является спортивным подвигом. Седьмой десяток даже самый оптимистичный геронтолог не назовет благоприятным для честолюбивых устремлений. Но годы не властны над истинным талантом. Игра Смыслова по-прежнему классически ясна, логична, исполнена гармонии и красоты. Она проста, внешне бесхитростна и вместе с тем далеко не безобидна. Покойный чемпион мира М. Эйве сказал как-то: «Такие ходы, как делает Смыслов, могут делать и другие шахматисты, но выигрывать при этом будет только он, поскольку каждый его замысел всегда сильнее и опаснее, чем выглядит». Смыслов вдвое старше своего грозного соперника, но его шансы в полуфинальном поединке никем не расцениваются ниже чем «фифти-фифти». И начало матча дало такому прогнозу весские подтверждения. С удивительным вдохновением провел Смыслов свой стартовый поединок! Окончание этой партии может служить образцом виртуозного владения инициативой в, казалось бы, простейшем окончании. И пусть эта партия отняла много сил и на следующий день Смыслов играл трудно и неудачно, первая победа вселяет оптимизм.

Итак, старт полуфинальных матчей сложился увлекательно и драматично. Говоря словами поэта, как мало прожито, как много пережито.

Будем ждать добрых вестей из Лондона.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Кантата П. И. Чайковского. 8. Город в Карелии. 9. Сахаристый сок, выделяемый цветками растений. 10. Пресноводная рыба семейства лососей. 11. Лезвие. 12. Прикрепленное к древку полотнище с изображением герба, эмблемы. 14. Роман Л. М. Леонова. 15. Горный массив на Южном Урале. 16. Общее количество ручных орудий труда, используемых в определенной специальности. 19. Увеличение производительности, действенности. 23. Советский мастер смычковых инструментов. 24. Научное сочинение. 25. Горная система в Южной Америке. 26. Малая планета. 28. Пузырек для духов. 29. Литературно-художественный журнал, издаваемый в Молдавии. 30. Русский живописец. 31. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Действующий вулкан в Южной Америке. 2. Упражнение для совершенствования техники исполнения музыки, танца. 3. Животное семейства оленей. 4. Болгарский народный танец. 5. Работник театра. 6. Химический элемент, металл. 12. Спортсменка, занимающаяся одним из видов конькобежного спорта. 13. Произведение Н. Г. Гарина-Михайловского. 17. Укол в фехтовании. 18. Южное плодовое дерево или кустарник. 19. Героиня двух опер К. В. Глюка. 20. Певица, народная артистка СССР. 21. Альпийская фиалка. 22. Курорт в Читинской области. 27. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 28. Форма полифонического произведения в музыке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Баллистика. 8. Жаркий. 9. Таллий. 11. Бобр. 13. Вектор. 14. Шплинт. 15. Блесна. 17. Увертюра. 19. Пномпень. 21. «Раймонда». 23. Километр. 25. Навага. 28. Литера. 30. Солнце. 31. Амур. 32. Глагол. 33. Быкова. 34. Бригантина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Волейбол. 2. Бетатрон. 3. Танкер. 4. Околыш. 6. Паштет. 7. Диплом. 10. Межелайтис. 12. Интермеццо. 15. Бархан. 16. Аптека. 18. Юкон. 20. «Осел». 22. «Отелло». 24. Орлова. 26. Аналогия. 27. Горбатко. 29. Ангара. 30. Секанс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рафаэль Санти. АВТОПОРТРЕТ.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Экспонаты из Минералогического музея имени А. Е. Ферсмана АН СССР. (См. в номере материал «Поэма о камне».)

Фото А. Маслова

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.10.83. Подписано к печати 29.10.83. А 00755. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2686. Заказ № 2965.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Ядерная дубинка
заокеанского питекантропа.

Карикатура КУКРЫНИКСЫ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663